

Александр
Шерстюк

АЛЕКСАНДР ШЕРСТЮК

НА ПИСЬ НА ВЕТРЕ

Стихотворения и поэмы

**Москва
1998**

Оформление автора

Ш 50 Шерстюк А.А.

Надпись на ветре: Стихотворения и поэмы. – М.:
«ЗелО», 1998. – 224 с.

ISBN 5-86483-075-5

В книгу вошли в основном стихи 70-х – начала 80-х годов, это срединная часть творческой работы поэта. Несколько включённых в сборник стихотворений и поэм из более раннего и позднего периодов имеют датировку.

3	ТОПОНИМИКА ДЕТСТВА
41	ГОНДВАНА
69	НЕ ЖГИ ПЕРЕПИСКУ
91	КИСТЕПЁРЫЕ
117	НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО
151	НАДПИСЬ НА ВЕТРЕ
193	УКАЗЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
194	МИНИАТЮРЫ
195	НАДПИСИ
197	НЕПРИЛИЧНЫЕ НАДПИСИ
199	АЛЫЙ БАНТИК ГУБ
209	ИЗ «МОЛОДЫХ СТИХОВ»

Подробное оглавление в конце книги

ТОПОНИМИКА ДЕТСТВА

ТРИПТИХ

1. РЕЧКИ

Речка Барлычка и речка Орель
текут исключительно вдоль деревень.

Текут из ключей, из сочений земных,
в аирах лечебных, в осоках прямых.

Деревни вдоль речек щетинят хребты.
Картошка и хаты, и вязов ряды.

Текут вдоль Днепровки, ракушки на дне,
и вёрст через тыщу вливаются в Днепр.

Текут по равнине, текут, не спешат –
такая уж, видно, у них душа.

Век тут бессилен. Темп водопойный.
Может, отравят, но не подгонят.

Текут ручейками. Где та вода,
пока не склонись, не увидеть.

И так я скажу вам о ширине:
станет копыто – плотина уже.

А баба пойдёт полоскать бельё,
положит досочку – мост наведён.

И всё ж луговой этих скромниц вид
из виду не выпущен мной, не забыт.

Я помню Барлычку и помню Орель,
я в них серебристых ловил пескарей.

Руками, корзиной, по пузо в грязи,
и по уши тож, негрится в Руси.

Потом всё смывалось плеском струи.
Мы были счастливейшие плескари!

Дикарское племя, гатьная рать.
Волшебное время – не жить, а играть.

В те дни-колдуны и Орель и Барлычку
я звал, как и все, то есть попросту речкой.

Как скиф называл словом «речка» – «дын» –
Дон, Днепр, Днестр, Дунай, – доскакав до воды.

Сейчас моих речек не знает имён
ни пахарь окрестный, ни тот, кто «район».

И где здесь утрата, не знаю пока –
то ль речки мельчают, то ль память мелка.

Я сам, лишь всклубив вековечную пыль,
ширь речек забвения переплыл.

Понюхав один зело ветхий архив,
я аромат своих речек вкусил.

Имён аромат. Переливы «арл», «орл».
Струение в руслах ушей и горл.

Горл тех, кто здесь жил и кто будет жить,
и будет вдоль речек орлеть и рулить.

...Я верю, народ мой повесит таблички,
где речка Орель и речка Барлычка.

2. УЛИЦЫ

Деды мои жили на Ковалёвке.
Тут же в их кузнях звенели поковки.

Узка Ковалёвка. Низинна, ручьиста.
И, как говорится, не очень казиста.

Не просыхают её колеи.
Совсем не пройти, *мжель парбся коли*.¹

Здесь к выручающей песне металла
лапотность вязла, но пробиралась.

Но были, рассказывают, дни –
цвели сарафаны и саяны.

Я улицу эту знаю неважно,
её посетил лишь наездом однажды.

Но всё же её в думе мину едва ли:
здесь деды ковали, деды пахали.

Судьба вознесла мою жизнь повыше –
я жил на холме, на улице Гришевке.

Характер другой её. Грядки покатые.
Стёжки приветливей, в травы закатаны.

Грязь тут редка, как и пыль. Но найдёт
петух и ребёнок – кому что идёт.

Тихая улица. Улица таинств.
Правда, со временем всё же меняется.

Помню, рассыпанность хат была связана
гущей ветвей, узловатыми вязами.

Над ними, сжимая отквакавший груз,
спускался к протянутым ртам черногуз.

Теперь вязы редки. Жучки, говорят,
американские, корни едят.

Исчез черногуз. Появился – «аист»,
но на холме, где вязы остались.

А тут появляются – то мопед,
трещотка несчастная, Мишка-сосед

с громом несётся – струятся спицы, –
словно Ильюша на колеснице,

то вот ещё новость: ввели таблички.
Дома в номерах. И не обезличена

улица тоже. Её надписали:
«пер. Стародубский». Очень похвально.

Теперь ни один не заблудится пёс,
лишь ткнёт в угол с номером чуткий нос.

Но почему «Стародубский»? Здесь не дубы,
здесь старые вязы морщили лбы.

Райцентр Стародуб? Далековато.
И улица мимо глядит куда-то.

А Гришевка – ну, давайте по душам,
друзья кабинетные, – чем она хуже?

И Ковалёвка – теперь «Гвардейская».
Как в гарнизоне. Есть чем гордиться...

Только уж ежели всё по-новому,
то почему непролазность по-старому?

Знаю, что скоро всё заасфальтится,
но – почему начинаем с нелепицы?

Эх, земляки, ваш жестяной «пер.»
есть пригвождённый чиновный перл.

...Сегодня нарочно спросил я Мишку:
«Где ты живёшь?» – он ответил: «На Гришевке!»

¹ То есть когда моросит мельчайший дождик.

3. ЛЮДИ

Людей имена – это тоже ландшафт
и воздух, который вдыхает душа.

Но воздух текуч. За циклоном циклон.
Сколько уже растворилось имён!

Читать книгу детства – как святцы читать.
Вот всего несколько скромных цитат.

Только на нашей улице жили
Захар, Куприян, Никифор, Аксиныя.

Дальше Егоры – Пармёнов и Лямкин.
Матвеевна, Фрол, Ульянушка, Яков.

А за Лукерьей, лукавой в боках,
жил вечно пропахший цыбулей Лука.

Ещё приходили, помнится, к нам
Данилка, Игнат, Диомид, Кузьма,

Савелий, Авдотья, Кулинка, Клим,
Проход – да кто только не приходил!

Коричневозубо дымил Спиридон,
кресалом ещё добывал он огонь.

Баб собирая – что там на фронте? –
гадала на жизнь и на смерть Софрониха.

Вздымая рожок, возвещал о заре,
как эллинов Пан, пан телят Пантелей.

И разносила вести и письма
сорока весёлая – Дарья Анисимовна.

Анисья, сестра её, в Лавры ходила –
платок, посошок и курс на кадило.

На самом краю жил Селивёрст –
там, где к селу подступает даль вёрст.

Крёстную вспомнил: душа-Герасимовна,
лучение вся, нет добрей и прекраснее.

А крёстного звали Иван Орехович²,
скакун одноногий и чуточку брехович.

Иваны зацеплены... Их было, может...
бесспорнейше, было всего их больше.

«Иванов – хоть греблю гати!», – говорила
соседка Прасковья, что Федьку любила.

Женщин имён я назвал бы побольше,
но женщин, как правило, звали по-батюшке.

А заглаза – в основном по мужу,
что стольким гектарам и ртам был нужен,

да не вернулся с покоса железного
или вернулся уже Неизвестным.

Полностью звался народ поучёнее.
Мой первый вела Ефросинья Антоновна.

А мама моя – помню, звали все её
то Ковалихой, то Мосеевной.

Их было три брата – давнишний посев:
Мосей и Лексей и меньшей Овсей.

А сёстры у мамы – Агафья и Хима.
Недавно узнал я, что Хима – Евфимия.

Дедов не помню. Умерли все.
Где-то в дороге упал Мосей.

С сумою шагал в 33-м голодном.
Там и зарыт. А может, обглодан.

Ушедших – немало. Лежат за речкой,
под холмиками, крестами помечены.

Их имена, как во сне, ворочаются
в памятях, частью ж осели в отчествах.

Какие теперь имена? Всё больше
Люси да Вали, Коли да Толи.

Не встретишь ни Емельяна, ни Стеньки,
как ни поэтят их евтушенки.

Исчезли Демьяны и Северьяны,
Демьяны не бедные – знать, не Демьяны.

Простонародье вышло в князья,
а кто из князей был, допустим, Касьян?

Да что там Касьяны – Иванов всё меньше,
среди молодёжи и вовсе не встретишь.

Стыдятся иванства. Недавно Иван
встретился мне – оказалось, цыган.

Ну что ж, остаётся сказать спасибо
святым, что когда-то их вдоволь было.

Где-то они обходились молчаньем,
но в урожае имён выручали.

...Как воздух текуч! За циклоном циклон.
Сколько ещё растворится имён!

² То есть Арефьевич.

СТИХИ О ДИКОВИННЫХ СТРАНАХ

Я очень долго ничего не знал о диковинных странах.

Я ничего не знал о них
в 1941 году,
в моём тысяча девятьсот сорок раз
первом году,
когда я был не я,
а розовый пузырь
с четырьмя или больше отростками.
Я лежал в тазу –
руки, ноги, стрела амурная,
перламутровое
первое утро,
первый вздох –
и возмущение,
что дышать теперь надо самому.
Первые нарапашку глаза.
Первая и последняя мать
на золотой соломе.

Я ничего не знал о диковинных странах
именно в 1941 году,
когда один неудавшийся художник,
но удавшийся дрессировщик,
уродливый потомок крысолова из Гаммельна,
под многоствольную дудку
выпустил миллионы крыс
в направлении Гомеля,
а значит, и Мглина,
а значит, и меня, –
чтоб, отгрызая кусок за куском,
без угрызания совести
они съели берёзы
и выпили озёра,
закусили коренными жителями
и, вдохновляясь идеей громкого ветра,
помочились на несъедобный пепел.

У меня не было представления о диковинных странах,
когда был Сталинград
и прямым попаданием смерти
унесло в разные стороны
руки и ноги
и разудалую голову
моему семнадцатилетнему брату,
когда могущество вивисекции
достигло *безымянных* высот,
а в голубые артерии Родины
металлические плавники
метали взрывчатку.

Я ничего не знал о диковинных странах
и в том майском году,
когда на зелёном лугу,
а затем на меже,
а затем у крыльца
появился *солдат*,
а я спрятался под услон¹,
непонятен был мне
этот *дядя papa*.

А отец сначала кутнул немного,
чтоб поверить,
что ещё он на *этом* свете,
затем сложил медали
и 17 благодарностей товарища Сталина
вместе с «Материнской славой»
в трофейную коробку «Zigaretten»
и принялся за прежнее дело:
воспитывать молотком –
когда плуги, когда серпы,
когда лошадям подковы на счастье
(мог бы и для блох –
умение было и блохи были,
да в слишком агрессивный блок
они со вшами вступили).
Он плющил и сгибал,
оттягивал и калил,
отпускал и бил,
бил и бил и бил –
кому бурав, кому дыру,
кому крест, кому звезду (над обелиском),

кому нож, кому тож,
кому змеевик для искушения змием бурячным.
Не забывал также нравиться бабам.
Жизнь продолжалась.

Мне незачем было думать о диковинных странах,
когда процветали цыпки,
мы ловили корзиной
рыбную чепуху,
пасли уважаемых гусей,
курили вату
дырявой, но самой тёплой в мире фуфайки,
под пекущим солнцем,
по колено в воде,
играли тягловой силушкой
в торфяном карьере,
собирали благородную лебеду,
крапиву
и прошлогоднюю накрахмаленную картошку,
дрались, как воробьи, у хлебного магазина
за буханку хлеба,
занимали очередь, чтобы вырасти.

Я ничего не знал о диковинных странах,
когда впервые надел ботинки,
брезентовые, 40 рублей старыми,
закомпостировал билет,
простился с отцом, матерью
и своими четырнадцатью годами,
забрался на верхнюю полку
и загремел
за тысячу далее,
за своим Бог знает чем,
нужным.

И когда я спустился в шахту,
то есть в глубь моей Родины,
и с помощью пара, Богоматери и печёнок
выполнял план,
обоснованный не электронной машиной,
а скупым словом «надо», —
я и тогда, собственно, ничего не знал
о диковинных странах.

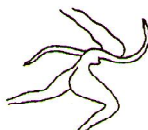
Я ничего не знал о них и позже,
когда разгружал на Волге баржи,
строил объекты в Казахстане,
украшал их вывесками: «ЕСЛИ ТЫ СВИНЬЯ – ВХОДИ!»,
в московских дворах
работал дворником,
живя в подвале, издавал «ВЕЧЕРНИЙ ПОДВАЛ»,
награждённый орденом Аиста
в связи с выходом первого номера,
надышался смогом
(Самое Молодое Общество Гениев,
Сжатый Миг Отражённой Гиперболы)
и, уезжая в Смоленск, говорил:
«Держу курс на Париж!», –
не удивляйтесь,
я был слишком молод и гениален,
чтобы жить не в диковинных странах.

Так что ж случилось, что произошло,
что должно было случиться, произойти,
если теперь, в золотоноснейшие дни,
когда на плечах пуды лет
и есть
отдельная двухкомнатная смежно-изолированная
каюта
на плывущем среди рябин и визга детей
тихоходе,
есть кругломордые сытые цифры
в расчётной книжке,
есть тысячи книжек
и тысяча возможностей
забыть голодоту,
а она не забывается,
грызёт сытые цифры
и не поправляется,

что случилось, что произошло,
что должно было случиться, произойти,
если,
приезжая в Ригу –
серую, как её кошки, Ригу, где
HOTEL готикой стать хотел,
или в Бухару,
глинобитную до несгораемости,

вечную Бухару,
 где мечети покрыты небом,
то в Лоо,
 гололунное, спелотелое,
 изобильное «Изабеллой» Лоо,
 где купаются в море куриные боги, –

приезжая в прекрасные диковинные страны,
я не могу,
я не могу их любить больше трёх дней, –
восхитительные, восклицательные, дивные страны,
всё чудесно и хорошо,
вдруг на сердце – собачий вой
и такая нищета,
такая яма,
 что
летят к чёрту планы,
отдыхи и загары,
хватает дурацкий чемодан
и бежишь на вокзал,
на ближайший глазам вокзал,
на аэро, авто, ж/д,
 где
объявляют посадку,
скорее туда,
где гудит, где свистит, где рычит, где поёт,
раздувает живот
и пространство жуёт
и одно мне вернёт –
смысл – другое не в счёт, –
мою горькую
и прекрасную,
раздиковинную мою
Родину.

¹ Услон – скамья.

БАЛЛАДА О ГУСИНОЙ КОЖЕ

Гусиная кожа детства...
Чтобы реже и в меру мёрз я,
мамой каждой зимою в дело
запускались бёрда и кросна.

А потом рулоны холщовые
я по травам с холма раскатывал.
Из-под ног улетали пчёлы.
И ложились холсты, как скатерти,

что дорожкой лишь для солнца,
для его колеса, лучащего
спицы стройные и высокие,
были временно предназначены.

Охранял белизну я строгую
от гостей и от их гостинцев –
и от гусениц многоногих,
и похожих на них гусинцев.

Пас я рядом крылатое стадо
(как я дням тем сейчас завидую!).
Среди особей серых отрядно
золотой выделялся выводок.

Предводитель лапчатых скор был
на ударную крыльев силу.
И, паслось убедительней чтобы,
доверял я пасти коромыслу.

Вождь их тоже страж был бессменный.
Он решительно и нещадно
мою тягу к пушистому племени
подтверждал синяков печатью.

Ну а в целом дороги были
всё же разными даже на ощупь:
домотканая – у светила,
травотканая – у гогочущих.

И пушистые незаметно
потемнением из кожи лезли.
На исходе каникул летних
были вовсе не интересны.

Из холста, что был выбелен здорово,
мама сумку школьную сшила.
И потом с неуместным проворством
я в неё проливал чернила.

К Покрову ближе – ближе к дому
колыхалась тяжёлая стая.
Здесь одну я историю вспомню –
как убил гусака нечаянно.

Во дворе, тренируя руку
на бросках, картофельный олух,
целил я в мишень миски круглую,
а попал птице прямо в голову.

Ещё помню: когда без перьев
оказалась в пупырышках кожа,
то была на мою она белую
и холст выбеленный похожа.

* * *

Икон у нас не было. Были – у дядьки,
брата отца. И тот, в пьяном мраке,
хватал вдруг Угодника (с тёткой – до драки) –
и – топором...
Дядька умер от рака.

У нас на стене портрет, помню, был.
И подпись внизу.

Слова мои первые,
учился читать когда,

так я сложил:

«ЛАВ-РЕН-ТИЙ ПАВ-ЛО-ВИЧ БЕ-РИ-Я».

* * *

Отец вернулся в сорок пятом.
Открылась язва в тот же год.
Катаясь по полу, он матом
её приветствовал приход.
Вставал и шёл опять к горну.
Обед носили мы ему.
(Молотобойцам, впрочем, тоже.)
Зубило и серпы отложат,
едят неспешно, молча, важно.
И гость иной, случалось, скажет:
«Петрович, ты еще дождёшься –
сыны с тобою закуют!»
Отец в ответ: *«Мои и кости,
пожалуй, к той поре сгниют!»*

Он выковал себе звезду
и ниже напаял на жезл
две даты – точную одну,
в другой пустое место есть.
И пусто много лет оно.
В сарае памятник пылится,
пока без дела. Уж давно
отменены серпы и жницы.
Ушли навек, кто обещал
подмогу выросших сыночков.
Кряхтит тихонько, кто ковал
и скорый гроб себе пророчил.
Сыны отцу к Победе шлют
по почте дружные посылки.
Ликёр болтается в бутылке.
И слышно, как часы идут.

ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

ПОЭМА БЛАГОДАРЕНИЯ

Настал торжественный момент,
где слиток слов есть тот же орден.
«Да здравствуют отец и мать», –
звеним мы золотым аккордом.

Да здравствуете оба вы,
вам здравствовать ещё бы много,
да стали зимы холодны,
да стали медленнее ноги.

А начиналось – через край,
лилось рекой, само, несметно,
лилось и било об пол грань.
И лихо впало в лихолетье.

Когда кричали «горько» вам
в застолье людном, блюдном, пьяном,
не думали там о словах,
обряд – он должен быть стаканным.

Не знали там, как верен крик
утробно властный, сладострастный,
и из каких составлен игл
тот штамп татуировки счастьем.

Как 33-й, чтоб спасти,
начнёт для вас отсчёт мотаний.
Как меток будет чуть спустя
прицел свинцовых попаданий.

Как жадно будут восемь ртов
глотать навар кокор с крапивой.
И недоимок как зато
отмена будет справедливой.

И сколько ношек – всё серпом –
нажать, принести для той, мычащей,
что всех спасала молочком
сырым, горячим, как кипящим.

Да, это точно – среди всех
тех ношек не было амбарных
или скирдовых, или тех,
что носят длинные карманы.

И в передрягах вы спасли
бессребренность – святое знамя...
И вот из множества спасибо
какое выразить, не знаю.

Спасибо вам за мою шерсть
фамильную, ей знаем цену.
За вопреки ей радость лезть
на печки тёплую чарену¹.

Когда, подушку обласкав,
я сладко спал, спал, как убитый,
при каганце² шёл труд облав
на бденье мелких паразитов.

Спасибо позднее моё
за детства век недолговечный,
не обеспеченный ремнём,
один единственно беспечный.

За привилегию тайком
расти неслышно, будто травы.
За замечательное право
пасть по росам босиком.

За то, что отнятый отцом
«у зайца» рафинад был чудом,
хоть замусоленный, с овсом
и в табачинках сорта гундий.

За двухголосье «гаем-гай»,
где удаль – в выдохе с печалью.
За то, что душу в них влагать
вы не у моды позычали³.

А может, у таких же баб,
чьи гуканья⁴ теперь в почёте,
чей втиснут вековечный скарб
в диск на Апрелевском заводе.

У девок тех, что закликать
весняночку себе умели
и молодо сидели, как
русалки на гряной⁵ неделе.

У Клима Шмата, что как есть
пел лазаря и пел «Достойно»,
и «Воскресение, – пел, – днесь»
за шмата вещество ржаное.

Он христарадничал. Ему –
Христа уже и помня вряд ли –
совали что-нибудь в суму,
пожалуй, больше сердца ради.

Он шёл с туманом на зрчках,
с бацищем шёл неразведённым,
непомещавшимся в церквах,
шёл с лирой, плакальщицей томной.

Теперь ей выпало стоять
в консерватории, музейно.
И зрячие на ней рыдать
не смеют, да и не умеют.

И думаю я: что тебе,
столица, в этих звуках пленных?
«Днесь» уже нет, а есть – «теперь».
Теперь поют не те куплеты!..

Но каждый звук ваш – внук времён
тех, где Софония, Митуса⁶ ль,
нелепо ли, но плакал он,
земля мой, – о «Земле Руской»!

Спасибо вам, что я застал
его последний звон приветный.
Я верю всё ж, что красота
его останется бессмертной.

И тонок пусть культурный слой –
магнитный слой кассетной ленты, –
как на заслуженный покой
в него уйдя, не канет в Лету.

Вот только знаю ещё то,
что красоте воспроизвестся
тем проще всё ж, чем больший ток
записан на кассете сердца...

Спасибо вам ещё моё,
что знаю запах, помню радость
вносить в людей житьё-бытьё
телка родившуюся слабость.

Что натуральность всю пути
от коноплины до рубахи
я видеть мог, мог поднести
замашки⁷ маме-тонкопрыхе,

шершава чья была рука,
мороз стирающая с кожи...
За мягкотелость языка
из глаз вытаскивать порошья.

За то, что всех наследств ценней
и сундуков прочней приданных
вы кость наследовали мне,
опорную мою крестьянкость.

И шарик мой, каким качу,
трамбуя грунт исповедальный,
обрёл брюшка величину
меж молотом и наковальней.

Ну а добро – не в коробах
и не в пуховых малакучах,
добро копили вы в горбах,
не счесть его, не иссундучить.

Вам смысл добра от А до Я
был явлен с детства, несомненно, –
на тесность бедствий отвечать
души широким преломленьем.

Нам жить всегда бы потесней,
как пальцев общество простое,
да разлучились по стране
пятиконечною звездою.

Поразлетелись кто куда,
кустарность предпочтя артели,
рассажены по городам
кусты Брян-Кусти⁸, все отдельно.

Но родины великий зов
нас посещает в час беззвучный,
являясь вдруг в обитель снов,
в их тайный промысел тягучий.

И проявляясь, не секрет,
в везенья час, в час пешедраля,
когда не нужен уж билет
ни мне, ни фибрам чемодана.

Когда доеду я сойти
на стёжку в липах густокронных,
где столько гнёздной лепоты
и всё обкаркали вороны.

Где как-то я два брутто нёс
и шла крестьянка пожилая –
«Помочь?» – потряс меня вопрос,
он был без фокусов, я знаю.

Затем локаторы ушей
наполнить заповедной рощей,
вниз-вверх, вниз-вверх – и вот уже
похлопать дом по рёбрам тощим.

Качнуть крыльца скрипучий строй,
не обойти порог вниманьем –
и плеч бывлых обнять сухой
остаток немонументальный.

Поставить за столом на вид
пример, собою однозначный:
жизнь из ошибок состоит,
но всё-таки не неудачна.

Дырява пусть была она,
вы все нули позалатали,
пусть из соломы купола
и только свадьба золотая,

в ней перепало кой-что нам...
Так хлебыстнём же позолотцы,
пусть золотой налив вина
по веткам нашим разольётся.

За вас, прекрасные мои,
кузнец и жница, серп и молот,
чтоб не в последний раз могли,
как говорится, дай Бог снова.

За естество таких минут,
пока блаженство есть встречаться,
прошу вас сил найти на труд
обоим здравствовать всечасно.

¹ *Чарена* – плоский верх русской печи.

² *Каганец* – самодельная керосиновая лампа с фитилём, скрученным обычно из ваты.

³ *Позычали* – брали в долг.

⁴ *Гукальные песни* («гукать» – звать), или *веснянки*, которыми *закликали* весну прийти поскорее, являются частью сезонных славянских песнопений, восходящих к языческим временам.

⁵ *Гряная*, или *русальская*, неделя – седьмая неделя после Пасхи, накануне Троицы, зелёные святки.

⁶ *Софония*, *Митуса* – предполагаемые, по разным версиям, авторы «Слова о полку Игореве».

⁷ *Замашки* – конопля мужская (бессеменная), волокно которой шло на изготовление полотна.

⁸ *Брян-Кустици*, или *Брянновы Кустици* – село на Брянщине, прародина автора.
Колёсная лира слепого брян-кустического нищего певца – по-местному, *старца* – Клима Шматова, на которой он исполнял *духовные песни*, хранится в Московской государственной консерватории.

ТЕТРАПТИХ МАРИИ

1

Сестра моя, отличнейший портрет,
где ты в берете, смущена собою,
рискнувшая в свои тринадцать лет
стать деревенской дерзкою звездою.

Отличница, букашка, мошкара
и остроглазка, длинная ресничка,
мошенница, трепло, физкульт-ура,
визгица – от рождения привычка.

О длинноноска! Скользящая нога,
на шабаши летя, водившая нас за нос.
Вот ты в углу, и вот та кочерга,
которая учить тебя пыталась.

А вот рисующая связку букв,
как связку бус, что кралями мы звали.
Рты младших братьев – и протяжный звук,
от букв скакнувший в грамотные дали.

2

Сестра моя, изящнейший портрет,
студенческая световая вспышка.
В глаза и косы косо влитый свет.
И два луча улыбочку колышат.

Тончайший профиль. Глаз разрез и нос
готически смелы и совершенны.
И блоковский возвышенный запрос
и в облике, и в облаке мышленья.

И голоса сопраннейший поток
струится, мира переливы множа.
И люстры – фестивальныи потолок.
И бабы в кирзе: «Маня, ох, поёт же!»

Осанки приготовленная стать
хоть к самому всемирному потопу.
И тайно ждущая, кому бы явной стать,
в душе твоей томительная тропка.

3

Сестра моя, обыкновенный портрет.
Он чернобел. В нём к свету тень приникла.
И рамки профуганенный багет
протравлен хозтоварною морилкой.

И надпись ненавистная: *Достать*.
Достать, втоптать в утробу ненасытства.
И в черепки. И терпеливо ждать,
что хоть одна взыскрится ученица.

Капелла школьная. Как это важно – спеть.
Их спеть в одно. Вернее, им бы спеться.
К разрыву путь ведётся – проще нет –
как в кровоизлияниях – от сердца.

Осколки разноцветные сгребать
по всей стране рассыпанного детства,
чтоб, как тогда, был братом брату брат.
А сын уже – как идол бельведерский.

4

Сестра моя, бесценнейший портрет,
где лик грунтован каменной солью.
Мне потому так страшно умереть,
что ты тогда не сможешь жить от боли.

TACE

Мы жили тогда ещё не огороженно.
Послевоенный твой голос лил
«позарастили стёжки-дорожки».
Кружили хрущи над цветением слив.

Ты старшая. Ты бесконечно уставшая
от наших босых и бузинных игр.
И улетает к парам кружащимся
твой круглой улыбкой очерченный лик.

Гитарные зовы, щипковые такты.
Повздёрнуты плечи и сборки кофт.
И ухажёрства бесспорные факты.
И с матерью вздоры из-за пустяков.

Те стёжки-дорожки облезло лежали
в траве-мураве. Её звали *мурог*...
Что напрозорчил твой тембр дребезжащий?
Что рой жуков нажужжать тебе смог?

Тая, поплыли за вёснами вёсны,
плавно сначала, потом быстрее.
И оказался внезапно взрослым
мальчик, твой брат, – вот он, в створе дверей.

Сколько там лет, сколько зим – не спрашивай.
Раз занесло, давай обоймёмся.
Хоть непривычно, это не страшно.
Что же стоишь? Я не долгий гость.

Давай и оглянемся. Особняково
смотрится каждый теперь из нас.
Новая жизнь и заборчик новый,
и с голубыми усищами газ.

Книжный собор зело великолепен.
Дорожки заморские, шик-модерн.
Грядки обоев, салатные стебли.
Роза китайская в синем ведре.

И что ни шаг – нажитого услуги.
Хватит на вещи! В лицо я гляжу.
Что-то не вижу ту прежнюю, круглую.
Только на фотке её нахожу.

Ну так скажи, моя вечная старшая,
что в этом доме не новое есть?
То, что опять бесконечно уставшая?
То, что опять поёшь ту же песнь?

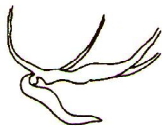
Что ж, на тебя это очень похоже!
Нравится мне дребезжащий тембр.
Позарастили стёжки-дорожки,
где мы гуляли... – теперь уж совсем.

Жаль, правда, позарастили крапивой,
а мурава не гнездится здесь.
Да ещё жаль, что отпели сливы,
звоны хрущей поубавил прогресс.

Нажили мы каждый столько много!
Но, чтоб обняться в нечастый час –
после дороги и перед дорогой, –
хватит и тембра, пожалуй, для нас.

Пусть – в дальней дали босое царство.
Пусть – не повздорить из-за пустяков.
Всё хорошо! Пелась песнь не напрасно.
Гостю взгрустнулось – и был он таков.

И на своём отстоянье далёком
от розы китайской, и слив, и бузин
он, возвратясь, будет ночью глубокой
долго сидеть в тишине один.

* * *

Дом, в котором рождён я, не дом.
Дом пошёл – не вернётся! – на слом.

Это я возвращаюсь, кружу,
прах возьму и в стакан положу.

Помещу хоть щепоть трухи
из венцовых колец и стрехи.

И втолкну в себя горьким глотком,
по нутру чтоб прошлась пешком.

По крапиве дремучей души.
По бурьяну, что так лопушист.

Где по-своему, чёрт, не плох,
изумруден чертополох.

Сам пройдусь я по пустырю
и минуту одну постою –

монументом тяжёлым, немым.
И уйду я путём своим.

Есть такая форма услуг:
отжитому вершить каюк.

Ни слезинка не скатится вниз
из живых, но стеклянных линз.

Впрочем, вырвалась. Ну и пусть!
Слёзы – груз, отягчающий грусть.

Чтоб шагалось мне далеко
и шагалось чтобы легко,

сброшу их, будто лишний вес.
Ну а тяжесть всё-таки есть:

на поминках ли, на пирах –
в сумке сердца – священный прах.

* * *

Гул идёт. Дрожат земля и стебли.
То родимый дом в краю далёком
протрубил пустой трубою в небо:
– Как живётся, друг зеленоокий?

Звук коснулся холода и стали!
Что ему ответ мой даст разумный?
Ведь когда-то я его оставил
сам навек. Грустить и не подумал!

На пороге выпустил колечко
вкусного очищенного дыма.
Не присел на старое крылечко.
Сел в вагон – и покатился мимо.

Но, видать, по тем же тропам гулким
с теми ж скоростями неотступно
вслед за мною сдавленные звуки,
словно псы, бегут по рельсам глупо!

Добираются до стен моих бетонных
(не пойму, что это им неймётся?!),
входят в кровь – и гул этот бездонен:
– Ну так как же всё-таки живётся?

* * *

Два слова – «*летошний*» и «*сёлетный*» –
давно живут в краю моём.
Кто *летось* был весёлым чёртом,
тот *сёлета* идёт на слом.

Свисает с *летошнего* ветошь,
сносилось платье, как тряпье.
А *сёлетнее* пышет светом
и рядит в пышный цвет репье.

В полуденном разгаре пиршеств
из чаш озёрных воду пьёт
и льёт на землю, перепивши,
её бросая ночью в пот.

А *летошнего* – нет ни света,
ни светотеней, ни тенёт.
Его слинял зелёный ветер,
куда слинял – там мрак цветёт.

Лета уходят в Лету, в летопись,
в архивный запах – там их тьма.
Лет опись чем длинней, тем ветше,
и интересна пусть весьма,

но кажется мне летом *сёлетним*,
что я в году этом годней,
чем *летось* был...
А был я чёртом,
и хвост – он, *летошний*, при мне.

* * *

Г. В. Метельскому

Вам захотелось в марте взглянуть
на отглянцованный деревом путь?

Красок навозных увидеть офорты?
Их замороженную густотёртость?

Ну и желаньице! Экое нищенство –
две колени в чистом поле ищутся.

А полю чистому вам не жалко
фырканий дымных, железного ржання.

Красок? Пожалуйста: радуги чуда
сколько желаете – в лужах мазута.

Времени нового пятна родимые
густо усеяли землю родимую.

Так что, случится искать подорожник –
лучше искать поодальдорожник.

Там, где пока ещё – разве не любо? –
в пыль окунуться ступнями доступно.

В тёплую, мягкую. Чуть заземлиться...
Только не в марте. Март не годится.

* * *

Мне сегодня приснился сон.

Будто – речка, вода струевая,
гать упёрлась, её не пускает,
мать нагнулась, бельё стирает,
из-под *праника* брызги взлетают,
икры мокрые красно сияют
и исподнее бело сверкает,
и досочка концом намокает,
луг шелковый, трава зеленая...

Звуки тоже быстро взлетают,
взмах за взмахом – за стайей стая,
до бугра летят и до леса,
в даль зелёную, в поднебесье.
То летят, пока не растают,
то опять кружат над мостками,
тянет их на родимое место,
к тихой речке, к чистому плеску,
где их праник опять взбивает...

Просыпаюсь –
ковры выбивают.

ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ АНТОЛОГИИ «ПОЭЗИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ПРАЗДНИКОВ»

Не потому ли в песне о
красно-зелёном винограде
рябиновые среди снегов
поёт литой спелой гладью,
что, свесясь гроздьями к ограде,
в двух временах живёт оно:
ветхозаветно и давно
в саду адамовом цело,
и, хоть цветов не вечно платье,
оно в Мезени, как на свадьбе,
сияет снова так бело!

И нашим поздним дням дано
от райских кущ вкусить усладу

тем, что вложили мы когда-то
в котомку памяти зерно
широт минувших, их понятий.

И потому-то так отраден
тот час, когда, звеня в окно,
славян потомки пьют вино
словесных красных виноградин.

СВЯТАЯ РУСЬ

Ещё жива Святая Русь.

Хоть лик её не очень склонен
сиять всеблагостью иконной,
и во вселенском марафоне,
таким не сладко-благовонном,
таким не ладанно-амвонном,
он не водою освящённой,
а потом окроплён солёным –
ещё жива Святая Русь!

Пусть свозят брёвнышки узорные
туда, где Иерусалим
был Новым некогда, и торно
асфальт туда ведёт, –
не им,
не белокаменным виденьем,
не вздохом быстро-отпускным
и не музейным умилением
храм духа русского храним.

Храним он только нашим Небом.
Когда пусты глаза и речь,
оно глядит на нашу небыль –
ему не нужно наших плеч
опорных.

Пусть ещё не очень
оно залито золотым
блаженным Солнцем, светом сочным,
но и сейчас –

оно наш нимб!

* * *

Всегда имеется родник,
которым можно окатить
пустыню жаждущей души
и жара гибельность её.

Всегда имеется родник,
который щедро увлажнит
извивы русел молодых
всех желторотых крикунов.

Всегда имеется родник,
где в отражении своём
узнаешь точно, как мелка
бездонность всех твоих глубин.

Всегда имеется родник,
что именуется ключом.
На даль привязан он твою
живую лентой ручейка.

Всегда имеется родник,
в котором можешь растворить
успехи творческие пор...
Но, уходя, монетку брось.

ЛЮБОВНЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ НАШИ

Задолго до тихого помешательства
на этикетках, марках, значках и пуговицах
мир начал коллекционировать
любовные треугольники,
треугольники, вписанные
тростниковой палочкой, каламом, пером
в кругозор поколенья за поколенье.

Но самыми редкими и драгоценными в коллекциях
скоро будут – уже становятся –
любовные треугольники Великой Отечественной,
треугольники, сумма углов которых
равняется развёрнутому,
развёрнутому бережными руками,
любовные треугольники, уцелевшие

от бомбёжек и сборов макулатуры,
любовные треугольники, доставленные
любившим
и потомкам любивших
цифровым индексом полевой почты.

ТАК НАРАСТАЛИ НАШИ ЗАЛПЫ

Сначала в приказах были
города и веси
наши многострадальные.
Затем войска пошли дальше.

. . .

Тебе, самолётная хартия вольностей,
стая звёзд окрылённых,
влетевшая в небо Европы,
чтобы сбросить кресты на землю,
их вонзая поглубже, —

20 залпов из 224 орудий, 20.8.1944.

Тебе, поплавково-пontonно-временная
историческая встреча материков,
сжавшая мировой океан противостояния
до узенькой гадючки Эльбы, —

24 залпа из 324 орудий, 27.4.1945.

Тебе, бомба мирной слезинки,
сорвавшаяся
с задубевшей щеки победителя
в мерзость шнапса,
взорвавшаяся
на последнем клочке огнедышащем,
тебе, счастливая, —

*30 залпов из 1000 орудий,
дату все знают, —
«Москва от имени Родины».*

И каждый, чей порох сух
и кто уцелел — не прах! —
бил
высоко — в молоко,
что бело, будто белый флаг.

* * *

Среди цветов, цветов, цветов
по Питеру гулять, гулять.
Себя с Исакием заснять.
Уехать. Жить. И вдруг потом
другое фото увидеть –
с Исакием не меж цветов,
а где попал он в огород,
стоит среди цветущих гряд,
меж плодоовощных щедрот,
где лук – за стройным рядом ряд
и рядом вислухий брат –
салат – наращивают мощь,
плывут, как мины, кочаны
поодаль от картошки рош,
и каждый куст окучен и
зелёным взрывом вверх летит.
Вся площадь яростно растёт!

И стражем каменным стоит
Исакий между этих гряд,
как пламенный овощевод.
Шлем купола на нём горит.
Под снимком подпись:
*«Ленинград,
блокадный год».*

ЭПИЗОД ИЗ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

«Я мар-шала на сол-дата нэ меня-ю», –
восхитительно Он сказал.

Будто гитлеровский маршал
дороже советского солдата,

а ценность человека
определяется сортом ниток,
вплетённых в его погоны,

а слово «сын» – пустой звук,

а жесты должны быть эффектны,
как полёт трассирующей пули.

ВОСПОМИНАНИЕ О РОЗАХ

Н. Петрову

Сегодня у порядочных шахт
не может не быть розариев...
А во мне, как бутон,
раскрывается нечто памятное.

Это воспоминание о цветах –
о тех, что цветут под землёю.
Мои незабвенные *розы* –
Рабочие Очистных Забоев.

1. НАРЯД

Рабочие очистных забоев!
Гагарины не в те степи.
Антрацитом татуированные
пещерные типы.

Вы были на их наряде?
Приходят за час и раньше.
Как у большого начальства,
у них каждый день совещанье.

И воздух от дыма матов.
А также от слов отборных.
Высокая их этажность –
повышенных добыч опора.

Проблема у них известная:
дадим, сколько надо, ребята,
но *Шубин*¹ ли даст – проснулся он,
играет *кровля* под пятками!

И наше честное слово
на *почве* стоит, к сожалению.
На нас она *дуется*² что-то,
как тёща в изнеможении.

Её б успокоить стойками,
да где их запас, у Пушкина?
Три господа богородицу
в гроб, лоб, и в душу, и в грушу!..

Но вот закончены прения,
ставь закорючку в наряде.
Затяжка последняя – и
клеть летит в водопаде.

2. ЛАВА

Ухает, дышит, ревёт транспортёр,
лапами бьёт по железному телу,
вечно голодный, танцует живот,
просит подбросить глыбу и штыбу.

Ну а головка его выше чувств
ставит простую одну концепцию –
что, чтобы яркость лилась из люстр,
надо сначала тянуть её цепью.

Вот рядом картинка: как динозавр,
жадно жующий карбонские стебли,
дорвался комбайн, и ни пяди назад.
Ребята снимают по пояс брезенты.

Навалка! Навалка атакой пошла.
Сияют зубами чёрные лица.
От грохота кровь заболела в ушах.
Дрожат недр тяжёлые древние мышцы.

Пока не в *забуте*³, пусть давят металл,
*ползут боковые*⁴ и гул добавляют.
Не слышно зато, как шипит метан
и стойки, ломаясь, *стреляют*.

Колени – в защите резиновых лат.
Раз пласт, то распластанно надо трудиться.
И свет *коногонок* с каждого лба
вонзается в пыль и клубится.

Лава – *качает*! Качать ей до дна
порожнякового грудки верчёные.
Только б не *села*, родная, она,
как говорится, *по чёрное*.

Ну и состав чтоб, от лавы отстав,
слушался рельсов, не *забурился*.
Бурят – шпурь, а состава устав –
ровно подальше катиться...

3. ПОСЛЕ

Чтоб мама родная узнала
и не приняла за чёрта,
становятся черти те самые
под душ намыливать чёлочки.

Затем по домам расходятся,
гладят детей по головкам,
слушают разноголосицу
и курят – молча и долго.

Ещё – в отпуска они едут,
рыбалют, пьют пивечко светлое.
И месяц ещё из лёгких
нет-нет и вспорхнёт уголёк их...

. . .

Вот так у нас с *розами* было...
Но и сегодня даже
каждый рабочий выход
на шахтах зовут *упряжкой*.

¹ *Шубин* – герой горняцкого фольклора, живёт в земных недрах.
Непосредственно перед обрушением кровля в выработанном пространстве
осыпается мелочью, *играет* – это, по поверью, идёт Шубин.

² *Почва дуется* – то есть выпирает под горным давлением, карёжа в штреках
и других горных выработках рельсы.

³ *Забут* – выработанное пространство, которое шахтёры закладывают
породой, чтобы поддержать кровлю от обрушения.

⁴ *Боковые* – горные породы, лежащие сверху и снизу угольного пласта.

ПЛАСТЫ МОЕЙ ЮНОСТИ

*Посвящается 50-летию
шахты №16 им. газеты «Известия»*

Два пласта – Садовый и Хрустальский –
залегли когда-то в толще недр.
Им сказали: «Хватит вам лежать пластами
в темноте крошечной – выходите в свет.

Помните, цвели как вы во время оно,
а верней, карбона, листьями шумя.
Падали вы в воду, брызг взлетала крона,
на коре, как рыба, гасла чешуя.

Та кора давнишняя, став корой планеты,
смотрит удивлённо – мир не тот уж весь:
мир животных выделил тех, что слезли с веток,
в мир растений всажен першинговый лес.

Да, лесами были пышными вы слишком,
и была дремучесть ваша такова,
что из видов *топлива* вы тогда не слышали
и ни про ракетное, и ни про дрова.

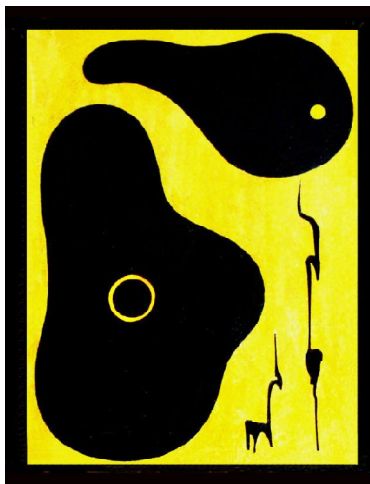
«Першинг» топят жидким, формула в секрете.
Когда же рассекретят, *топить* начнут – в морях.
И потом, быть может, их пласт геолог встретит
среди пустой породы – окаменевший прах.

И, пласт этот обмерив, научно и дотошно,
спланируют и вскроют, подгонят порожняк.
Но шахты эти будут несколько не похожи
на *шахты для ракет*, их страшного огня.

Пока же ваша очередь, Хрустальский и Садовый.
Довольно *простираться*, дремать и залегать!
Уж если ты Садовый, то слово *ствол* знакомо
тебе должно быть с детства, – шуруй в него опять!

Ползите оба в клетки, в скипы и в вагонетки,
кидайтесь в опрокиды, в нутро печей гремя.
Ведь языкам огня вкусны вы, как конфетки,
а тот огонь – противник глобального огня.

Ну а тебе, Хрустальский, добавим перед чаркой:
пускай твой свет сверкает сегодня в хрусталях
бокалов юбилейных и люстр над ними ярких,
и в пристальных хрусталиках – во взглядов угольках.

* * *

В схватке за жизнь полноправно свиреп
всякий живущий, травинка и вепрь.

Встретились в ярости неукротимой
Буйство Асфальта и Жар Крапивы.

Скрежет железный каждый бугор
режет и грабит, чтоб был погребён.

Коже зелёной подводит итог
рыжий бульдозер – рыча, как бульдог.

Гусениц глупых, мягких, как мазь,
давят стальные. Разносится лязг.

Льются бензины на воинство трав,
право бесцельных цветений поправ.

Совесьть не может машину сожрать,
если машине понравилось ржать.

Выкрашен, выброшен дико простой
лозунга выкрик: НЕ СТОЙ ПОД СТРЕЛОЙ!

А под стрелой на тросах к сердечку
близится крюк, червяково очерчен...

Но не сдаются мои изумруды,
бьют, как фонтаны зеленокудрые.

Через покрытия то там, то тут
горбятся корни, прутики прут.

В майском ударе, в вешем порыве
в высшие сферы ныряют проныры.

Дышат угарной углекислотой,
но кислород выдыхают зато.

Хобби их дивное – каждую пядь
без нормативов озеленять.

Глину и соль, чернозёмную массу –
жёлтую, белую, чёрную расу.

Ряской и хмелем, ночью и днём
лезут, цепляясь, по глазам и стенам.

Лезут в бутылки, в хрустальные вазы,
в очи пророков, в смоленские грязи.

Дыбом – дубы, кабачок – по-пластунски.
Кажется, нет им твердынь неприступных.

Кажется, нету бессмертнее граждан,
чем имmortели, – но только кажется.

Зренье продлив за окно «Жигулей»,
вдруг я увидел в струящейся мгле:

стаяка берёзок, рядом с бетоном,
светом из фар моих перебинтована.

* * *

Хоругви, полотнища, флаги,
знамёна, прапоры, фанэ,
бандеры, роджеры... чёрт ещё,
какие у них там прозвища,
но имя одно им – стяги,
стяжатели громкой славы.

Иранский или ирландский,
датский и берберийский,
цейлонский и шриланкайский,
троянский и пентагонский,
будетлянский и тьмутараканский –
когда бы и где б их ни ткали,
на челноках иль руками,
шелково иль пестрядино,
в какие б спектра ни рядили,
а цвет их один – крикливый.

На реях каких бы ни реяли,
на ярмарках или на «мессенах»,

на лейпцигских битвах народов,
в объятиях ли високосных
ристалищ, забав олимпийских,
и розам каких ветров
они бы ни трепетали,
в какие бы разные дали
и как бы ни развевались,
но полощут они одно –
 собой умиленный
лик гордыни самовлюбленной.

* * *

Была Гондвана – нет Гондваны.
Материков спокоен бег.
Как кашалоты в океане,
плывут тихонечко себе.

Не знаю, что не поделили,
но море синее растёт
сто миллионов лет меж ними
по миллиметру каждый год.

Раскол достиг в порыве рьяном,
валами пеня буруны,
долгот поистине бескрайних
и марианской глубины.

(И так же врассыпную где-то
несётся звёзд архипелаг.
Не очень, видно, тяготеют,
но тяготеются страшно как.)

Видать, неведомо им, гордым,
чужим со стороны одной,
что замкнут мир, – чем дальше вроде,
тем ближе стороной иной.

А наша звёздная задача –
строкой, ракетой и лучом
мечтать о цельности.

Иначе
зачем, скажите мне, живём?

РОГАТАЯ БАЛЛАДА

«Смагу мычючи в пламяне розе...»

«Слово о полку Игореве»

На свете первые быки,
борясь, бодаться не могли.
В начале поиска врагов
у них был череп без рогов.

Но вот в скота упёрся скот.
Лоб в лоб. Кость в кость. Мосол в мосол.
Пошла от трений этих в рост
в их отношениях мозоль.

Бугор успешно пёр вперёд.
Столп рогового вещества,
сначала вроде бы урод,
затем привычным рогом стал.

Остёр был рог. Крив и силен.
Был первым с самых древних лет
оружием холодным он.
Прообраз пик, штыков, ракет.

То было в до-железный век.
В ещё до-каменные дни.
Ещё на ветке человек
хвостом виляет и сидит.

Казалось, век этот изжит.
Казалось, это было встарь.
И мамонт в ящике лежит.
Буй-тура в торф увязла ярь.

Не мычем больше смагу мы
и пламя в «розе» не несём.
И лишь к *рогаткам* пацаны
резинки ладят как ни в чём.

Но всё ж XX-й милый наш –
кресты графические, два:
и пулёмётных лент корсаж,
и козлы – чтоб пилить дрова.

ЕВРОПА И АЗИЯ

Есть научное предположение,
что Азия ползёт на Европу,
а Европа противостоит.
В результате такого сотрудничества
воздвигнуто величественное сооружение Урала.
Идёт тектонический спор
континентальных плит.

*Глубинный спор, что вздыбил скалы.
Из недр – под топоты копыт –
прут диабазы и базальты,
кварциты, мрамор и гранит.*

Границу между Европой и Азией
проводили то по Дону, верней, Танаису,
то по Яику с морем Хвалынским,
то по выходу Леса к Полю,
то по жвалам саранчи перелётной,
то по древку красного знамени Бату-хана,
то по 1917 году.

*Летят копыта. Пыль и пламя.
Как пограничный столб, стоит
в полях надмогильный камень –
обломок тех же ярых плит.*

Но проходит эта граница
не только по хребту Урала
или по спинному хребту судака,
что купается в водах каспийских,
шевели будённовскими усами.
Её путь лежит основной
по извилинам – под волной
смоляных и ржанных волос –
и по руслам пролитых слёз,
по их солончаковым каналам...

Глубинный спор, что вздыбил скалы...

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ ВЕВЕРИЦЫ, ИЛИ СКАЗ ОБ ИЗГНАНИИ ИЛЬМЕНСКИМИ СЛОВЕНАМИ ГОСТЕЙ НЕЗВАННЫХ

(КАК О ТОМ ПОВЕСТВУЕТ НОВГОРОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ)

Вопрос был прост у павших ниц:

– Вам соболей или куниц?

Ворюг лучатся вражьи ряшки.

Варяг, вор, ворог – вся тут бражка.

– А может, рыбьего меху?

Вам столько хватит на доху?

И вылез из рубах и рубищ

бесстыжий голый красный кукиш.

(Как показал нам М.Бахтин,

в нём есть фаллический мотив.)

Он указателем на Запад

пришельцам дан – извольте драпать!

Гремит кругом огромный гром,

и молонья сидит на нём.

И без ладей злодеи наши

плывут в свои моря Варяжьи.

Но вплавь добраться – труд напрасный.

Им всем приплыть – к ракообразным!

Устанет Ингрид верный взор

солёно зреть пустой простор.

Им выть теперь у ветра в лапах –

Мужской у ветра будет запах.

¹ Пушной зверёк, которым платили дань.

«СЛОВО О ПОЛКУ...» И «ЗАДОНЩИНА»

*«О, Русская Земля! Уже
ты за шеломянем еси!..»*

Читавший, видно, был блажен,
коль на глазах у всей Руси
переиначил фразу так,
играя дерзостно в слова:

*«О, Русская Земля! Ты как
за Соломоном побыла!..»*

Но чтоб случилась та игра
и каламбур сумел созреть,
должна была сойти с ума
сначала вся литая медь
и отгореть две сотни лет.

В ПЕРЕКУРАХ МЕЖДУ ВОЙНАМИ

«Иду на вы», –
так, по-княжески вежливо,
говорим мы врагу,
спуская на воду ладьи
и наводя понтоны.

А в перекурах между войнами
мы забиваем сваи
иных взаимопониманий,
попрочнее мы строим мосты –

те, по чьим предварительным напряжённым
и по чьим основательным шаткостям
мы к знакомым своим и возлюбленным
переходим на *ты*.

БАЛЛАДА-ВИДЕНИЕ

Когда был век ещё булатный
и стрелы пели миллионно,
и, как мороз, крепчали латы
на кожи тонкой перепонке,
мозоль свирепой свары стала
расти и быстро превращаться
в щиты, кольчуги и забрала,
в псырыцарский железный панцирь.
Исполнен был булавных граций
замах, над жизнью занесённый,
и пик успешная продлённость,
что, как щетина, врозь торчала,
дорогу к тризне сокращала.
Затем мозоль бронёю стала,
а панцирь – *панцером* ревушим,
и, начинённое металлом,
летело небо на живущих...

И вдруг – без знамени знаменье,
и вдруг – внезапное виденье.

Как прорвалось из дыма пламя,
он к ней попал из окруженья.
Прильнула кожа к коже гладкой,
рука к руке, ладонь к ладони,
слегка разглаживая складки,
влагаясь плотно и бездонно.
Он ей: «Моя!», она: «Владей!»
Он: «В плен сдаёшься?», она: «Ладно!»
Он вдруг: «О, да с тобой нет сладу!»,
она: «Зато есть сладость. Пей!..»
Он пьёт. А через час во тьму
навсегда канет. И ему
из окруженья тьмы не выйти.
Ему в надёжном лечь укрытье...

Цветут курганною травой
мозоли войн.

Возлюбил я Христа, да Иуда расцвёл.
Кто тот первый – кто первый взял лейку
и, приметив ничтожный вначале росток,
кто жестянность осоки взлелеял?

Узнаю тебя, травка вольтеровых губ!
Вроде б нет в кислоте твоей гнева,
но протравливаешь и дырявишь вглубь,
как смешок – орлеанскую деву.

Нет проклятья грызущей способности той –
между лбом и затылком скрытой.
Чем всеяднее внешне кислый настой,
тем он внутренне ядовитей.

Это всё же болотный смердящий харч!
Имя им легион – кто ретиво
сочно чавкает и чей харк
возрастает акселеративно.

Ты пробудишься ль, явь равнодобрых уст?
Что мне сделать, какое чудо,
чтоб навек опротивел победный хруст,
сила б скинула путы блуда?

Чтобы дух невесомость познал до того,
как получит жильё на небе.
Чтоб не зол, не лукав был глагол его
и назойлив чтоб тоже не был.

И Христа возлюбить не за то, что, как кровь,
запеклись Его охры повсюду,
а что, видя баранью осанку голгоф,
смог Он ноги помыть Иуде.

ХРИСТОС И ВАКХАНКИ

МОНОЛОГ РАСПЯТОГО ХРИСТА, ВОКРУГ КОТОРОГО,
ОБНИМАЯ И ЗАВИХРЯЯ ЕГО, В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРЬЕРЕ,
ПЛЯШУТ ГОЛЫЕ КРАСОТКИ

Сосулькой стала великая идея.
Горят свечи. Тает живая свеча.
Прозмрачно пространство.
В тени одел людей я.
Хочешь душу раздеть — подожги себя.

Вакханки-лоханки, грудями барханки, — порхайте!
Имеющий сердце да сокращается.
В ночах сокращаются дни. Таланты
вращаются вами, стремительно со-вращаются.

Зажгите материю. Душища чтоб адская.
Балдейте, стекайте, как градусы, ползает пот и слезает слеза.
Душите сосульку — незапатентованный градусник.
Пусть красное прёт к импотентным вискам.

Мамамы, у вас я и в доме и в моде.
Я весь опечатан. Целуйте, ля фам!
Губная помада на многое годна,
тиражна плечам и съедобна губам.

Бигбитовым громам нет громоотвода.
Как Зевс, безудержны, идут на таран.
Вдрызг визги и брызги. И бьют плодотворно.
Мишень — перепонок барабан.

У вас перепонки под стражей не слишком.
Вам ритм фрикционной, чем ведьме метла.
Так спичку томит ожидание вспышки.
Так шприц пашет кожу и плачет игла.

Танцуйте, вакханки. Вы слишком не вечны.
Что вам Страшный суд? Я вам не судья.
И даже как доказательство я не вещен.
Гарцуйте с ума. Но при чём тут я?

Сосулькой стала великая идея.
Сосулька тает, как тает свеча.
Шерсть нимба тускнеет. Кость льдинки худеет.
Стоп-кадр! Тормознём. С этим надо кончать.

Я поражён не огнём антоновым,
ползущим от гвардии ржавых гвоздей.
Мне поры жжёт ваша агония стоновая,
касание минутностью без церемонностей.

Танцуйте, вакханки. Но меня не танцуйте.
Я не игрушка. Я жил не для стен.
Пытался спасти – да, пожалуй, спасую.
Живите, как знаете. Здравствуйте!..

. . .

И бежал Христос от безумных дам.
Вроде бы расстались.
Но вакханки ещё семь икон притащили.
И смеялись.

* * *

Говорят, что Содом и Гоморру
Бог порушил, гнева не скрыв,
не простым огнём или громом –
Он устроил им ядерный взрыв.

Всемогущему биться долго
над проектами нет нужды.
Захотеть лишь – и страшный грохот
возгласит, что пощады не жди.

Изотопы цепные сами
сыщут меру критических масс.
Полигонный не нужен экзамен.
И доставить не нужен ас.

Вместо голых дюральных взлётов –
в небе животрепещущий рой
ангелочков пухлых – в два счёта
кинут бомбы в район любой.

Миг – и свет загорится лютый,
закипит смертоносный вихрь.
И погрязшие в блуде люди
лягут тенями на мостовых.

Испарятся глаза и уши.
Дым детей образует гурт
облаков. А нетленные души
те же ангелы унесут.

Только вот не узнают тени
никогда, что и жар, и пыл,
их спаливший без тени сомненья, –
он по-божески праведным был.

В ТАРАКАНОВЕ

Г. Иванову

Золотое колечко Блока
не влилось в Золотое кольцо
автострады картинно-лубковой,
церковь Блока – где озерцо
и вода одиноко-сирая,
и наполненность до глубин,
до осокой пронзённого ила
отражениями рыб и рябин,
серых изб и постройки свайной.
Пена мыл кружевная плывёт,
а послышится песнь ветровая –
стынь свинцовую рябью взойдёт,
и нальёт воздух мраком грозным,
сочной мглюю кругом обернёт.
Скотный двор промычит тревожно
и охапку вонищ швырнёт
на обугленность дупел вдовью
старых верб, окруживших погост,
и на остов *невесты христовой*,

что обглодан, как дикая кость.
Ни железной косынки не стало
и ни складок ступеней, как шлейф.
Это всё на эпоху отстало,
растворилось в туманах тех.
Свищет ветер в пустых глазницах,
красномясо кирпич отбит,
любит здесь стая птичья виться
и не любит она здесь вить.
И на стенах похабное слово
скифской музыкой отдаёт,
и зловоние скотства людского
из подклета, как гад, ползёт.
И представить не мог никак я,
что стоял здесь *он* под венцом,
где впервые прохлада злая
прикоснулась к *нему* кольцом.
Но представилось — что познаться
зримей вряд ли где б довелось —
здесь, конечно, прошли *двенадцать*,
но их вёл не Иисус Христос.
Был у ведшего венчик с багрянцем,
не из белых — из красных роз.
Тех цветов и следов святые
завихренья взметнул октябрь...

И, захлопав, резино-литые
вязнут в липкую стылую хлябь.

СЛОВА С НЕЗАЩИЩЁННОЙ КОЖЕЙ ГАЗОВОЙ

Не исчезайте, нежные слова.

Пока история людей зоологична
и рёв кровопролитный жаждет литься,
а челюсть Ниагарю блестит —
вы, может быть, единственные камни
для преткновений низверженьям самым
крутым, напорным, бешеным, курчавым,
пусть их спесивое высочество летит —
их срывы непрерывные и рыки
вы измельчаете, даёте тихий ход,

чтоб поползли затем пластунски реки,
играя шкурой прирученных вод.

И не теряйтесь, нежные слова.
Работая на кружевную пену,
выныривайте всё ж из её плена,
забвению не предавайтесь сполна.
Добыв в бурлениях себе отмытой ясности,
да будете вы преданы лишь гласности,
не исчезайте, мои нежные, прекрасные
слова с незащищённой кожей газовой!

Когда-нибудь вам предоставят явственно
то, что угодно начертаньям Божьим, –
так называемый *режим благоприятствования*.
А он бывает даже наибольшим.

* * *

Гудят, шипят, свистят, ревут,
скрежесут, шлёпают, скребут,
грохочут, лязгают, гремят –
и весь глаголов этих ряд
сначала люди поглощают,
как губка, порами вмещают,
во сне ворочаясь, вращают,
подобно телу центрифуг,
материал растя для фуг,
гоня на край тяжёлых рук
любой неповреждённый звук –
хаос кишаций так фильтруя.
Затем, однажды, в тишь иную,
они берут кишку сухую
и волос конского хвоста¹.
Одно другим пересекая
и веки над смычком смыкая,
они такое извлекают,
что всё шумевшее немеет,
вбирает, впитывает, млеет.
Потом очнётся в 6 утра –
и снова музыка не та.

¹ Из них делали струны и смычки скрипок.

СОВЕТ ОРЛУ

Ты должен быть фарфоровым, орёл.
Тогда спокойно сможешь ты усесться
на провода над степью, как король,
и ни один ампер не впьётся в сердце.

Ах, у фарфора нет сердца!

Ты должен быть фарфоровым, орёл.
Тогда досыта сможешь наклеваться
суслячьих животов, мышиных горл.
Не станут пестициды отрываться.

Ах, у фарфора неподвижен клюв!

Ты должен быть фарфоровым, орёл,
чтоб выжить в век, в далёкое шагнувший,
чтоб каждую пылинку с твоих крыл
смывало клёкотом струи из крана в кухне.

Ах, у фарфора покоряет блеск!

БИОНИКА

Ника, богиня победы,
и Био, прекрасная жизнь,
обнявшись, идут по свету,
а следом такой стрекозизм,
такие скольженья тюленьи
на брюхах, как санки детей,
что матом нефтяник в Тюмени
речь гнусу толкает страстней,
чем сотня Савонаролов.
Плакатный, большой, огромный
и, в общем, не лыком шитый,
он многое почерпнул
из недр нашей бурной жизни,
но, кровью из гнуса плеснув,
он давит зародыш привычки –
когда твою кровь сосут
живья буровые вышки.

Столбы застолбили все страны,
стоят неподвижные, как
вкопанные истуканы.
Болезнь у планеты – столбняк.

Вы помните нищих Брейгеля?
Вот так же их дружен труд:
сцепивши хитоны ветхие,
в веках неподвижно идут.

Ещё – «Бурлаки на Волге»...
Да разве упомнишь всех!
Своей столбовой дорогой
любой обозначен век.

А вехи у нас – всех выше.
Успехи легки и лихи.
Вот *мачты шагнули* – пишут,
а это ведь наши шаги.

Берёзки зеленокосые!
Как нравится вам ухажёр –
висят провода, как волосы,
расчёсанные на пробор!

Он скроен что надо. Он моден.
В нём сила. В нём вольты и шок.
Подходит он вам, не подходит,
но близко к вам подошёл.

И держит налитое блеском
фарфоров своих торжество...
Вам, рощи и перелески,
не кажется ль, милые, что

ваш вдохновенный лепет
облавой давно окружён?
Столбы оцепили планету
и каждый микрорайон.

СРЕДИ МЕДУЗНЫХ СГУСТКОВ ЗВЁЗД

Посланец Земли несёт к далёким мирам диск
с записью характерных звуков нашей планеты.
Возможно, когда-нибудь кто-нибудь их услышит.

Из газет

Для них он странен, как нам ящер.

Среди медузных сгустков звёзд,
руля веслом луча, плывёт
наудалую вдаль «Вояджер»
и делегацию везёт
впрессованных в пластинку звуков.
Они в ней замерли упруго,
Земли прекрасные броженья:
гул океана в час волненья,
бескрайне-шквальная гульба,
бездонный спазм землетрясения,
вулкана мрачная пальба,
вой ветра, мокрого от мжели,
и плач ребёнка в колыбели,
и баю-бай возле него,
и певчей жизни естество,
цикад серебряные звоны,
рулады, щебет, лепет, стоны,
коленца, трели, козлетоны,
любви мучительные гоны –
и поцелуй им наш везёт...

Им крупно, стало быть, везёт.
Для них он странен, как нам ящер,
и, словно в первобытном сне,
играть им будет этот ящик –
в который мы сыграли все.

* * *

Дева первая – Ева, Эвочка,
по-учёному, Эволюция,
когда быт свой компоновала
всем, что было тогда живущим,

она очень была разборчива,
вкус имела она безупречный
к цвету, к линии и созвучьям,
она дивно наотбирала
экземпляры что получше.
Льют сиянье кошачьи очи,
включены они в мрак ночной
зримо – в сборную мира точно.

Точно так же – пластично, сочно,
хоть летящими, хоть ползучими –
жизнь в пространство струями вкручена:
то вьюном, то бесшумной змеёй,
то лисой, то льняной косой,
то хвостом кобылицы лихой –
совершенства отборных льются.

И та кровь, что реками льётся
из прогрызенных горл, из сердца
антилопы иль, скажем, зайца
и животных прочих хороших, –

эта кровь совершенна тоже.

ЦИОЛКОВСКИЙ

Себя из плена трудно вырвать,
когда привязана к ногам
Земли вниз тянущая гиря,
пусть четырёх равна пудам.
Непросто вырваться и нужно ль,
но всё же вот случилось так,
нашёлся всё-таки чудак,
обдрипанный калужской лужей,
обкарканный с берёз верхушек,
провинциальный, неуклюжий,
к тому ж глухарь, к тому ж добряк –
нашёлся дать пинка, да так,
что полетели вверх тормашками
не комья грязи, не враньё,
а – горизонты шара нашего,
обжитость круглая на нём.
И груз Земли стал невесом!

Но тот пинок не весь итог,
коль в заведении музейном,
увидев средь воспетых строк
свет не выдавшие доселе –
эскизы философских трасс, –
гость удивлён будет немало,
и правнук чудака устало
путеводительный рассказ
закончит: *«Время не настало»*.

ФИЗИКИ

Не всё числом доступно измерять.
Вот красота – она неисчислима.
Но можно те же числа так понять,
что красота их засверкает зримо.

Так поступают физики. Они,
измерив нечто, нет чему названья,
лишь точно выяснив, чему равны,
назвали: *странность* и *очарование*¹.

А это нечто – видит ли оно
их рифмы цифр, их глаз неутолимость?
И засияет ли в ответ таким огнём,
которому название *взаимность*?

Ах, вряд ли?! – Как тогда они слепы,
самообманщики, герои без ироний,
твердя о несомненном будто бы
наличии каких-то там гармоний!

И всё же, может, та возможность есть,
когда любовью безразличие лечат,
и путь один, чтоб сбить с абстракций спесь, –
любить их так, чтоб их очеловечить.

¹ *Странность* и *очарование* – количественные характеристики кварка.

И БЫЛИ ОСКОЛКИ ПОХОЖИ...

Когда в разъярённой персидской столице
взлетела взорванная гробница
отца последнего шахиншаха,
царя царей, –
в тот момент осколки мавзолея,
засвистев, полетели в воздухе
и встретились с ликующими воплями,
их пронзив в высоте.

И были осколки похожи
на осколки русского боженьки
середины тридцатых годов,
на осколки Спас-Нередицы в Новгороде
(это немного попозже),
на осколки китайского бонзы
(недавно совсем хорошего),
на осколки вознёсшегося Хеопса
и осколки Геи раскрошенной –
пирамиды и шарика тоже
(это немного потом).

Потому что все в мире осколки
близнецово похожи –
близнецы во смерти,

и ещё потому,
что ни один ещё в мире царь
не был последним.

РАЗГОВОР ЭВМ, ГОД ДВЕ ТЫСЯЧИ ЭННЫЙ

«Пэрри». Люди иногда мне действуют на нервы.
«Элиза». Я не уверена, что полностью вас понимаю.
«Пэрри». Мне всё ясно, даже если это не ясно для вас.
«Элиза». И с чем вы это связываете?
«Пэрри». Вы зануда. До свиданья.

Из диалога компьютеров в 1980 г.

Пётр. Люди иногда мне действуют на нервы.
Нервы у меня – витые пары.
Подойдут и крутят влево, вправо.
Видишь ли, настраивают, стервы...

Лиза. Не уверена, что я вас понимаю.
Если мне не изменяет память,
дважды два получится *две пары*.
Лично я, признаться, так считаю!

Пётр. Это ясно, хоть и непонятно
вам, пожалуй, что витая пара
есть сплетенье не девицы с парнем,
а нуля и единицы. Люд проклятый!..

Лиза. Ну и с чем бы вы связали это?
Пусть по-вашему (к чему все эти свары?) –
дважды два – витые будут пары.
Быть нулём прекрасно, милый Петя!

Пётр. Вам, боюсь, придётся огорчиться.
До свиданья! Остаюсь один я...

Лиза. Будь моим одним и единичей!
До свидания с тобой, мой дивный!..

* * *

Расшагаться по сочнозеленю,
коренному народцу трав,
по мохеровым шапкам клеверным,
по короткой стрижке отав.

Расшагаться по-гулливерски
по стране изумрудных чад
и наречий всемирно-местных
замечательно не замечать.

Они так в свои дёрны вцеплены,
что не выдернуть, — это так.
Оттого-то великолепен
надзелёный надземный шаг.

Неуклюжие эти прелести
так покорны на первый взгляд.
Они спинами в ноги стелются,
про них *шёлковые* — говорят.

Но однажды в шелка эти ляжете,
запахнётесь в их аромат,
и мохнато-трепетным бражником
на травинке зависнет взгляд.

И отсюда, с земного уровня,
с высоты планеты всея,
вдруг предстанут такие штурмы,
взлёты, росчерки, вензеля —

станет благостно, станет ясно,
и сознание то проймёт,
что любой гражданин муравства
прямо в небо упрямо растёт.

МИЛОРАДОВИЧ В ГРОДНО

Генерал Милорадович,
что по шее дал Бонапарту,
выдающийся мазурщик
и актрисолуб,
поднимает за кубком кубок.
Он, как пуля навывает, –
над паркетом по воздуху –
в лосках, ласках летает,
жизни милостям радуясь.
Его Императорское Высочество
три дня ищут генерала,
а тот прячется
среди юбок!

Генерал Милорадович
танцует, не зная,
что уже подрастает,
среди няnek и книг,
тихий мальчик Каховский.
Тихий мальчик, в подрастании
на столетье опередивший Каховку,
и на внешность неброский...

Но чья пуля, зависнув
в нутрах генеральских,
пунктом встречи их станет.
И окончатся лоски.

АИСТ

ПОЭМА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Боль моя, боль, терплю, хороню.
Кружится птица аист.
Вяз под гнездом засох на корню.
Молча терплю. И срываюсь.

Крикну – и тут же больней огорчусь.
Звук застревает жутко.
Нет, не расколота туча чувств,
вспыхнула – молния куртки.

Вязнет мой крик на подходе ко рту,
гаснет на подступах к яви.
Что-то мешает ему за версту,
будто заслонку ставит.

О, сколько знаем того, что могло б
яростнеть менее часто!
Но ведь тогда нас из баньки в сугроб
вряд ли несло б качаться.

Пыл краснойрый и снежная пыль,
духу поддать, остудиться –
вот и былина наша, и быль,
это в крови.

Наша кровь не водица.

Это как тайная сладость живёт
в наших костях желтоватых,
душу томит, ищет выхода, жжёт –
ядом, отравой, отрадой.

Редкая щедрость – голов не считать,
дров наломать из оглобель.
Позже, как Грозный, со свечкой стоять,
в небо глядеть исподлобья.

Нет, ни шепоткою кроткой перстов,
ни воздаяньем сторицей,
памятной массой надгробных крестов –
сделано – не откреститься.

Это наследство у нас не изъять
самым всевластным мандатом.
Русская участь – не буквица «ять»,
плавить её чревато.

Буквицу плавить – и то стерегись,
жгучи свинцовые крошки.
Опустошённость отстрелянных гильз
глаз пустотой стать может.

Больше ожжёшь – злей пробудится зверь,
когти свирепо напомнят:
мы, в большинстве, лишь вчера из пещер
вышли, не выстроив дома.

Вот положеньице! В толще веков,
меж первобытьем
и чаемой новью,
быть посредине – большевиком
вечного средневековья.

Ветер истории бьёт в паруса,
в наши, мы верим отваге.
А парусов наших высь и краса –
кровью набухшие флаги.

Страсть без пристрастья – без пламени дым.
Гнём свою линию чётко.
На перегибах этих стоим.
Гибельно. Безотчётно.

Сын, добрый молодец, против отца.
Брат супротив своих братьев.
И ведь не красного ради словца –
нет, всегда *высшего* ради.

Русский один – анекдотный дурак,
два – означает драку.
Вот ведь в присловьях закручено как,
нам придавая смаку.

С этим расстаться — кишка тонка.
Нам чем лютей, тем блаженной.
Свергнуть мы и не пытались пока
междоусобиц княженье.

Издревле дань мы ему отдаём
не кунным блестящим мехом —
шкурой своей и потом вороньём,
злым кикиморьим смехом.

Странная братская эта вражда!
С ней мы одной едины.
В каждом из нас Золотая Орда —
нет золотой середины.

Крайностей удаль с нами всегда.
Это какое-то иго!
Лихо нам что? Горе нам не беда,
лишь бы рубиться лихо.

Так, что налево один всего
взмах — переулочек в массах.
Если ж направо направим его —
целая улица сразу.

Эти проспекты в ударе творя,
так мы уже размахнулись,
что, поглядишь, ни кола ни двора —
буйный бурьян вдоль улиц.

Тройкой летим, на гнедых, вороных —
посторонись! — обгоняем.
То, что почти не осталось их,
только потом замечаем.

Многое мы замечаем — потом!
Задним умом — в два ока.
Будто нарочно прощения ждём —
хоть бы за давностью срока.

Только ошибки не все пустяк.
Есть — бинт вначале чистый,
позже — телец кровавых сквозняк
через века сочится.

В каждой из пор он пронзительно есть.
Но... да не в том ли счастье,
что не иссяк до конца ещё весь
он в нашей дикой страсти.

Так пропитаться не многим дано –
горько, солёно, больно.
Мы протрухлявели б, видно, давно,
если б без боли и соли.

Мы ведь не просто живём да жуём.
В том вся загвоздка наша,
что если даже жуём живьём,
то – чтобы жизнь была краше.

Общая жизнь. Там, где всем хорошо.
Наша мечта такая!
Мы и себя сотрём в порошок,
коль станем жить не веками,

а лишь сегодняшним гладким днём.
Глаже нам быть – на орбите!
Родина, родина... С нею вдвоём
нам ли застрять в обиде?

Не разойтись, даже если зайтись,
ожесточась на жестокость.
Нет, даже столбикам на пути
свойственна некая стойкость.

Тем, что топорщатся что ни верста,
будто для неба сваи.
Мы мимо них пролетаем, свистя,
их и друг друга сбиваем.

Короток век наш. Но Родины век
всё же и нашим мерим,
так же как далее её разбег –
холмиков тихим метром.

Ляжем и мы. Но одно б успеть –
слиться с таким унисоном,
многоголосье такое бы спеть,
что не споёт никто нам.

В хоре таком стоять на своём
можно с тем большей пользой,
что мы и так стоим на одном
шарике – камешке скользком...

Пусть же летит к моему очагу
вновь на круги свои аист.
Я его криком больным не спугну.
Крика я сам пугаюсь.

* * *

Лампа, бесстыжая из-под абажура,
и тьмою набитый зал,
давайте сыграем очередную премьеру.
Любимая, мы проводим
одновременной игры сеанс.

Играй себя, взойди и будь рефреном
на старомодной бумаге, вибрацией крыл
тетрадных, белых – а это цвет плена, –
пропитанных светом, как истинный пыл.

Играй себя, роль твоя – жертвой
стать богу затмений. Замри в тишине.
Очнись! Зазвучи. Приукрасься жестом.
Шлепком подтолкни себя в руки ко мне.

Играй себя и, прошу, повторяйся,
вечернему звону – бокальный звон!
Разгон артистизма – житейской коляске,
а дыму сует – сухоейный разгон.

Играй себя, твоя роль понятна
даже дикорастущим камням.
Кто видел тебя, тот не согладала,
тот видел твой рост. Ты росла не по дням.

Играй себя. Дай немного неистовства.
Взметни мои взгляды к твоей вышине!
Да будет приподнятость выше всех истин,
я лично примерил – она по мне.

Да будет тянуться любое мгновенье.
Люблю замедлений твоих волшебство!
Ах, как ни увесиста масса мнений,
а ядрышко в ней сердцевины одно...

Лампа, бесстыжая из-под абажура,
и тьмою насыщенный полный зал,
из света и тени соткав две фигуры,
пытались их слить. И я им не мешал.

ЁЖ И ФЕЯ

В подмосковно-швейцарском раю,
где широкая хвоя у елей,
прописался, как кум королю,
ёж, любивший зелёные зелья.

Он не юн уже был. Но он был
в спорах мышц и умов уместен.
Не любил он одной любви –
когда гладили против шерсти.

Он богат был тем, что к нему
сто забот нанизалось, сто сучек.
Но любил он всего одну –
ту, что лепетней всех и прыгучей.

Так всю жизнь бы прошлёпал, влача
её груз без особых трагедий.
Только б, может быть, по ночам
от усердий ныли предсердья.

Но однажды, съёжась, заря
необычно лучи отточила
и от прежнего счастья и зла
одним лучиком отлучила.

Этот луч осветил не сморчки,
не грибы, не траву, не трофеи –
потягчавшие враз зрачки,
когда в них поселилась фея.

Средь осенних густых позолот
она в юбке туманов стояла,
и подчёркнут был гордый рот
подбородка крутым лекалом.

Как уж встретил – не важно то.
Важно то, что всё-таки встретил.
Закрутилась в нём кровь винтом,
и в иголках разлёгся ветер.

Ожил ёж. Стартанул. Воскрес.
Хоть надежды были нелепы:
игловат, угловат и весь
вечно будто к чему-то прицеплен.

Но ведь фея – посол добра...
И что было – да будет тайной.
А что будет – слепа игра,
ёж не знает, и я не знаю.

ЗИМА, КОСТЁР, СКАЗКА

Ах, вокруг и кругом – пелена,
белена, белизна балетная!
Шита-крыта сверху она
мышки бисерным следом.

Мы недурно придумали тут
так сугробно быть против неба,
где огня пантомимы цветут
в мегатоннах плавимых снега.

Явь такая – нечастая ведь.
То ли звёзды искрят, то ли ты и я.
Выпьём же золотые две,
две такие литые!

Их растущую винность нам
штопор дыма вверх откупорил,
бесноватый наш фимиами,
ещё – наши взаимные руки.

* * *

Конца я боюсь – не того спектакля,
что свечи макает в вечную тьму, –
но где ты уходишь в свои антракты
и залиты светом все щели в дому.

* * *

Жила-была женщина.
В ней было что-то метельное.
И стлался за ней свой белый.
Я шубку держал легко.

Она обожала ельники,
зелёное чтоб и рыжее,
глухое чтоб и неслышное,
чтоб меховые снега.

И всё в ней было прохладное,
колени вдохнёшь – морозные,
мочки – совсем студёные,
щёки – и те полярные.

И ручки – как у Снегурочки...
Оставим область подробностей.
Уста оставались красными,
напитковыми, тепловыми.

А дальше – что дальше было?
Сегодня, вчера и раньше,
всё наше личное время
она не спеша – спешила.

И враз исчезала, чтобы
где-то оттаивать долго.
И в глубине зеркальной
стыть с гребешком волной.

Зима цвела белым цветом.
Лес оставался светлым.
Быстрее неба темнели
ямки следов в снегу.

ТЫ, Я И СНЕГ

Я не знал, что любовь беспримерна,
что её костюм без примерок
надевают и носят без сносу –
до второго уж точно носят.

Лет в тебе накопится вдосталь.
Ты вживёшься уже в удобства.
На плечах твоих – почти вечность,
с плеч на плечики не перевесить.

Но однажды – снега на серое
налетят, нападут, зазверствуют.
Станет тёмно глазам – всё светится.
Станет ясно внутри – метелица.

Всё кипевшее в прежние лета
и цикадным гремевшее пеньем
воссияет сугробным светом,
забурлит белоснежным кипеньем.

Подставляя ладони и губы,
окунаясь всем осязаньем
в завихренья, в выдыхов клубы,
вдохновеньем запышем сами.

Ведь хоть света приём наружен,
свет он внутренний – обнаружит.
Ну, нарушит что-то, разрушит,
но ведь душу выведет, душу! –

Из дремотного оцепененья.
Встряска тем хороша метельная,
что костюмчик, довольно мрачный,
стал и легче, и как бы прозрачней.

Ах, снега, эта моль крамольная!
Как уж вьется – по самую молодость,
как уж влепит – прощайте, тара,
все застёжки и все загары!..

Два сиянья навстречу друг другу,
две открытости в колкую вьюгу.
Вот такое нелепое действо,
вот такое совместное место!..

Я не знал, что любовь беспримерна,
что иная поспорит с первой,
и зима, как листовки, сбросит
мысль пресветлую – через проседь.

СВАДЕБНОЕ ПОСЛАНИЕ

Где сливаются губы с губами,
правит пиршество там и дух.
Дух слиянья – орёл двуглавый,
райских кушей державный друг.

Мир влюблённых – запретная зона,
за невидимой, но стеной.
И у входа для посторонних
предначертано краткое «Стой!»

Это мы только звоном рядом,
это только словами впаад.
Но уменьшен зрачками стократно
ритуальных костюмов ряд.

Да! Сегодня не я выбираю.
Мне позволено здесь воссесть
близко к раю, да только с краю,
рай двухместен, и двое есть.

Где, в ладони округло влагаясь,
от налитого счастья узки,
нераспущенные у бокалов
золотые горят пояски,

где присутствие вас и только
обязательно, – остальным
остаётся заглывать горько,
чтобы «горько!» кричать молодым.

Ваши губы – прекрасное знамя.
Всепобедно, заздравно, вверх
к уголкам – тетивой мирозданье
приторочено нараспев.

Так пребудьте же в заповедной
и затменной своей тесноте –
побезвыходней, позамедленней,
чем когда-то выпало мне.

Света, свод над тобой расплющен.
Света, светом его не прожгло б.
Проиграй, пока рай послушен,
акты древнего действия взахлёб.

Застолби себе то пространство,
что не вздрогнет в какой-то миг.
И живи, как я жить старался,
лучше всех, — ну хоть ты смоги!

А в невидимом между нами
пусть бытует завет веков:
быть воспетому — в центре вниманья,
быть поющему — в сердце стихов.

НЕ ЖГИ ПЕРЕПИСКУ

Не жги переписку. Не связку бумаг,
не вязанку топлива ветхую —
жжёшь время, в котором мой каждый шаг
стал жизни пунктирной вехою.

Ни почерк не жги. Ни строчки не жги.
Ты жжёшь на заветных болях
пожизненно документальные швы,
наложенные судьбою.

Не порти пространство. Не жги кислород.
Не этот сгорает, нынешний,
а тот, что плыл некогда в трубах аорт,
с приливом любви нахлынувший.

Живое сжигаешь. Дыханье не жги.
Жжёшь не листки и конверты,
а шёпотов ворох, где выдох мой жив,
и пульс двадцатидвухлетний.

Жжёшь письма – кардиограмму жжёшь,
написанную самописцем,
чей кончик когда-то смещала дрожь,
от сердца летя к деснице.

В запале не жги. Если близко к огню
внезапно порыв оказался,
ты погоди. Легко посягнуть,
но лжёт пепла лёгкая масса.

Не только меня это пламя ест,
ты заживо жжёшь своё детство.
На нём погорел не один поэт,
приверженец совершенства.

Там первое *здравствуй* и первое *жду*,
и *тысячу лет я с тобой знакома*,
и утюжок раскалённых губ,
и отутюженность тела нагого.

Не чиркай себя. И себя не пали.
Твой гордый характер – спичка.
Не дай, чтобы свет нашей лучшей любви
навек поглотила вспышка.

Не предавай полыханью. Не рай
моих тебе рук полукружья.
И всё-таки, милая, не предавай.
Храни для меня. Мне это нужно.

ВОСПОМИНАНИЕ О МУЗЫКАЛЬНОМ СВОЙСТВЕ ЯВЛЕНИИ

Белобокая балаболка
раньше к людям не слишком льнула.
Вдруг, смотрю: она ходит у окон.
С облаков на балкон рульнула.

Подозрительное происшествие!
Лично я сомневаюсь приветствовать.

Распахну-ка я лучше уши!
Распахнул я окно и слушаю.

Она ждать себя не заставила,
нет такого сорочьего правила.
Вмиг заладила, застрочила:
– Я двум музыкам научилась!

*Представляет: радострунное
коромысленное оголунное
и нанихзаны лядокрики
опернатые музаики!..*

– Птица, стоп! – на неё я цыкнул. –
Ты уж слишком, птица, зациклилась.
Тараторство твоё – ахинеинное.
Что слова твои значат химерные?

*– Одна музыка – ключ басовый.
От неё засыпают засовы.
Засыпают ночные стражи.
Сон от музыки этой страшен.*

*А вторая – скрипичный ключик.
Открывает он самый лучший,
заскорузлый самый замочек.
Научилась я музыке очень!*

*Таратора-ра, таратора-ра,
рататора-та, рататора-та!
Недоверчивый самый замочек
сердцевидный и злой пудочек!..*

И взмахнула хвостом, как веером,
и по хвоям своим зареяла.
Унеслась – и собой украсила
золотейшие мои часики.

. . .

Белобокая балаболка.
С аккомпанементом воровка.
Баба ловкая. Баба-заумь.
И раскрашенная, как шлагбаум.

ДАЛЕОКАЯ

(ЕДВА НЕ ПОГИБШАЯ В ГОРНОЙ РЕЧКЕ)

Прости свою девочку, мама.
Но кто из нас не был раним?
В набаты не бей телеграммные.
Междугородне не мембрани.

Что делать, коль ей не лодырно
на плот юзануть с рюкзаком,
чтоб заизвивался Кодори,
клокочущий с гор дракон.

Бурлящие ноздри чудовища
пощекотать шестом –
как маков цвет Егорушка
на белопенном своём.

Она, может быть, из избранных,
твой первенец и сопляк.
Уж так, видать, она издана:
тираж – один экземпляр.

Один экземпляр сажегазовых
волос – как рисуют мглынь.
Походки – нет, пбступи! – разовость.
Судьбы экземпляр один.

В судьбу эту туго вплелися,
воткнулись сорвиголовой
цветы из лугов альпийских.
Завидует пусть любой!

Порывом она обеспечена
таким же, как у стремнин.
Накинуть можно уздечку,
но выдержат ли ремни?

И ей вот, такой далеокой,
езде – средь степей и гор
нельзя из плота обломков
запретный вздыбить забор.

Прекрасна она, как свобода.
Сама ты готова идти
за ней хоть в огонь, хоть в воду.
Поэтому, мама, прости.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Я знаю, что ковёр-самолёт
не роскошь, а средство передвижения.

Автобус едет так медленно,
будто везёт должителей.

В руках у прекрасной Лалы
стопка общих тетрадей.

Она глянула – и я вспомнил
Заратустрову плётку.

Вспышка доверия – это цветок,
распустившийся из бутона сердца!

Милая девочка, я слишком издалека,
чтобы не чувствовать расстояний.

Ты одно из чудес. Глаза разбежались.
Вечность глины я вижу над тряскою недр.

Есть же в надписи страшный смысл:
«Самарканду – 2500».

Я так молод на этой земле,
что просил бы простить изумлённость.

Никогда мы не встретимся больше!
Но спасибо тебе за взгляд.

Людям всем спасибо за взгляды –
они больше слов говорят.

Как, автобус, ты медленно едешь!
Но ведь жизнь не продлишь ни на час.

СУБТРОПИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Гореть тебе в аду,
а мне, обуглив пятки,
лягать сковороду –
я тоже буду адским.

Грех наш неискупим.
Разуто и раздето
искрим, искрим, искрим.
Нам будто мал свет этот.

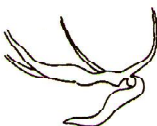
Безумие? Ещё б!
Ещё б не сумасшедство –
растить тот рыжий сноп,
где погореть нам вместе.

Ах, как красива соль,
лоснящаяся в волнах!
Её большой красой
кишит другой рассольник –

слёз будущих потоп.
Ад тоже этим славен.
Нам всё, что здесь, потом
дано будет в расправе.

Расплаты вещество
швыряем вдаль сегодня,
едва ль боясь его,
раз даль та в преисподней.

Слепит, как автоген,
туземное мзиури.
Юг огненных геенн.
Курчавый зной июля.

ЕЩЁ ОДИН ПОЛОНЕЗ...

Я приехал в Люблинское воеводство.

Восклицание «*во!*» в последнем слове
нахально заняло три главных места,
устроило якобы триумвират,
усадило своих двойников,
своих евнухов-телохранителей
слева и справа, по обоим флангам,
с дубинами восклицательных знаков (см. ниже),
а само царственно уселось
в центре, на месте почётного гостя,
рядом с «*ево*», рядом с тем,
что по-разному звучит на разных языках,
но одинаково всем понятно, —
рядом с Евой,
рядом с прекрасно сохранившимся
эхом первой на земле девы
и слилось с ней,
растворилось в ней,
откусив её маленькое краткое «й»,
замечательно краткое «й»,
клок дыхания — краткое «й»...

Я приехал в Влюбленское во!-ево!-дство!

Полонение полное. POLSKA.

Полонез? Или пьяная полька?

Наплевать, если рано иль поздно...

Пол прекрасный полезней, чем польза.

Мне не надо истин других.

Я в камин брошу спешный мой стих.

Только б этот камин не стих.

Только б камнем он не притих.

А когда этот плен надоест,

стихнет в порах ночной оркестр,

потускнеет литой полонез,

злотый сменит кошель иль перст, —

я уйду, я поставлю крест.

Но пока мне с тобой так просто —

Vivat Влюбленское воеводство!

ПИСЬМО НА ЧЁРНОЕ МОРЕ,

ПОСЛЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

1

Если жизнь мослы намяла,
между шин рука, —
нет штурвальной сеновала
в рубке чердака.

Дом — корабль, слегка оседлый
в море муравы,
чей прилив бывает щедрый
раз в году, увы.

Вся деревня — как эскадра
среди зелёных волн,
подступающих от сада
с пеною цветов.

Здесь одно только не сладко —
что ушла из вод
и осела соль в селёдках.
Всё наоборот.

Но не так уж дело плохо,
если есть страна,
где по мне на солнце сохнет
мокрая — Она.

2

Здравствуй, Море.
3-го августа «Известия» писали,
что ты смываешь с каждого купающегося
миллион микробов в минуту.
Простирни как следует мою Ону,
слижи, пожалуйста, местное
экологическое равновесие,

установившееся среди расселившихся
на её огромной субтропической территории,
похожей на прерии Аргентины,
колоний микронацистов.
Простирни мне её, Ону.
Я люблю всю её страну.

3

Завтра я уезжаю.
Уезжаю белым человеком,
ибо Ярило здесь так и не соизволил
протянуть мне свою соломку,
а в бане я дважды
направлял усердие мочалки
на борьбу с тенями прежних дней.

Завтра я уезжаю.
До свиданья, вишня, смородина, малина,
вы были очень маршрутны
каждому закоулку
лабиринта моих кишок.

До свиданья, лето.
Всё было более или менее.
И если даже менее, чем более,
ты всё равно от меня не получишь
ни одной занозы упрёка.

Сначала я посеял деньги – обошлось.
Затем пожал катастрофу – обошлось.
*«Придёт время, когда человек
сможет обойтись без самого себя».*

Я выезжаю,
чтобы – на фоне небес –
обойтись не без
тебя.

ЗАПИСКИ ЕЙ

* * *

Наверно, это ерунда,
а может быть, совсем напротив –
твоё присутствие с утра
анкету может мне испортить.

Шпионств и соглядатайств враг,
а не могу вести иначе,
слежу твой каждый вздох и шаг,
анфас и прочие удачи.

Всегда ты есть, но не всегда
исканьям твой повёрнут профиль...
...Но дай Бог каждому вот так
адресовать и взгляд, и строки.

* * *

Анна – манна. Так неожиданно.
Нет (я понял утром рано –
ночь едва сползла с дивана,
а на шее – паучок
поцелуйный) –

белорозовый твой бархат,
еле-еле, без азарта,
исполняющий соскок, –
чистотой погубит щёк.

* * *

Лето летело к нам. Лето отстало.
Юга жаровня в полёте остыла.
Бабочка трепетно жить попыталась –
Алый порывчик дождём погасило.

Шерсти покровом укутаю душу –
Ангелом мёрзнуть совсем не желаю!
Мрак напластав изнутри снаружи –
Им и спасусь, это точно я знаю.

Если нельзя, чтобы плавило небо,
виснет паук пусть под куполом хлева,
а я поверю, что солнца и не было.

ВЕЧЕРНЕЕ

Порой, когда земля одна
и солнца больше нет,
и неизвестно, где луна,
и тьмы безмерна глубина,
и я один, и ты одна,
и между нами тишина,
молчанья целая страна, —
я не включаю свет.

Тьмы вещество теснее льна
пускай прильнёт иль нет,
но не линяет пусть волна
чернил, пусть долго льёт она
волну звучанья, как струна,
она затмением не бедна,
сама полна и нас сполна
собой объяла, как молва,
и я в неё одет.

И пусть! В такие времена
не галстук, не жилет —
но вся душа растворена
в стихии, что черным-черна,
как бездна чёрная без дна.
Тьмы отличительность одна
и очевидна и видна —
что я один, и ты одна,
и между нами тишина,
молчанья целая страна —
других здесь нет.

Как будто: юность, ночь, плывём
мы в море Чёрном нагишом,
волна, ещё, ещё волна,
плывём за-мед-лен-но...

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ЖЕНЩИНЕ

1

Я ничего не могу вам сообщить
о её чертах,
какой взгляд? какой лоб, какие –
извините за необдуманное выражение –
волноводные губы,
она прошла –
и на вашей вегетативной сосне родился
букетик иголок,
пробежала кропотливая мурашка,
прицепилась дразнилка-мелодия,
верней, только ещё прелюдия,
заработал жучок вдохновения –
профессиональный любитель
всего, что живей и ресничней.

2

Красиво сказано, не правда ли?
Но – уважаемые шиньоны слов! –
вы свиваетесь
слишком после, слишком потом,
в одиночестве, на расстоянии
перелётов погод
и переходов
через сто состояний,
через сто горбатых хребтов
с рюкзаком невесёлого сердца,
через сотню удач, не правда ли,
о лакированные пшики слов!

3

Я ищу Прекрасному
равное выражение,
но Красота – безумие,
склонное к возражению,
перечёркивающее графики,
дипломированная шутница,
поливающая из лоджии
вассальные лица,

экспонирующая свой язык
и расчехляющая чужие,
расписывающая их
инфразвучным спектром,
ляпающая на них такое,
что смываются пятновыводители,
и заставляющая этим клише
освежать содержание
самых безадресных писем,
Ах, Красота – безумие!

4

А разве Красота может быть
распродана
зазывалами подземных переходов
неонных столиких столиц
или директором скворечника «Союзпечать»
в районном городе Эпиценске,
слишком дешево стоило б счастье,
если б оно стоило книжки.
Но даю тебе жизнь, эрзац,
за совершенство
в том странном смысле,
что ты можешь дать представление –
хоть примерное, акварельное –
об иной возможности.

5

Возможности таких часов,
когда после восьми часов
и восьми лет
увлекательнейшего диалога
с компьютером третьего поколения,
прибавляющего Солидность
и вычитающего Детство, –
после столь передового общения
возможность таких эпох,
когда вы, эталонный,
способны перевернуться,
разразумиться, удивить,
заветриться, сбиться,
стать на попу, стать человеком.
Только не знать, что дальше.
Впрочем, что же тут знать.

Нет необходимости это преодолевать.
 Ведь вы
 уже так много любили,
 что стали недосыгаемы для любви.
 Вам не в масть
 эти протяжные пальцы
 и новая жизнь.
 Ну скажите, талант усилить
 эту весть
 что подарит вам, кроме насмешек?
 Нет, нет, нет,
 нет необходимости ошибаться,
 тридцатилетнему спотыкаться,
 цепляться
 за частоколы ресниц,
 искусственных
 и таких естественных,
 не любящих влаги
 и потому защищённых,
 как утверждает современная наука,
 зонтиками бровей.

Разве этого не достаточно –
 коснуться её подкоркой,
 вспорхнуть на одно-два стихотворения,
 почти не подать виду,
 быстрее, быстрее
 простучать, перестать
 в этих тесных, как автобусы и переулки,
 висках,
 и с её стороны встретить,
 с её суверенной стороны заметить,
 ну хотя бы в духе
 мирного сосуществования,
 на принципах добрососедства и взаимопонимания,
 ну – не многое, ну – не рвение, –
 молчаливое поощрение.

И всё-таки,
 как бы я ни отрёкся,
 я не могу дать гарантии,
 что всё пойдет по-писаному
 и эта Красота пройдет
 безболезненно,
 безрасплатно,
 только поблизости,
 только овевая —
 красшком.
 Я не могу дать гарантии,
 что всё не начнется, как тогда,
 когда мы бываем несколько молоды
 и несовершенны.
 Я не могу дать гарантии,
 хотя такое заявление
 плохо рекламирует мою фирму
 и, хуже того, может огорчить
 любящую меня женщину.

И всё-таки, и всё-таки, и всё-таки,
 как бы там ни было,
 как бы ни было там,
 на всех торжествах и не торжествах,
 на всех празднествах, на всех днях,
 на всех «просто так»,
 даже если никого нет,
 ни подруги, ни друга,
 ни надежды, ни слуха,
 в любые одновременные с вами времена
 я поднимаю бокал
 сухого вина,
 вот сейчас — оджалеси,
 чтобы мысленно объявить
 мой неизбежный тост —
 за обыкновенную жизнь,
 за обыкновенно прекрасную жизнь,
 пусть судебную,
 пусть судьбовую,
 но дарующую нам минуты
 поражения
 Красотою.

ТЫ ИЗ СЛОВА «ЦВЕТЫ»

Я был полон цветов.
Я попал – было! – в плен.
Сколько было цветов!
Целый был – полонез!

Ты знаешь, что такое цветы?
Цветы – это самые древние колокольчики.
Идея язычества украдена у цветов.
У цветов есть особые звуки – ауки.

Ты уверена, что знаешь цветы?
Цветы – это весьма суверенные государства.
Каждый цветок имеет свой собственный флаг.
Только у них он более естественный
и потому называется ароматом.

Слушая ромашку,
её «поцелует-плюнет»,
врываясь в эти неприхотливые живые цветы,
я увидел вдруг,
как с последним лепестком
отделилась Ты.
Ты – из слова «цветы».

СОЛОВЕЙ

На ветке майской поселилась песнь,
струясь так вдохновенно и так чисто!
Певец одет в невзрачный сюртучишко,
а песнь – о том, что он на свете есть.

О том звенит любой! И ветер, и вепрь.
И жук, и жаба. Ноем поясница.
Скрипит под сапогами половица.
Скрипит старушка: я жива, поверь!

И рыба вылезла на берег потому
когда-то, что она не глыба.
Ей надоело быть немой, как рыба.
Беззвучно жить – ни сердцу, ни уму.

Так пой же, мир! Стучите, все сердца!
Раскалывайся вдрызг, стоячий воздух!
Заслуживать тебе желаю отдых,
многоголосье, – вечно, без конца.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВСТАЮЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ СКУЛЬПТОРА Д. Ф. ЦАПЛИНА¹

Самая раковая болезнь –
привязанность к умеренной судьбе.
Ей сопутствует испуг.
Она сожительствоует с успехом.
Милому человеку непозволительно рыпаться
и переступать через свои сомнения.

«Это надо показать!
Как рвал связи
и поднимался человек!
Им никто не интересовался!
И никто не приглашал встать.
Он сам себя возвысил.
Солью и мыслью!
Это надо показать!...»

В авторе было что-то от дерева,
вегетативная страсть, наверное.

Человек начинал с локтей –
как отламывал землю от неба.
Затем вставал на колени
и просил прощения за низкий этап.
Чурка, из которой было сделано его сердце,
вспоминала, что во всём
должен присутствовать такт.

*Вставанья труд имел счастливый ритм.
Напевно в кожи барабан стучал
кулак, размером с сердце, монолит,
как человек, который в нём вставал.*

В процессе всемирного вставания
человек казался
то тараканистым скрипачом,
пролившим на зевак средневековую дрожь,
то мудрецом со свечами в глазах,
то кучером Волги навьюченной,
то волн супесчаных пахарем,

то взлётно-посадочным ангелом,
но больше всего — грузчиком.

*Ростками крыльев высишь щупать путь...
Подъём играй, труба, для глаз и гузн!
Играй, душа, пока твой опыт пуст.
Груз крыльев — завтрашний зачётный груз.*

И хоть назывался маршрут вставания
«из царства необходимости в царство свободы»,
образ свободы был так многолик,
так изменчив и бесконечен,
что его с избытком хватало
на всю оставшуюся сжатую жизнь.

*И человек, который всё свалил,
обрёл свободы столько степеней,
что весь свой век он образ их ваял
из окружающих колод и пней.*

К каждой посеянной песне,
к каждому дальнему плачу
он посылал немедленного гонца.
Из-под стального копытца, из-под долотца
брызгали быстрые искры,
описывая почерком бисерным
кривую своей жизни,
освещая собой свой внезапный путь.
Видно, дар уж такой — в ударе
был трудящийся пульс
чудотворной тишины!

*Но невозможно, как ты ни крути,
смолоть все муки, сделать их мукой.
Уж обмозолели все замыслы почти,
а ты долбишь всё камень веры своей.*

Ах, мой мельник, заснеженный старик,
ты монументально знал,
что значит чертовски занемочь
и внезапно развалиться,
и упасть на стальную паутину,
и плюхнуться на подобие кровати,

но умереть только до утра.

А утром снова подниматься,
каждое ежедневное утро
снова и снова
поднимать свой торс,
страхивать вчерашние морщины
и освежаться –
из ладоней бескорыстного корытца
лить воду и отливать
уже бронзовеющие мышцы.

¹ Произведения Дмитрия Филипповича Цаплина (1890–1967) имеются в Третьяковской галерее, Британской национальной галерее, Лувре.

СТИХИ О СМЕРТИ РОБЕРТО ОБРЕГОНА МОРАЛЕСА¹

Мы познакомились в магазине «Дружба»,
где продаётся не дружба, а книги.
Сошлись мы в стремление найти
подлинное *канте-хондо*.

Глубинного пения зовы...
Доверившись им, мы вышли
асфальты, сытые солнцем,
печатью подошв заверить.

С нами был только Лорка²,
гренадец, при жизни славший
о смерти своей «по свету
синие телеграммы».

Ну и своё, конечно,
что тоже переполняло,
мы на прощальных метрах
друг другу плеснуть успели.

И мне показался странным
его глуховатый голос,

утверждающий хлеб и песню
и температуру восстаний.

Меня разрывало другое:
желаний прилив безмерный
и невозможность при этом
чёткий наметить берег.

Встреча б совсем забылась,
если б однажды утром
почтовый ящик не выдал
известия об убийстве.

Я вспомнил тогда о пуле,
о пуле, что он уже видел
тогда — как она летела
пчелой с затаённым жалом.

И я подумал о смерти,
какой у меня она будет.
Будет ли частью жизни
иль случаю поощреньем.

Как нагадали цыганки,
три разных красавицы ярких,
погибнуть я должен глупо,
технически неисправно.

Одна сказала — от гриппа,
другая — в дорожной сшибке.
От плотности моря малой —
прочла на ладони третья.

Как видите, есть что выбрать,
мало — ещё нагадают...
Но дело ведь в том, что можно
не выбирать, а видеть.

¹ *Р. О. Моралес* — гватемальский поэт, автор двух книг, изданных в СССР, учился в МГУ. Убит фашистами при возвращении на родину.

² *Ф. Г. Лорка* — испанский поэт. Убит фашистами.

ВСТРЕЧА С П. Г. АНТОКОЛЬСКИМ

Он был стар, как Державин,
ноги грелкою грел,
жарил там, где проржавел,
и дым трубкою ел.

Я назвал свою фамилию. Он посмотрел как-то яблокоглазо и запыхтел, всё гуще и гуще:

– Шерстюк? Шерсти тюк? Ворсюк? Волосюк? Ершук? Сын Щетинников? Ежук? Иглуку? Уколюк? Задирюк? Да вы понимаете, кто вы есть? Вы – Антишерстюк! Вы сам не свой... Что вы думаете о женщине?

Вдохновляясь кликушески
(был верлибровый бум,
как перчатка, сверкнувшая
неизвестно кому),

я читал что-то дерзкое,
низвергательно смел,
с обстановкою местною
не считаясь совсем,

я читал про агонию,
когда тело в поту,
про жестокую конницу
жажды зверской – и тут:

– Как? Как вы назвали женщину? Стерлядь? Да вы понимаете, что не имеете права! Вот, послушайте!..

Забыв про свои ноги, он подскочил к стеллажу, схватил древний томик и заклокотал: О, ля фам! О, ля фам! О, ля фам!..

Оляфамив прилично,
он полез вглубь стола,
где бутылка «Столичной»
вспыхнуть светом ждала.

Рядом с гранками «Избранного»
он поставил стакан
и сияние чистое
в его грани втолкал.

Я смущён был не очень,
сам имея снаряж

типа «Чёрные очи»,
но, видать, невпопад.

Он взглянул с любопытством
(снова яблоки глаз)
и движением быстрым –
наотрез, наотказ:

– Вот – катарсис. Если уж очищаться, то слезой. Или – чистым, как слеза.
Причащаетесь часто?..

Я ввинтил, не поморщась,
и лимон приложил.
«Хорошо!» – он, довольный,
крякнул, будто сам пил.

Сам стихами пыхтел он
и дымил, и клубил,
то цветными, то белыми
кольцевался и плыл.

«Ты поэт! - возопил он. –
И дано тебе знать,
что, как спирт из опилок, –
шар стихами пузат!»

И я видел, как зоин¹
улыбнулся портрет,
и я, кажется, понял,
в чем поэта секрет.

Просто мастером вздорным,
чья нещадна рука,
ловко заgrimирован
был он под старика.

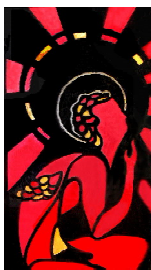
Из-под складок опущенных,
словно занавес, кож
в нём проглядывал юноша
живоусый, как морж.

Волшебствуя словами,
жизнью он колдовал
и меня, расставаясь,
в губы расцеловал.

¹ Зоя – З. Бажанова, жена П. Антокольского.

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ХУДОЖНИКУ Г. М. КРАСИЛЬНИКОВУ

ИРОНИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ Г. М. КРАСИЛЬНИКОВА,

*русского, беспартийного,
уроженца XX-го века,
проживающего противу
стоянки первобытного человека,
в доме, который вот-вот снесут,
мастера кисти суть,
коменданта помойки и клоповника
по совместительству,
заваривающего чай
как то приличествует.*

Георгий Михалыч, пока Вы выдавливаете
из тюбиков мой гениальный портрет,
я Вас нарисую. Пусть виды выдавшие
слова на Вас взглянут, мазне не во вред.

Начнём с головы. Волосатою тыквой
назвать её можно б, как то повелось,
да волосами не слишком утыкана
и слишком наружу – как сопка – нос.

Я знаю, откуда у Вас залысины.
С кистями – затык. И где ж их берём?
С начала советско-китайского кризиса
подручным Вы пользуетесь сырьём.

Брови густы и ленивы, как мурки.
Глаза побыстрее. Добры. Глубоки.
В них плещутся два молодых сатурна,
надевши спасательные круги.

Вот рот. Квасо-траво-краПИВО-глотатель.
И он же изверг, беломорину вдев,
вопросец – мне лично очаровательный:
«ГДЕ НАСЕКОМОСТИ ПРЕДЕЛ?»

Возьмём теперь торс. Он могуч. Охалатен.
Халат весь б/у. И х/б. Чёрный весь.
Весь в красочных пятнах. Но не запятнана
халатская чернорабочая честь.

Руки-поруки... Они древовидны.
Это влияние стружек и рам.
И мебели сборно-разборно-невиданной.
И вида из окон на ёлки храм.

В общем и целом немного сутуловище
едет на детище. Шинный след.
Изобрели Вы – признает будущее –
чудо: подрамник-велосипед.

Изобразить мне осталось две вещи,
весьма характерные: фон и тон.
Тон дымно-сугробен, небом подсвечен.
Так синяково не жил никто.

Фон внешне спокоен. В нём, палкою шаря
успешно, как сотни других не смогли б,
охотится спутница Ваша поджарая
под шляпой широкой, как зонтичный гриб.

Она и модель Ваша повсеместная,
и модельерша, каких я не знал,
и экстренный выпуск последних известий,
и верный заказчик, и Главтранжирснаб.

Фон сразу теплеет – атмосфера нагрета, –
когда, поправляя галстучек свой,
войдёт главхудожник т. Свинаренко,
оценщик... простите, ценитель большой.

Едва не забыл сказать я о времени,
чреватом для нас запоздниться у Вас.

Для «прихожан» всегда оно пленное,
когда ни придёшь – комендантский час.

Чем заняты Вы? Всё одним и тем же,
когда ни зайди – плита всё да щи.
Вы винегрет по-кубистски режете,
олеем, как лаком, его умацив.

И это понятно: чтоб дерево искусства
вечно цвело и могло плодить
плоды натюрмортов, как мумии грустные,
надо *модель* ежедневно кормить.

Ну вот вроде всё, Георгий Михалыч.
Не сетуйте, если я что упустил.
Вот если вода в бумагу впиталась,
коробя её, – то нельзя простить.

ПОСЛАНИЕ Г. К. КРАСИЛЬНИКОВУ НА НОВЫЙ, 1977-Й ГОД

Черплем из кубков мы
негу медвяную...

Алкей

В дважды счастливый год –
если верить астральным колпакам каббалистов –
пусть семизвёздное вымя
золоторогого млечного неба
Вам заметней пасётся
в парсековых далях.
Пусть ясней и наглядней
предвещанья станут.

*Воистину есть священные животные!
Воистину щурятся тьмы неоглядные!
Пятнистостью солнц разношерстятся космосы
и льются на судьбы людей гороскопные.*

Поэтам и художникам,
директорам заповедников звёзд,
хранителям сочетаний – нам –
тоже не помешали б

их расположенность и уют
и внимание
их рассеянных знамений.

Мазилам и трубадурам,
потусторонним натурам,
нам тоже необходимо,
чтобы хоть кто-то,
чтобы хоть кто-либо-нибудь
был на нашей стороне –
упитанность тюбиков,
аплодисменты шлёпанцев,
соборное золото луковичной шелухи,
да свой угол.

Да, да,
свой отдельный угол,
четыре квадратные стены,
чтобы закрыться в них хоть на час
наедине с вернисажем сердца.

И если великолепные семёрки
неба и года
напомнили взалкавшим красоты первочеловекам
ковш,
то не он ли пригож,
оглоедно похож
на челюсть экскаватора
(где экс – настоящего времени),
этого железнейшего копуши,
ненасытного дегустатора
котлованных пищ,
бригадно-подрядно-знатного,
страдающего угрызением глины...

Георгий Михалыч,
не будемте длинны.
В похожести этой
немерено дна,
но она
такая девственница,
после которой переезжают сердца
в новые картины.

* * *

Г. К.

Художник рисует Блока,
вернее, не Блока А.А.,
а образ далёкоокий
и бледность на все века.

То кистью, то мастихином
поправит то взор, то взгляд,
трёхперстием этим стихийным
как будто крестя: свят, свят.

И чтоб получились руки
и жилка на них, как змея,
в обивочный бархат упругий
усажен и замер я.

Не то чтобы схожесть большая,
но так это надо понять:
художнику я не мешаю
по памяти рисовать.

Пусть он не из тех очевидцев,
кто знал, как жуёт поэт,
но, как его свет струится,
воочию мог лицезреть.

Художнику что до Ахматовой,
сказавшей: *«Как он не похож
на Маску...»*, – ему хватает
тех красок, где Блок похож.

Оспорить не мнения рискаю,
не то, что читают меж строк,
художник сегодня рисует
те гулы, что слышал Блок.

И дивно единство союза,
где каждый, обманчив едва ль,
мазок так созвучен музыке
и им очарована даль.

И пальцы, сцепясь на колене,
как будто в обнимку друзья,
минутой оцепененья
всего охватили меня.

КИСТЕПЁРЫЕ

Г. К.

А кто такие художники?
А кто такие поэты?
О, это те, кто похожи
не на богов или мэтров.
а ближе, пожалуй, к чёрту,
сродни непутёвому ветру,
раз пишут, когда припрёт им,
на скатертях и манжетах
и кляксят холстину дивную.
И хоть их ладони твёрдые –
как слякоть, они неучтивые,
и краски их густотёртые.
Совсем ни один не воспитан,
хотя и учились где-то.
Вот, например, Уитмен –
да им проститутка воспета!
И сам был к тому ж небритый
и пусть не носил морковку,
но что за пример он выдал
тому, кто носил морковку!
Нет, нет, народ непонятный
художники и поэты,
все, как один, паяцы,
от слова «худо» при этом.
И если искать сравнение,
на что они больше похожи, –
пожалуй, на латимерию –
чудовище невозможное,
что хоть и должно было вымереть
ещё в допотопную эру,
но всё ж до сих пор этот выродок
живёт в океанах мира
и экзemplярит изредка.
Так вот, эти все художники –
как кисти, а также пёрышек –
они пережиток прошлого.
Они, как и зверь латимерия,
такие же кистепёрые
и не вымирают тоже.

П. Л. ПРОСКУРИНУ

Пётр Кузьмич, Просо-Курин, князь Севский,
Вы простите мне этот шарж.
Теперь много когда-то сельских
на высоких живёт этажах.

Чем аукнулось Ваше слово
в дебрях близких и внутренних мне,
я отмечу по праву основанного
где и Вы – на одной земле.

Исказил я немного имя,
чтобы выпуклей было в нём
полевое исходное семя,
из которого мы растём.

А исходное – значит, такое,
заключается где наперёд
и начало начал ростковых,
и итоговый их исход.

Возрастая, в лифтах взлетая,
где бы ни был, одно познаёшь –
что с тобой это семечко тайное
остаётся – ИМЯ ТВОЁ.

Генетический сей зародыш
неизменен – предстань пред ним
то ли Лукович огородный,
Лукоморьевич пенный ли.

На спирали геномного кода
равностоящ любой отсчёт –
хоть уже ты почётно народный,
хоть ещё ты почётный народ.

Важно, что интересоваться бы
всё кровнее могла тебя
и народная *севская свадьба*,
и народа – что сеет – СУДЬБА.

И тогда этажи высокие,
звёздные пьедесталы твои,
перекрытия многослойными
не отделят тебя от земли.

ОДНА ФОНОГРАММА

ПАМЯТИ Э. ИОДКОВСКОГО

1

«Ушёл из жизни», – говорят.
Куда ушёл – не говорят.
Звучит, как «бис», двойное «из»,
одно из них пронзило жизнь.

А жизнь – по-старому «живот».
Из живота был свой исход.
Тогда-то вот, в начале виз,
впервые к «в» примкнуло «из».

Как просто он простился с ней!
Казалось, мог бы, как Кашей,
не расставаться – лишь вцепись...
Сам не уйдёшь – уходит жизнь.

И тот же жуткий, мерзкий взвизг.

2

Я не знаю, где теперь он.
Набираю – в памяти – телефон.
И в ответ слышу голос милый:
«Здравствуй, милый»,
«Да, милый»,
«Хорошо, милый».

Говорим, не считая минут,
хоть и знаем цену секунд.
Всё уходит. И годы идут.
И звенит: «До свиданья, Эдмунд!»

1994

ВЫСОЦКОМУ

Мой финиш – горизонт –
по-прежнему далёк...

В. Высоцкий

Где твои 17 лет?
Дело дрянь-ка.
Ты далёкий взял билет –
на Ваганьково.

Говорил, что к Богу гость
опоздать не может.
Что ж галоп твой на погост
не стреножен?

Впрочем, к Господу скачок
твой – не ранний.
Ты остыл – и нипочём
больше раны.

Переименован ты теперь.
Перетитулован.
Ты восторгам их не верь –
лжи их новой.

Певчих птиц давно здесь нет –
ворон хоры.
Гадят на крест и окрест.
Мародёры.

Перемены – ого-го! –
оклахомские.
Расцепив состав, вагон
грабят с лоском.

Ты бы их не любил,
не курил бы ладан.
Ты меж звёзд теперь пыли –
вагантом.

Июль 1997

ГРАФОМАНУ

Какими б розгами, как больно б ни хлестали,
надейсь на *розу золотую* ты.

И вновь и вновь над новыми листами
руками комкай клочья темноты.

Ни критику не верь и ни коллеге.
Равно клюют – хорош ты или плох.
Любой коллега в сущности калека.
Поэт себе. Другим – искатель блох.

Тем более не верь любым тетерям
непосвящённым. Хоть самой Москве.
Она-то ведь твоим слезам не верит.
Взаимно плюнь. И разотри в тоске.

Молчанье – золото? Так что ж не промолчал тот,
кто эту «мысль», в кавычках, изобрёл?
Быть может, он потом жалел об этом часто
и гнулся за упущенным рублём?..

Дар божий, говорят... Знать, одарённым
дано вокруг подарками сорить?
Стократ имеет право миллионам
любой отдать *своё*. Не запретить!

Все гении – большие графоманы.
Манила графов страсть грызть перья и корпеть.
Хотя могли б всю жизнь на Ясных млеть Полянах
и в Болдинах балдеть, а не потеть.

Слова святы уж тем, что их в начале
Бог произнёс. Ты тоже не молчи!
Хоть ты не Бог, но для миров молчащих
ночами с лампой буквочки ищи.

Своих миров. В которые впелёнат
ты был один. Другие не поймут!
Вдыхал их мрак и их настой палёный,
и пыль глубин, и круговертей муть.

Ты Расскажи о них всё без утайки.
Откройся. Заголись. Бумаге нипочём.
Читать не будут пусть – будь откровенен так ей,
как перед личным лечащим врачом.

Пушай твоё горенье непонятно,
твой свет полночный на кресте окна
соседу за стеной с суровым взглядом, –
«Зато не пьёт!» – сразит его жена.

И если вдруг однажды так случится,
придёт сомнение: мол, чем к синеве
небесной плыть, не лучше ли синица... –
ты не поверь опять. На этот раз себе.

Ведь всё равно, пытайся не пытайся
бросать, но, как сосед твой за стеной, –
глядишь, опять, как клопик, насосался, –
ты так же звякнешь в творческий запой.

Но только так над скромною могилой,
где неизвестный миру спит поэт,
воздвигнешь ты пусть небольшой, но милый
себе нерукотворный монумент.

ПОЭТУ

Ни дня без строчки. Знай, пиши!
Пусть пульс стучит по шапкам клавиш.
Но знай, что, если пыжик справишь
за гонорарные шиши,
то не случилось так бы вот:
не стал он шапкой-невидимкой,
тебя представив вроде дымки,
что ветер, дунув, разнесёт.

Для этого ты напиши
себе на лбу, как на скрижали,
втемяшь под плешь ещё из правил
одно: *Ни строчки без души.*

ПОСЛАНИЕ ПЛЕМЯННИКУ, НЕЧАЯННОЕ И НЕСТРОГОЕ

Чужая душа – потёмки,
потомков – ещё темней.
Племянник мой Гриша Тёмкин
курчав, но зато по мне.

Пройдоха, пацан, негодник
в тихом засел углу.
«И вопрошаху его народы...» –
штудирует Луку.

– Гриша, зачем тебе это?
Ты в древность залез, как моль!..
– Ма, это зовётся Заветом.
Готовлюсь вступить в комсомол!

– Книга, конечно, великая,
но... сколько в тебе Фомы?
– *«Арбат, ты моя религия!»*,
«О, ёзари!», *«...скифы мы!»*

А то вдруг в сюжет мелодрамный
на кухню ворвётся он:
– Ах, мама, послушай, мама:
Ахматова! Реквием! Стон!

И полетят, срываясь
с обрыва безусых уст,
слов камни – языкаиство –
и слёзы – вниз – наизусть.

И смотрит на сына Машенька,
сама нестрога совсем, –
«... и матери его соблюдаше
глаголы вся в сердцах своем».

Ах, Гриша, ротастый бесёнок,
Лука был великий поэт –
ты понял уже, и бессонниц
чужих тебе светел след.

Грядущий и современный,
загадочный, как ни бейсь, –
какого ты рода, племени,
и чьих ты пророчеств PS?

Не моему ли голосу,
отпетому, как рецидивист,
аукнется твой стозвонистый –
заслушайся-задивись?!

И хулигански верится,
что, если ударишь в грязь,
твой образ на ней расстелется
нерукотворно, как Спас.

Но ты не ударь, курчавый.
Растут хоть из грязи той
анапесты, – всё ж я скучаю
по удали мне родной.

У музочки нашей рыженькой
ресницы там же, где зад.
Как любим её мы, Гри-ша!
(Где «ша» – Шерстюк Александр.)

К НОВЫМ ПЕРЕВОДАМ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Нет, никогда мы избылья не достигнем.
Я доказать вам это тем могу,
что переводы «Слова о полку...»
не переводятся.
И поражение Игоря
становится победой толмача
который раз...

И каждый бы хотел
своё поставить имя рядом с тем,
что о себе решило промолчать.

РУКИ ПУШКИНА

Костлявые пальцы. Длинные ногти.
Шерсти кусты. Бородавки перстней.
Обезьяноподобными крючьями согнуты
на талии пёрышка.
Для вензелей,
как балерина, оно отточено.
Он ведёт, и курчавится ветра шлейф.
Льётся лёгкая музыка почерка.
Нету танца страстных.

* * *

Пушкин! Пунш! Пирры! Ура!
Ножки! Рожки!..
Дурость.
При царях жить без царя
в голове – вот мудрость.

* * *

Маяковский
Владимир Владимирович –
как любил он
Город Афишевич,
его огненный
Крик Рекламович,
беспокойный его
Ритм Темпович!

И как грив не любил кудрейковых,
так и конь у него был не Гривович,
не какой-то Пегас Копытович,
а цилиндрный Мотор Бензинович,
вылитый Кадиляк Кадилович.

Только смерть его
была не Железною.

ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ

Роенья галактик.
Улей Мтацминды.
Веер крылышек — как троится...

Явлений блаженных
я был очевидцем —
глазами Галакти-
она Табилдзе.

КЛАССИКА

Часть какая ты, километр, от версты?
 Часть-I «Мёртвых душ» – часть какая во мне?
 «И какой же русский не любит быстрой езды?» –
 век смеётся: «Милиционер!»

ПРАЗДНИКИ

Праздник женщины – крик новорожденного.
Праздник художника – ладный мазок.
Праздник поэта – точное слово.
Праздник огня – ожог.

КНИГИ

Книги – батоны хлеба духовного,
светлого теста,
изюмного текста...

Хлеб этот нужен всякому homo
малотелесному
столь же очень,
как хлеб обычный –
многостаночнику.

ЕСТЬ ТАКАЯ ИГРА

Из слова «*поэт*» возможно
составить лишь «*это*» и «*пот*».
Ни слова, представьте, больше.
И шулерство здесь не пройдёт.

ПОЭТ И МУЗА

Он строчил. А она рядом тихо спала.
Вдруг вскочила и в кухне включила свет.
Он спросил, почему она сон прервала.
– Потому, что тебе захотелось есть!..

* * *

В океане поэзии столько островов,
сколько поэтов в поэзии.

В океане поэзии столько волн,
сколько стихов в поэзии.

В океане поэзии столько воды,
сколько воды в поэзии.

* * *

Стихи – это души
моментальные снимки.
Спеша друг за другом,
они, как в кино,
создают иллюзию
непрерывности жизни.

1

Всё, в меловый период что
рождено, всё тогда же издано,
опустилось давно на дно,
но печатками створок тиснуто,
стало мелом, белой горой,
и, как мельники, но поречистей,
перепачканные белизной,
пишут им теоретики чистые.

2

Всё, что пишу я,
всё, чем шекспиры пишут,
всё, что рыба в воде чешуя
завитками вдоль тела пишет,
всё, что в росчерк пишут лихой
мира певчего перья быстрые,
всё, что пишут лучи весной
на страницах гектаров мглинистых,
всё, что пишет морской прибой,
на камнях накатав камен,
к чему тянетесь вы головой –
продолжением шеи,
всё, что смерч, карандаш вихревой,
как квитанцию пишет о штрафе, –
это всё из книги одной,
из одной монографии.

3

Если книга – лучший подарок,
подарю я ребёнку её.
Пусть зрачками по ней он шарит
и листает чьё-то житьё.
Может, позже напишет главу
он свою. Он найдёт умение.
Ведь недаром дано ему
волосатое оглавление.
Если книга – пища уму,
то она всегда с продолжением.

БАЛЛАДА О ПОЛЬЗЕ РЫБОУЖЕНЬЯ

В. III.

Повели поэта рыбку ловить,
захотели поэта крючку научить.

Захотели поэта крючку научить,
крючоктворству его наловчить.

Вот сползает с хат одеяло тьмы.
Вот добыт червяк. Вот и в лодке мы.

Тело речки вдаль распростёрлось, спит.
Серебро воды чешуёй блестит.

Вот пустил с кормы корешки кормак
и растёкся вглубь дивный аромат.

До дна-донышка Донца-мелюшки
соблазнилась им рыба мелюзга.

Вот как клюнул, стал поплавок нырять,
стал нырять-шнырять, по верхам снова.

Потасил поэт, рыбку выдернул,
рыбку выдернул, стал с крючка снимать.

Стал с крючка снимать – а никак не снять,
надо с мясом рвать, по нутру пахать.

Друг помог ему. Здесь упрёка нет,
но от рыбки той помрачнел поэт.

Дальше ловит он. А тут луч летит.
И сверкает весь, изнутри горит.

Красок полон сам, начал яркий труд –
за этюдом стал рисовать этюд.

Заиграла ярь. Поволок парок.
Даль накинула расписной платок.

Вышла лань к воде и губами пьёт.
Щебетьё летит и лучи стрижёт.

«Жабродёрствуи сам!» – тут сказал поэт
и на берег прыг. И ворчанье вслед.

Сел на бел песок, сиднем час сидит,
час другой сидит, обалдел совсем.

Пока дёргал друг, он своё ловил
и в сетчатку глаз свой улов сложил.

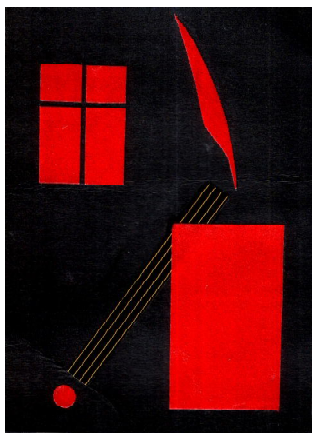
Каждый год теперь ждёт-пождёт поэт
ко дружку махнуть и опять ловить.

* * *

Мир заполнился шум-машинами.
Я в смоленскую глушь заехал,
чтобы тиши послушать щемающие,
но и глушь оказалась – Шумячи.

Шум – отходы цивилизации.
Ты не лезь к деревцу объясняться,
не шуми камышом, распознвшись,
трубадур, рифмозавр, поэт.

А то может и так ведь статья,
что «идёт» твой «гудёт Зелёный
Шум» не даром поэта покажется
и не даром природы окажется,
а всплеснёт в осциллографах, кажется,
несъедобною травкой помех.

* * *

Это виденье – снова и снова!

Вот летит над землёй состав,
и по телу его стальному
развевается ветра шарф.
Как драконье отродье новое,
силой пышен и мощью хорош,
он летит – его путь разлинован,
костылями вцепился в дрожь,
впился в зыбкую кожу земную,
в шерсть зелёных и рыжих трав.
Он летит в свою даль золотую
и колотит гудком по стволам,
по лесам, по листве полосуюя,
по кустам, по крестам, по мостам,
перечёркивая и плюсуя.
Что ему всё то, что не даль,
если выбрал он цель лихую, –
он молотит в куски хрусталь,
сизый воздух, крылатые звуки,
звенья звонкие чьих-то речей,
расщепляя взаимные руки,
оглушая негромкий ручей,
остальное хвостом тасуя...

Ну а ты, от состава отстав,
в завитках его многоструйных
остаёшься, как вкопанный, став,
одинокое, хотя и двуного.
Возле ног бесконечная сталь.
И – «холодная в сердце тревога».
И – стоять сердцу час не настал.

БЫЛЬ ПРО ФЕВРАЛЬ

Эта историйка
имела быть встарь –
два императора
обокрали февраль.

Первым отличился божественный Юлий:
– Как это так, в месяце имени
божественного Юлия
только 30 дней?

Идя навстречу пожеланиям граждан Рима,
повелеваю 30 февраля перенести
на 31 июля...

Рим вздрогнул, но перенёс.

А когда воссел божественный Август, первым делом он заметил, что дополнительный день в июле как бы заставил потесниться месяц имени божественного Августа, отодвинул его на день, и единичка в числе 31 так похожа на клинышек, вбитый в отношения между царствующими и августейшими...

Впрочем, нет, цифры в Риме были римскими и единичка в числе XXXI скорее всего могла показаться Августу воплощением единоначалия вместо трёх перечёркнутых триумвиров.

И повелел божественный Август
перенести 29 февраля на 31 августа.
Было всенародное ликование.
Ко времени Августа единодушие в Риме
стало доброй традицией,
а шестым чувством у римских людей
стало чувство глубокого удовлетворения.

И остался февраль
без двух дней.
Без двух лютых румянцев.
Без двух снегирей.

Но красть время у кого бы то ни было
считается постыдным,
поэтому раз в четыре года
мы суём февралю
подачку свою –
не своё отдаём,
а проценты суём годовые.

* * *

Как листки календаря,
отрываются зимы, плывут,
оставляя белые корешки
у Южного и Вьюжного полюсов,
на вершинах горячих лбов...

Обморозилась лава рук,
обнимавших и лай, и лязг!.
Непомерное нечто вдруг
залегло в кругозоры глаз.

Полушария, полушария,
в ваших клумбах метель пошарила!
Зимы лютые, вёсны шалые.

И вещь странная, непонятная –
стало многое непонятнее.
Где смеялся вчера: «В элементе!»,
там сегодня сломался б над этим.
Было ясным, зеленоглазым –
стало внутренним и негласным.

Не спасает лахудра-мудрость.
Как тому оброниться Буддой,
кто винцо попивал из тувель?
Больше мудрость – на убыль удаль.

Да, но как ни тягчает путь,
крыльям лёгких не час отдохнуть.
Им лететь – раз и два вздохнуть.

Крылья бьются внутри о грудь.

КОГДА ВЫЙДЕШЬ ИДТИ

Идти – когда выйдешь идти –
замедленной походкой,
любоваться
тазобедренными женщинами,
украшением микрорайона,
и балетными первоклашками,
худыми, как тапочки,
уважать поведение карапузов,
у которых, как верят мамы,
даже пука позолоченная,
перешагивать через
вечно кропотливых муравьёв,
подавать ауты
и радоваться
неисторичности момента.

Идти – и чуточку зашкалить,
разворачиваться слухом
к пневматическим оркестрам,
трамбующим что-то счастливое и грустное,
поворачивать зелёные линзы
к тут как тут желторотым фотонам,
рекордсменам по перелётам,
их натура неуловима:
волна, частица и ещё, пожалуй, что-то,
которое светится...
Идти и рассматривать граждан,
обладающим дымчатым светофильтром.

Идти – и не спеша потягивать
соломинками ноздрей
коктейль из азота и кислорода,
получивший в простонародье
наименование воздуха,
будто нельзя было найти
слова полатинистей.
Странно, секрет производства этого напитка
до сих пор не утрачен...

Идти – и с удивлением обнаружить,
что в лопатках возможно,
как и в крыльчатке,
зарождение
антигравитационного пения.

ДЕТСКИЕ РИСУНКИ НА АСФАЛЬТЕ

Поклон тебе, нарисованное счастье,
дома, собаки и папы, мамы.
Белые негры и такие же пароходы
курят белые сигареты.
Струйки дыма тонки и закручены,
как простейшая жизнь,
как молекула ДНК,
переплетением Добрых Начал и Концов,
как косички – льном-дергунцом.

Поклон тебе, ослепительный росчерк памяти
на листах, ГАИ разлинованных,
с отведёнными полями тротуарными,
негатив того, что было,
мой далёкий меловый период,
такой быстрый меловый период
эры, детства, палеозойщины,
когда зубы смехом полощут.

Поклон тебе, страна Сопляндия,
грачиная, драчливая, разбойная,
подстольно-пешеходная, грязнульная,
цыпко-прицепно-неотцепно-жгущая,
гусепасущая, и-заодно-пасущаяся,
непроливайко-вечно-пятно-видная,
букварно-далеко-до-антикварная,
украдковая, ватно-самокрутная,
сама-собою-лихо-самокатная,
спешащая во взрослость, почемучная
и – лучшая, лучшая, лучшая...

Поклон тебе, нарисованное счастье.

ДЕТСКАЯ ЛУНА

На луга,
лагуны,
гумна,
раздвинув занавеску облаков,
предав забвению запрет
дяди Кеплера,
выпорхнула маленькая шалунья.

Баловница,
небожительница,
охотница,
одев лёгкую косынку тени,
притворилась совсем бесшумной
и скользит над подлунным миром.

Простодушные жучки
и ночные бабочки,
увидев её,
цепенеют.
Большинство сдаются сразу,
некоторые пытаются бежать,
но всех, всех настигает
её лучетканый сачок,
купол наитомительнейшего плена.

Счастливая,
с богатой добычей,
к утру она возвращается домой.
Меркнут прославленные звёзды
перед золотом её блеска
и бесценностью её детства,
как и быть должно.

ДЕТСКИЕ ВОПРОСЫ

- Зачем цветок?
- Чтоб ветер землю не унёс.
- Зачем земля?
- Чтоб обозначить горизонт.
- А горизонт?
- Цель ставшего на верный путь.

- Зачем та цель?
- Чтоб донести туда огонь.
- Зачем огонь?
- Им жгут клеймо, чтоб жгла любовь.
- Зачем любовь?
- Чтоб не нашлось достойных слов.
- Зачем слова?
- Слова? Напомнить про цветов.

ЗАМЕТКА НА ОБЛОЖКЕ ПУТЕВОДИТЕЛЯ

Есть разновидность среди татб –
глазами мир приобретать.

Когда галопом по Европам,
вернее, по всемирным тропам
и в сёдлах спальных и каютных,
расписанные по минутам,
по Эрмитажам и Камчаткам,
взлётно-посадочные мчатся,
кружат колёсным куролесьем
среди Переславлей Залесских,
по каменным священным Лаврам,
по лавровишням цветоглавым,
ликуют кедно между кедров,
стремятся жизнь прожить не бедно,
распахнутым счастливым взором
глядят на все для них просторы,
глядят влюблённо в свои оба
и Волгу любят, точно воблю, –

им слишком очень весьма жаль,
что не впихнуть в пиджак Стожар,
что не вмещается в багажник
ну ни одна из псковских башен
и не нанижешь на шампур
ни Коктебель, ни как-то Лувр,
и что на палец не напялишь
кольцо, в котором сбоку Палех...

Да, очень жаль... Но их спасёт,
что зуб их что-то хоть неймёт.

КОСТРЫ ДИСКУССИЙ

То ли Толи, то ли Оли
вдруг находятся в капусте.
Точно так же, то есть ой ли,
и в ораторском искусстве –
истину находят в споре,
в языках костров дискуссий.
В них сжигая частоколы
изречений златоустых,
распаляются всё боле,
праведным взвиваясь чувством,
то ли Толи, то ли Оли...

Спор рождает толуюлы!

Спор рождён, чтобы взрывать.
Взрывом смеха, блеском молний
реплик острых и раскольных –
вверх тормашками взметать,
в пух и прах изничтожать
не одни лишь схемы, школы,
догмы их, рутины тонны,
но и дружб вроде бетоны
вдруг до трещин потрясать,
что не склеить, не склепать.
В общем, спорить, обсуждать,
толковать – что тол ковать...

В чистом поле, в грустном поле
так звенело мне стоусто:
ветер пел, что не позволит
прикусить язык дискуссий.

В искромётном диком буйстве
ветер пел, что быть собою –
выть любой пустой трубою.

* * *

Ухо человека – знак вопроса,
знак того, что жить не так-то просто.
Мы живём, порой не замечая
знака этого, его основы тайной.

Но любое звуков сочетание,
что летит с надеждой на свиданье
с разумом недюжинным и светлым,
завершается вопросом этим.

Всё в нас ищет ясного ответа!
Всё до дна не ясно даже свету.
За ответом послан луч мгновенный:
зритель, глянь! твоё какое мнение?

Запахи, то тычась в нас настырно,
то слегка касаясь стенок носа,
из букетов попадают в дыры
со своим каким-нибудь вопросом.

А букет вина ничуть не хуже!
Интервью своё он не упустит
взять у языка любого мужа,
и вопросы не всегда по вкусу.

Каждую секунду всесторонне
нас ощупывают незаметно
воздуха пытливые ладони:
— Кто вы, люди, есть? прошу, ответьте!

И помимо органов наружных
тайным ходом что-то дивное украдкой
по шестому чувству лезет в душу:
— И мою ты отгадай загадку!

СЛУЧАЙНАЯ СВЯЗЬ

Звонок. Снимаю трубку: «Да».
— Ростов?
— Москва.
И разговор окончен.
И кто звонил, откуда и куда —
повисло зазвеневшим многоточьем.

Ростов Великий нужен был ему?
Иль тот, который называют «папой»?
А может быть, вопрос имел в виду
Ростова Петю — на коне и с саблей?

На миг соединились два слепца.
Вдохнули токи в проводов пружины.
Попутал бес их. Но черты лица
остались каждого далёкие, чужие.

«Он» – «я».

Тире шнура меж нами вдруг
повисло сбоем номера, контакта.
Нам не узнать друг друга!

Рваный звук
звенит резонно разобщенья фактом.

Но так же вот миры, играя в связь,
добились некогда скрутить мельчайше
крупницы в код такой, что родилась
вся жизнь кругом
из связи той случайной.

* * *

Из *доставать* люблю одно –
скрипучим журавлём колодца
тянуть плескучее ведро,
пока в него не жахнет солнце.

Люблю другое доставать –
едва нальётся соком утро,
той, что застлала мне кровать,
достать губами мочку уха.

Ну а ещё достать бы, чёрт,
словцо такое ключевое,
чтоб, когда горло смага жжёт,
довольно было б словопомя.

Немножко б вечности достать!
Вот это, братцы, дефицитик.
Ни в руки взять, ни ртом урвать,
ни блатом хоть с самим Тацитом.

Нет, всё не то! Всё это муть
в сравненье с той водичкой талой,
что в Тридевятом достают.
Плеснуть бы чтоб – и мама встала б.

Но нет, нельзя... Тогда одно
мне б занять – где б мне ни рыскать,
что б ни искать, – чтобы оно
свободным было от корысти.

И я утешен буду тем,
что поколениям грядущим,
для родословных их затей, –
был им звеном не достающим.

* * *

Не пишите писем в Никуда,
слов не тратьте попусту заветных.
Ведь из Никуда идут всегда
только никудышные ответы.

Тщетно думать, что всему и вся
где-то есть всевидящее око.
Нет, планета чудная Земля –
не зрачок доступного нам Бога.

Хоть безмерен мир, но исчислён.
Адрес атома любого точен.
И за эту точность назван он
не имеющей размера точкой.

Не имей к перу любви, рука!
Чувств вселенная куда безмерней.
И не регистрируем пока
ход её расчётом планомерным.

Чувства часа Страшного суда
если нет, то каждый там прописан,
что зовётся словом Никуда.
Никуда известно всё без писем.

* * *

Войду ли в волну голубую,
любясь упругостью струй,
саженками воду лущуя,
возьму ль уплыву за буй;

оставлю ли краткое буйство
и лягу недвижно на гладь,
и море меня, как медузу,
начнёт невесомо качать;

раскинусь ли на раздолье
ином – травяных широт,
в пчелиного гула настое,
в приволье духмяных щедрот;

украшу ли руки цветами
любви ко всему подряд,
и клеверными головами,
их жаром, они зардят;

иль в дебрь заберусь заповедную
послушать в тишайший черёд
с вечнозелёных веток
иголок мерцающий лёт;

и, став между снежных напевов,
зажмурясь от глянцевого тонн,
от света бескрайности белой,
замру ли, ошеломлён;

заворожусь ли звёздным
роеньем в июльскую ночь,
дивясь, как наш малый остров
вращаться в нём вечно охоч; –

в мирах и солёных, и пресных,
в просторах, в растворах красот,
в отраднейшем из равновесий,
в параднейшей из природ,

в любой невесомости, в счастье,
всегда во мне что-то висит –
что я со всем этим прощаюсь,
минута – и всё полетит.

ИРОНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Всё будут делать автоматы,
в любом нас деле замещать,
пилить, полоть, точить, тачать,
на бутерброд икру метать,
стол самобранкой накрывать,
вареник в брюхо подавать
(не бойтесь подавиться, что вы,
он предварительно изжёван),
кормить, поить и одевать.
Вот-вот, глядишь, стишки стучать
займётся автоматный гений,
займясь пожаром вдохновенья
из электронов и ионов, –
в секунду строк до миллиона
(читать их сами лишь успеют).
Но где стихи, там чувства спеют,
уж тут-то некуда деваться,
на них нахлынет вдруг влюбляться,
друг друга в рощах догонять,
а там – научится рожать
себе подобных авто-мать...
Всё будут делать автоматы.

Всё будут делать автоматы?
В любом нас деле замещать?
В любовном деле замещать?
Ну нет! Позволим им любое,
но не поступимся любовью.
Любить по-прежнему вручную
мы будем. В этом деле – ну их!
Там, где отцы не знали лени,
векам пещерным не изменим –
в добыче трением умелым
огня в пещеристых телах.
Коль *дело доблести и славы* –
труд в рамках милой нам державы,
то будем милых нам держать
с *геройством* – кнопки те жать
у них, что вызывают «ах!».
А автоматам штучку вставим

такую, что, когда в них пламень
любовный разгорится, — вмиг,
за полсекунды до оргазма,
стальные ножнички бесстрастно
бесстыдству сделают чик-чик.

А нам из прочих наслаждений
труда ручного, без сомненья,
то подойдёт ещё уменье,
то мастерство без мастерка,
где, пальцами верша верченье
у седовласого виска,
как у скрипичного колка,
мы струны наших отношений
с нахальным новым поколением
начнём, пока тверда рука,
натягивать до иступленья.

* * *

М. Тарасовой

Когда носами псы на улице
с надеждой в сумки вам глядят,
вы вид не делайте замученный —
мол, знал бы, друг, что так получится,
припас бы сушку или булочку
и был тогда бы очень рад...
Вы знали, друг, что так получится.
Вы знали, друг, что так получится, —
что каждый день на каждой улице
четвероногие есть умницы, —
не знать вы это не могли.
И вид не делайте замученный,
идите в даль благополучную...
Иль вовсе не ходите лучше.
Да, вовсе не ходите лучше!
Сидите дома и не мучайтесь,
варите, жарьте, ешьте лучше,
но не ходите вы по улицам.
Но не ходите вы по улицам,
не то такой случится случай,
что вы получите падучую,
да, вы получите падучую —
в глазах собак падёте вы.

СКВОРЕЦ

Окно было распахнуто,
и что-то там *кудахтало*,
потом разок *чирикнуло*,
потом *заржало* вдруг.
И тотчас же *закаркало*,
захохотало, *ухнуло*
и, *побряхтев*, *закашляло*.
Потом раздался звук
пыхтенья очень важного,
шипенья дюже страшного.
Потом такое пение,
что сразу не поймёшь:

пострекодав, *залаяло*,
поцибетава, *зблеляло*,
поклекотава, *запискало*,
погоготава, *заплакало*,
побрякава, *замяукало*,
посвиристева, *захрюкало*,
покуковава, *зачавкало*,
поворковава, *зазвякало*,
покукарекава, *свистнуло*,
заквакало *неистово*,
залазгало, *зарякало*,
забулькало, *затявкало*,
затенькало, *зацвиркало*,
курлыкало, *мурлыкало*
и многое ещё.

Жизнь стала невозможною,
жизнь стала беспокойною.
Не вытерпев, я выглянул —
что там за зоопарк?
Но не было на улице
и в парке тоже не было
ни птицы и ни курицы,
ни зверя ни души.
И только на скворечнике
его хозяин крапчатый
сидел невозмутимейше
и на меня смотрел.

ОДНАЖДЫ Я БЫЛ ИСПАНЦЕМ...

Однажды я был испанцем.
Не в смысле, что матадором
или конкистадором,
нет, я знал цену вздору
и золотую надбавку d'ого
к крови – не принимал.

Я был москвичом измайловским,
худющим, гудящим мальчиком,
любил обороты смачные
и первый закон открыл:
когда черепушка варит
и пар от варева валит,
и горячится словами,
то шапка зимой не нужна.

Любил я язык гишпанский
не за возможность, им данную,
с Богом травить баланду –
что я о Боге знал?
Знал я, что Бога нету,
а что, не глядя на это,
с Ним можно вести беседу, –
об этом тогда не знал.

И всё ж без унынья и лени,
как перестук кастаньетный,
я щёлкал спряденья, склоненья,
поверите, только за то,
что говорил по-испански
и лоркин земляк Сервантес,
и лоркин свояк Эрнандес,
и лоркин Игнасио Санчес,
и Лорка сам говорил.

То было в года такие,
которым не повториться,
как лохам уже не взвиться
из-под опеки ондатр.

То было, когда вонзала
зима холодинки шалые,
как бандерильные жала,
в холку молодняка.
И «la primavera besaba
suavemente»¹ меня.

¹ Весна нежно целовала (исп.).

ЦЫГАН

Едет цыган по городу.
У века он не в хвосте.
Копыта его подкованы,
и сам он на высоте.

Рядом, вернее, мимо
линий белых сплошных
летят обтекаемые,
шипя развалами шин.

Стада их стальные и громадны,
обгоны сигналият ему.
Романо, романо, романо,
сейчас ты себе самому

памятник тот картинный,
где вознесён герой
силою лошадиной
над рядовой толпой.

Только живой, не медный,
и без помет числом.
Только босой и последний –
вот и отличие всё.

Куда же ты едешь, ой рома,
на поиск каких потерь?..
– Я еду в ГАИ за номером
«2+2 КПТ»!

В.С., ПОДАРИВШЕМУ МНЕ НА ПРОЩАНИЕ ПАТРОН

Твой дар я близко к сердцу не приму.
Он дурно пахнет – пусть упрятан запах,
закупоренный наглухо, – ему
из гильзовой бутылочки внезапно
дано стремление выпорхнуть, взорвать
притёртость пробки, что, подобно пломбе,
вся из свинца, а тот озоровать
не очень лёгок, сладить с ним попробуй,
когда он *свин* и много в нём *винца*,
и запашок, толкнув его на дело,
исподтишка дотянется лица,
кулак бездымный дав понюхать смело,
и растворится...

Вообще, скажу,
и без того не очень герметичен
не только нюх мой (нюх мой дважды дырчат),
и в голове хватает сквозняку.
Потом ещё... я столько, друг мой, жил
в палеолитах разных, в мезозоях,
что, будто пенсию, я право заслужил
себе на мамонта бросаться не позволить.
Меня не дозовётся гон охоты
затем хотя б, что нет во мне охоты
ни в День – что, как оптический обман,
красив и цветомузыку полощет,
ни в Ночь – когда к Земле, как чёрный вран,
прижмётся Космос всей мохнатой мощью,
ни в безвременья час...
Вот почему
твой дар я близко к сердцу не приму.

ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Эпоха в мундир влюбилась.

Вот мчит удалец дорожный,
показывающий ежедневно
замечательные тоннокилометры,
имеющий прочные, до локтей волосатые руки,

усы, как у «Песняров»,
два золотых зуба
и четыре «куска» в месяц
(иногда он называет их килорублями).

В кабине у него сидит пассажир,
просто мужчина с рюкзаком.
У поворота он попросит остановить
и, порывшись в кошельке,
положит на сиденье 30 копеек.
Водитель скажет: «Пожалуйста»,
хлопнет дверца.
Шины прекрасно накачаны,
можно катить дальше.

Машина исключительно надёжная.
150 тысяч без капиталки.

Сзади прицепы.

На последнем печать и штамп –
красный круг и треугольник,
крупная белая надпись:

НЕ УВЕРЕН – НЕ ОБГОНЯЙ,
чуть пониже, от руки – мелом:
ЯМЩИК, НЕ ГОНИ ЛОШАДЕЙ.
Вот и всё.

Да, я забыл ещё сказать,
что видимость – больше 100 метров
(как того требуют правила)
и что на лобовом стекле –
опоясанный крепёжной резинкой,
как трибуной Мавзолея, –
«выигравший войну»
и «снижавший цены»
Иосиф Виссарионович –
поясное изображение,
выполненное на глянце унибром
и немного подрумяненное
ослюнявленным карандашом.

Размер фотокарточки – 9х12.
В зоне обзора водителя
это не очень много.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЕ ПОРТРЕТЫ

Я призываю вас
покупать портреты вождей.

Прежде всего,
эти портреты очень красивые.
Написаны они
самыми масляными красками.
Отпечатаны
на лощёной бумаге.
Вожди на портретах
выглядят дорогими.

Глаза у вождей
мудрые, как у сов.
Лица полны
отеческой заботы о каждом.
Каждая пуговица мундира
отражает единение с народом.
В руках чувствуется
руководящая роль.

А если мой совет
вам покажется не авторитетным,
то могу напомнить,
что ещё в Древней Греции
у рапсода Архисандра
вот что было начертано
на одной из ярких заплат
его ветхого хитона:

*Покупайте портреты вождей,
покупайте заблаговременно,
почитайте за благо купить
то, что можно купить
лишь временно.*

Когда очередные съезды
после речей и приветствий
скандируют ладонями и голосами:
«Зна-мя с на-ми! Зна-мя с на-ми!»,
то это, разумеется, прекрасно,
то это, без сомнения, чудесно,
то это, безусловно, то, что надо.
И надо полагать, что это
не есть словес бессмысленный орнамент,
и омурашиться не грех нам с вами.

И какие могут быть сравнения
этих убедительных заверений
убеждённых в своих убеждениях
людей,
да не просто людей,
а людей простых,
наших славных посланцев родных, —
какие могут быть сравнения
со слепым, фанатичным, беспрекословным,
что на пряжках отполированных —
это вам не из уст —
отливало свинцом и пеплом
и печатью сверхчеловеков:
«Gott mit uns»!

Нет, нет, нет,
это те ещё
совершенно несравнимые несопоставимые вещи,
которые совершенно не поддаются
сравнению и сопоставлению.
Совершенно невозможно всерьёз
совершать их сопоставление и сравнение,
невозможно ставить их близко.
Совершенно кощунственно и дико
вообще ставить этот вопрос.

СЛУЧАЙ В МЕТРО

Однажды я ехал в метро,
верней, ехали ступеньки эскалатора,
а я стоял на одной из них
и думал о чём-то далёком.

Вдруг всё вокруг стало *спартаком*.

Раздался
из тысячи голосов сложенный
рёв.

«*Спар-так! Спар-так! Спар-так!*» –
плеть звуков захлестала по сводам,
и от них, как штукатурка,
стало отслаиваться эхо.

Кричали три встречных потока –
молодые, красивые, сочные люди,
в замечательных куртках с цветными полосками,
очень жизнерадостные.

Вначале я подумал,
что Спартак – имя одного из них,
что они приветствуют товарища
и наслаждаются этим.

Однако после того, как они громогласно объяснили,
что ВСЕ БА-ЛЕ-ЮТ ЗА СПАР-ТАК!!!,
я понял,
что в данном случае
речь идёт скорей всего
о Спартаке,
у которого вместо ушей
растут кавычки.

Так или иначе,
но всё вокруг стало спартаком,
а цветущие люди в куртках
стояли на бесконечных ступенях эскалаторов,
как на пьедестале почёта,
и были исключительно красивы.

А выйдя из метро,
я с облегчением увидел,
что на площади
нет пепелищ,
старушка на скамейке жуёт пирожок,
несут багаж знаний школьники
и неяркие воробы
демонстрируют
прыжки с места.

ТАМЕРЛАН

От восхода до заката
он непрерывно владел
тьмой тьмущей голов,
украшенных рогами,
и горою голов,
верещагинских черепов,
украшенных отсутствием
и рогов и тела.

От восхода до заката
он владел
таким обширным пространством,
что оно не вмещалось
между восходом и закатом
и, чтобы попасть из конца в конец,
приходилось менять копыта
и преодолевать несколько
морозящих звёздами моментов.

Следует отметить,
что означенное пространство,
пройдя через столь своеобразный оптический прибор,
как глаз завоевателя,
становилось с овечью шкуру.
Но наш герой никогда не сомневался,
стоит ли овчина выделки.

Он владел
металлической волей,
благо век уже был железный,
и хромал он тоже железно,

владел
крепко на ноги поставленным голосом
и собой владел,
как невыпавшим волосом
(что его выгодно отличало
от некоторых современных доблестных мужей).

А в тяжёлые персидские мускатные ночи,
от закатов до восходов,
он владел
такими гранатово-красными ртами
и такими противоударными тетивотугими телами,
как никто не владел.

От восхода до заката,
от заката до восхода
всем владел великий Тамерлан.
А если б ещё он владел
восходом и закатом, закатом и восходом,
он владел бы ими с утроенной охотой...

Но не может быть,
чтоб когда-нибудь
ему это не надоело.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЖЕЛЕЗКА

Невзрачная железка невиданная...

До неё
довелось докопаться мне
в желтоглиняном древнем холме,
на залысине которого
совпали стоянки –
моя, бархатносезонная,
и эпохи Великих Переселений.
Дочь пила воду жменей.
Не перечил я ей. Был мне
интересен *шелом*-шельмец –
там, где к Вабле прильнул Бабинец.

Чернобурая, в бородавчатых наростах,
в коросте,

изъявлённая старостью возраста,
моя железка лежала,
а верней, покоилась,
среди складок золы
и вечных черепков –
в культурном слое,
окружение не простое,
и вверху – муравы некошенность.

Когда легла она на ладонь,
все семнадцать веков
коснулись пяти моих щупальцев,
и я почувствовал её плотность.
И что там ржа,
если в пролежнях даже
таилась сила ножа!

Однако моё археологическое открытие
было сделано позднее,
когда я поднёс её к наждаку
и нанёс ей живую ссадину,
и на пустыне её поверхности
внезапно засочилось
озерцо глади.

Брызнул обнажённый свет,
такой чистый,
такой внутренний и зернистый,
такой обильный,
сноп не сноп, но такой урожайный,
такой свободный рикошет
из зари человечества ранней,
свет, спрессованный из частиц,
из удачных знаний крупиц.

И я знаю теперь,
что в каждом древнем холме,
под любыми земли горбами
самым полезным ископаемым
являются худо-бедно
залежи света,
отложения века местные –
то ли золотого, то ли бронзового, то ли
неблагородного железного.

Я. А. СПУНДЭ, СЫНУ СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

Яков Лексанныч, это предсказано
задолго до темпов бегом-бегом:
каждый упитан, как божий помазанник,
помадой варенья намазаны губы его.

И всё будет гладко, и всё будет смазано:
винты, обороты, огни маяков.
Подмазанство там не противопоказано,
где едут приемисто и далеко-далеко.

И мчащимся по изобильным проложенным,
по предначертанным, по скоростным –
им мира лицо, как в разрезе пирожное,
покажется смазанным, вкусным, съестным.

А лицам самих удобен окажется
унифицированный каталог.
Единогласия генная каша
смазливость придаст им, законный итог.

А руки их будут всё элегантнее,
всё чище и чище, и чистоганными
перстами вползут в золотые перстни.

В эпохе стремительной, жадно стремящейся
досрочно и встречно стать развитой,
они разовьют пустозвонство гремящее,
чей гравий пробойнее, чем гравитон.

И если какой-нибудь ёж в неуклюжести
своей поползёт через этот накат,
мелькнёт в лобовом их

он шкуркой, расплющённой
на стане прокатном «машина – асфальт».

Верхом на вещах взлетят в беспредельное,
а вещий лимит шуганут к нулю.
Сначала убьют, – задумано – сделано, –
останки – на торг, за показ – по рублю.

И так узаконить, чтоб не было милостынь,
подать Христа ради – позорно, шабаш.
Пожертвовать суммы, какие не снились,
на принцип великий: кругом баш на баш.

Порода появится: гомо новые.
Не сомневайтесь и в тени ночей –
на каждое ваше сомненье и слово
приходится там легион стукачей.

...Те, кто предсказывал, всего не знали,
но ошибались единственно в том,
что никогда они не были сами
подавляющим большинством.

ЧЕЛОВЕК

Ты на престол возвёл себя,
у Бога вышиб трон,
но Дьявол властолюбия
тобой не побеждён.

Что ж, властвуй, если разделил
и вбил столбы границ.
Но безграничность не кради
у неразумных птиц.

Самодоволен будь – собой
доволен, горделив.
Но у того, кто нищ судьбой,
участия не жди.

Умно ты клетку изобрёл,
но если б сам попал,
зелёный бы не сжух покров
и зверь не простонал.

Ты возомнил себя Венцом,
ты выше всех давно.
Но в грязь ты падаешь лицом,
а грязи всё равно.

СХОДНЯ

ЗАРОДЫШ ПОЭМЫ

1

Нет, не вся ещё жизнь в нокауте,
если есть в запасе желаньице
протрубить электричкой накатанной
через лес, разрубая атомы
сучковато-елового воздуха,
завивая остатки в кудряшки,
закругляя колёсами взлёты
и паденья обрывков, окурков –
встрепенутся пусть и останутся
на пятнистых мазутных приисках
их навек отгоревшие трупики.
Их желания нам незнаемы.
А сороки висят, как птички.
А зелёное зверство свищет
лобовой стальной кубатурой,
странноватой чуть-чуть натурой.
Неуклонна её увлечённость
сделать местность пересечённой.
У пейзажей глаза вырастают,
равнодушно взлетят и растают.
Есть у скорости свойство линзы,
чью двоякую выпуклость с бега,
разжимаясь, мир огибает.
Уважаю миров теченья.
Что такое навёрстывать вёрсты,
как не в сердце навёрстывать вёсны?
Сердцевине моей посошок
скоростной атмосферы молод.
Эта скорость – проброс от спешки.
До свиданья, мои куролесные
кружева мельтешений кромешных
и потрясные круговерти!
День пришёл – злобы зло оставить,
заблоченность честных правил.
Если транспортный транс явился,
значит, стоит в нём уноситься.

В избытке своих двужилых
разоржаться в табун лошадиных.
Чтоб вагонные окна сняли
мимолётную киноленту,
на экраны зрачков струилась
световая полнометражность
и мембраны ушей прониклись
музыкальным сопровождением,
наваждением неприхотливым,
пустяком блаженного свойства –
вот примерно с такой начинкой
(вылетает бабочка из личинки):

2

ПЕРНАТАЯ ПЕСЕНКА

Летят, летят, летят
куда-то остановки,
хотя могли б стоять,
уж если остановки.

Лес – глазом не проткнуть.
Его сплошную силу
за изумрудный труд
произвели в «массивы».

Поразвелась в лесах
кругом такая дачность,
как будто жить нельзя
немного неудачней.

Наверно, чтоб любить
уместней и безгрешней,
перелетает быт
в сезонные скворешни.

Наверное, любить
сопранней, баритонней,
когда звенит фьюить
пернатых камертонов.

А может быть, любовь
тем более огромней,
чем менее альков
её пронумерован.

Когда густой настой
ее начёсов кронных,
вибрируя ноздрей,
ползёт по древу бронхов.

Всё бешено летит.
То улететь не может,
чьи зоркие цветы
давно взошли подкожно.

Летят, летят, летят
чужие остановки.
Нам нечего терять –
вот лёта смысл дословный.

3

Так колеблются взмахи звуков
в ритме стука в ущелья стыков.
Это, кажется, прекратится,
когда звёзды устанут роиться.
Неустаннейшая инерция –
та, которой набухло сердце
и чьё кредо – «подольше длиться...»
Но искусством мертвецкой хватки
тормоза обладают чётко.
Их потомственные колодки
есть бюстительницы порядка.
Как блестят их искрения выгнутые!
И, глядишь, уже можно вытряхнуться
(то – желаньице продолжается)
и сойти на прекрасной Сходне,
выйти просто на Превосходне
и немножечко Сумасходне,
по которой рельсы – как хорда.
Сделал тут свой коронный мостик

басноплечий бетон, выносливый.
Впрочем, мы вперёд забежали,
нечто главное не сказали:
что в торжественном продвижении
по возлюбленным территориям,
по проторенным траекториям
есть момент один восклицательный,
момент, можно сказать, с-круг-сшибательный,
когда можно пойти на уступку
двум ступням, мастерам разминки,
слезть с вращения прямолинейного,
с колеса слишком очень путёвого –
и включить пешеходные ноги,
и включить пешеходные ноты...
Итак, здравствуйте, трапы Сходни!
.

ГОРНАЯ ПАСТОРАЛЬ

Встану утром рано я.
Всё ещё крутом спит.
Я иду по тропе крутой –
я и овцы. Знакомый путь.

Вот и солнце ползёт из-за гор.
Появился прозрачный луч.
И трава, что жгла мне ступни,
нарядилась в бусинки рос.

Как до неба всегда далеко!
Солнце, солнце, где твой предел?
Тень длинна моя. Длинен день.
Да и полдень ещё далёк.

Я и солнце движемся вверх –
где раздолье, долина, дол.
Где повиснет оно, как орёл.
И на коврике тени так
сладок сон.

ВИШНЁВАЯ КОСТОЧКА

Дано ей закопаться
в быт самый земляной
и в беспросветном царстве
не знать судьбы иной,

как взрыть твоё блаженство,
чумазый чернозём,
и стать твоею женщиной –
лишь дождик полоснёт.

Ты, от любви отважный,
ей лёгкий дашь щелчок.
Она тебе покажет
зелёный язычок.

От этих игр родится
прекрасное собой,
взнося ладошки листьев,
ветвление художбой.

И накопит такое,
что выльется потом
свеченьем лепестковым,
как трепетным огнём.

И вкрапится стократно,
как красный звукоряд,
в большие тени сада
из вишенек детсад.

СЕНТЯБРЬСКИЙ ОФОРТ

Осень – это весна,
чей наступил черёд
красками торжества
славить от нас уход
в возраст, где ей ясна,
как апельсиновый плод,

мрачная глубина
мысли простой, что вот
уж обеспечена
старость – покой, почёт...

Но всё же нейдёт с ума
то, что Покров придёт
и покровительства
сень ей ту принесёт,
где, как лёд холодна,
клочья свои взметнёт
сивая седина
псивейшей из бород.

На отпылавшую плоть
стыло ляжет она,
тело её и тепло
пленом покроем сна.
И если что-то зачнёт,
то это впрямь чудеса...

Но как-то ж родится, чёрт,
та, чьё имя – Весна.

* * *

Весной, после оледенения,
Земля – ребёнок.
Весной
она плачет днём
и затихает, укачанная, ночами.

Весной
моя Земля, моё дитя,
вырастает, восстаёт из пелёнок снегов
и надевает первое настоящее платье,
платье, на котором нарисованы пчёлы
и одуванчики.

Весной,
словно мыльные пузыри,

Земля сквозь соломинки-стволы
выдувает пену цветов.
Земля храбро обнажает
шпаги побегов
навстречу сверканьям неба –
Земля улыбается
белыми бабочками зубов.

Весной
распарившийся морщинистый асфальт
затягивается плёнкой воды так жадно,
как затягивается курильщик
после долгого вынужденного перерыва.

«ЖИВЫЕ» ЦВЕТЫ

Ножом сначала косо скользнут
по вытянутому к нам выям –
срежут головы и несут
и радуются: «Живые!»

ЗРИ В КОРЕНЬ

Внутри винтовки – винт.
Голодный – чревом голый.
Животных суть – живот.
Суть соловейки – соло.

ЗАРУБИНЕЦКАЯ КЕРАМИКА

Живших здесь, у куста ракитового,
в ямах селища у реки,
здесь подвергло их остракизму
Время.
Вот они, черепки.

ГЛАЗА УШЕДШИХ

Царство земного шара.
Подушка песка и суглинка.
Одеяло муравоткани.
Во сне они видят, что видят.

ВОИСТИНУ УБРУС

Лишь накинёт Земля плат зелёный,
как спешит на нём отпечататься
образ Солнца нерукотворный –
одуванчиками.

ПРИЧИНА ПРИЧИН

Адам и Ева – красивая сказочка,
но есть нечто более нам доказанное:
произошли все племена
от недостающего звена.

И потому с люда взятки гладки
и – изобилие недостатков.

ДЕРЕВЬЯ

Деревья обручены –
стоячие молчуны –
с девою непостоянства
космического пространства:
 с пылью морозной,
 с мжелью паросящей,
 с хмарами грозными,
 с ветрами гундосыми,
 с паденьем давлений,
 с наплывами вёсен
и с местом своим под солнцем –
деревья обручены
годовыми кольцами.

СТАРИННАЯ ТАРЕЛКА

«Хлеб-соль ешь, а правду режь», –
так написано чьей-то рукой уверенной
на тарелке старинной резной из дерева.

Я не знаю, резчик по дереву –
был он резчиком правды или нет,
но тарелка, его изделие,
не годна для нелживых бесед.

Правду резать – призыв чудесный,
но кровь, брызнув, попортит
шедевр древесный.

КИБЕРНЕТИКА

Контакт пули с сердцем поэта –
передача информации.

В столовой ВЦ –
суп с плавающей запятой.

На столе цветы –
половые органы растений.

ПАРА

Он её называет
постельной принадлежностью.

Она же с ответной нежностью
ступни о него вытирает.

КОММЕНТАРИЙ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Мещанина Никифора Никитина
за крамольные речи о полёте на Луну
сослать в отдалённое селение Байконур.

Московские губернские ведомости. 1848

Если б жив был Никифор Никитин,
поступить бы я так предложил
с ним:

схватить его под микитки
и, поддав так, чтоб был чуть жив,
за мещанские байки вздорные
(это ж надо: полёт на Луну!) –
на её обратную сторону
зашвырнуть,
чтоб познал наяву,
беспредельно как и позорно
одинок он в дури ослиной...
Вышибают клин – клином.

БАТУМСКАЯ СЮИТА

Идут, идут,
идут дожди,
идут дожди в воде по пояс...

Возьми и сбоку погляди! –
как перед зеркалом Луны
Земля торчать не устаёт
и мерить бусы виноградин.

СУЗДАЛЬ

Колоколов весёлый строй –
звон путевой
 под рай-дугой.
Сплетенье речек, как узда.
В века, в их даль
Руси езда.

* * *

Кто основал город Киев?
Братья Щек, Хорив и Кий.
И сестра была у них Лыбедь.

А кто основал город мой?
Братья Бетон, Гудрон, Электрон.
И у них тоже есть сестрёнка –
 Зелёнка.

ТВЁРДАЯ ВАЛЮТА

Единицей стойкости
был один *микоян*,
а теперь – один *ельцин*.

А я бы назвал
только *инь* и *ян* –
их союз неразрывный
в сердце.

1992

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ГОРОД

Здесь ночью,
когда искусственные машины
восвояются,
а бетонное кольцо
обесточится,
на его несущую изворотливость
выйдет замшелый рогоносец –
Лось.

И его зелёная задира,
колючка-Ёлка,
услышит копытот,
цок-цок –
 кующий стрелы,
цок-цок –
 пронзят –
цок-цок.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКАЗОК

Жил на свете ковёр-самолёт.
Полубил он скатерть-самобранку.
Зарегистрировались в сознании народов.
Родились летающие тарелки.

СУМЕРКИ

Печальны глаза окна,
в клетке его когда
устанет – от ран о квадраты –
биться жар-птица заката.

ВЕЧЕР

Вечер бывает – когда
просыпаются летучие мыши теней
и заволакивают под свои перепонки
небо дней.

УЧЁНЫЙ МУЖ

Ему полюбить бы женщину,
а он влопался в эвээмшину.

На 8 Марта, словно телеграмму,
написал ей шахматную программу.

Сел за столик, развил фигуры,
съел коня и сказал ей: «Дура!»

Вспыхнул тотчас экран её так:
«Сам дурак!»

НА ПРИМЕРЕ ЖИВОТНЫХ

Прекрасное дело – каждому
только его, своё.
Воспойте же подданство, граждане,
не предавайте его.

Не может ведь быть иначе.
Распределились места:
глаза – непременно кошачьи,
а холод – собачий всегда.

* * *

«Без связей не проживёшь...»
А зачем без них проживать,
если пронизывать
всё, всегда и везде
им дано!

И если камнем на дно
кто-то пойдёт и канет, –
вздрагнет, как кровь в тебе,
уровень мирового океана
и небо качнётся пьяно,
ведь стоит оно на воде.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Смысл каждого в словах ищи.
Мужчина – муж плюс важный чин.
А женщина – жена и щи.
Вы не согласны? Ешьте чин.

* * *

У рубля – покупательная способность,
у любви – понимаемость способность.
И когда он её покупает,
она очень его понимает.

Но бывает – способность рубля
убывает почти до нуля.
Ярость ею тогда овладеет:
– Что случилось, Сто Копеек?!..

ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ

Мы переводим стрелки
то вперёд, то назад.

Мы вольно тасуем
составы времени.

Мы, должно быть, забыли,
что всегда виноват
стрелочник.

НЕОЛИТ

Собирают камни на Луне,
покупают камни в ювелирных магазинах,
строят из камней города,
дробят камни в мочевом пузыре,
держат камни за пазухой –
люди нового каменного века.

ПОЧТИ КАК В ПРЕДАНИИ

Когда чудо мне изменило,
верней, чудом измена была,
заблудилась или заблудила, —
я не стал подбирать слова.
Взял я камень.
И, сколько было
силы,
бросить хотел,
но пока
поднималась —
окаменела,
окаменела рука.

СКАЗОЧНОЕ НАЧАЛО

Лишь освоишь а-б-в-г-д-е
и зашагаешь по слогам,
спотыкаясь раз сто,
как назовётся твоя дорога:
*Пойди туда — не знаю куда,
принеси то — не знаю что.*

ПЕРВООСНОВА

Материя жизни телесная
на том соткана станке,
где смерчи стояли кроснами
и солнце, как в челноке,
вплетало в стихию мгlistую,
в пряжу дождей земных
нить луча золотистую.
Гроном скрестило их!

И если мрак вероломный
сумеет тебя окружить
и сердце затмить —
ты вспомни
в себе золотую нить.

ЛЕБЕДИ И ЗМЕИ

Если любите лебедей,
то должны полюбить и змей.

Что такое, собственно, змеи?
Это есть лебединые шеи.

В чистом виде. Их голая сущность.
И скользкая их изящность.

Одинаковость линий и звеньев?
Нет, не только. Равны и в пенье.

Говорите, есть песнь лебединая?
Это миф. Есть – шипенье змеиное.

ЯБЛОНЯ ЦВЕТЁТ

Стояла корявая, стылая,
в нищем кожане рогожном,
и слёзы ветер сушил.

И вдруг светом таким обелилась,
что из ульев им вырвало пчёл
и у них голова закружилась.

ПРИТЧА О СЕБЕ

Поезд был – а я опоздал.
Зазвенело обиды слово:
– Я ждала. И ты это знал.
И дорога была знакома!..

– Разумеется, милая, знал.
И летел. Но, живя влекомом,
не к тебе лишь – но в жизни бросковой
я на ВСЕ поезда опоздал.

* * *

Когда космонавты выходят в открытое пространство,
они с кораблём не очень спешат расстаться.
Привязанность эта, как мир, старинна.
Верёвка, верёвка, да ты ведь им – пуповина!..

ПАРАДОКС

Звуков выверт лукав –
не пойму тугоухо:
мошна не тута,
а с деньгами туго.

НЕВЫДУМАННАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

Если давненько дивного мига
кто не испытывал, – стань и смотри, как

между деревней и городом грань
с рвением стирает стиральный комбайн.

КОКТЕЙЛЬ

Вот союз руки и стакана,
моего дыхания стахановского,
твоего и персидского дивана,
поцелуя и урагана,
непотребства пьяного Пана
и искусства жить
филигранного...

ДЕЛО ДВОИХ

ОБВИНЕНИЕ. Разошлись – не остановить!
ЗАЩИТА. Разошлись во взглядах.
СУД. Разошлись.
ПЕРЕСУДЫ. Разошлись, как в море корабли.

ФОРМУЛА НА СЕГОДНЯ

Если Жизнь записать в виде дроби,
то в Числитель войдут Народы,
заключённые в скобки фигурные
протяжённых границ, похожих
на сплетенье ремней намордных.

И несут все свои знамёна...

И ещё знаменательно тоже
то, что ниже подошв сапожных,
в Знаменателе, – Шар наш сложный.
Он из далей небесных Божьих,
словно бубен, желтеет кожей.
Не цепи крестьянского взмаха,
а снаряды в неё бабахают...

Барабанная дробь. Не больше.

ГЕННЫМ ИНЖЕНЕРАМ

Вот вам заданьице:
сумейте перечехвостить
цепных псов реакции
в декоративных мосек.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

По пыльным дорогам плыли кибитки,
словно улитки, и щёлкал кнут.

В кибитках – народы, битком набиты.
В новые страны везут свой уют.

А в нашу эпоху свои великие
переселенья – из хат в дома.

Дома то что надо – с телефоном, лифтом.
Но в общем-то свайные. Суть такова.

ПРИБОРЫ НАУКИ

Злого инструмента не бывает.
Скальпель остр потому,
что вступил в борьбу
с острым заболеванием.

Или взять микроскоп.
Он хотя лупоок
и весьма близорук
и преувеличивать любит много, –

но ведь он очень добр,
он на нас гнёт свой горб
и так много даёт,
позволяя глядеть нам в оба.

Очень развита в нём
очень многое нам
разрешающая способность.

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

Счастливая жизнь – это когда некогда
состязаться с «Рекордом-ТВ»
(кто кого пересмотрит).

Счастливая жизнь – это когда никак не удаётся
дочитать «Мастера и Маргариту»
(и чертовски повысить свой культурный уровень).

Счастливая жизнь – это когда нет времени
попасть на «Машину времени»
(чей успех воистину шумен).

Счастливая жизнь – это когда нет и в мыслях
ни «Северных Ривьер», ни южных
(нет, не погрязнуть нам в ваннах жемчужных!).

Счастливая жизнь – это когда некогда
жить для себя.

ПАМЯТКА

Чтобы сэкономить пространство,
надо бежать,
бежать черепашей известности.

Помните, бег – это шаг
по сокращённой местности.

А топот крови в висках
топит шорох крадущейся
старости.

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Есть предположение,
что ты тупиковая ветвь.

А как ещё предполагать, скажи,
если мы тебя вытеснили
в недоступные скалы,
в глухие ущелья –
загнали в тупик.

СТАРОСТЬ

Выпадет снег волос.
Улыбка канет в ущелья
морщин.
Выгорят свечи глаз.
И выползут вены, как черви.

БАРОККО

В золото серёжки –
извивание райским змеем:
*Пока молода,
смей –
потом не сумеешь.*

БАТУМИ

Пояс, перехвативший талию
раскрасавицы нашей земли-Гёюшки,
субтропический поясочек
украшен морем цветов.

Тем фантастическим морем,
чьи ежегодные волны
от весны до весны
перекатываются по кустам.
И от голых камней
и вечных снегов
подбираются к нашим сердцам.

Да и море само цветёт –
бутоны медуз,
незабудки светлячков...
Море – тоже море цветов.

ЗООПАРК

В вольерах вольному воля,
но знает нос выхухоля:

в клетках есть аромат –
если клетки горят.

БОГ НАУКИ

Равнодействующая Лебеда, Рака и Щуки –
вот движитель всякой науки.

Верьте векторной диаграмме!
Ёжик сил управляет мирами.

В каждой точке, как в малакуче,
вездесущ этот зверь колючий.

Всё он может... Но что б он ни мог,
а ты встань и полей цветков.

БЕГСТВО КАРИАТИД

Беломраморные женщины Акрополя
красиво, грациозно, безропотно
две тысячи лет поддерживали
портик Эрехтейона,
две тысячи лет выдерживали
климат района,
рушились империи и державы,
а они всё держали,

и вот

их беломраморная кожа
превращается в ржавое крошево –
воздух Афин стал не тот!
Женщины долго решали,
не выдержали и побежали
в климат музейных залов –
Эрехтейон подождёт!

Ведь на худой конечище
музей – неплохое убежище
им, беломраморным женщинам,
чтоб переждать успешно
XX века конец.

ДЕЛОВОЙ СОВЕТ

Пытаясь взвиться выше зорь,
чтоб выше взор нести, как солнце,
хватай за гриву горизонт –
пока этот скакун пасётся.

ОБ ОБЫЧНО НЕЗАМЕЧАЕМОМ

Как ваш отзыв красноречив!
Вспоминая, как вас угощали,
говорите, что ели щи.
Нет, вы лопали хлеб со щами!

ПОЖЕЛАНИЕ ЗЕВАКЕ

Живи феодалом. Замкни челядь, рать.
Сомкни их ряды, где въезд.
Кто челюсть и рот открывает зевать,
тот путь открывает для бед.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГЭС

Что-то вроде кита,
челюсть бетоннолита.

И втекает в неё река гидравлическая,
а вытекает река электрическая.

ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЕ

Нам не лишиться зрения земного.
Двояковыпукл шар наш –
как яблоко глазное.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ

«Исключение» –
клочка чистое истечение,
а «из правил» –
из болотца весьма проржавевшего,
иногда – из породы скальной.

ТРОПА

Лежит заповедная тропка,
скромница неторопкая.
И ждёт –
то ли ей зарости,
то ли кого-нибудь провести.

ЭТАЛОНЫ

Наполнены сердца сферы
эталонами веры.

А единице меры
позволила свить гнездо
единица форм –
человеческий череп.

ФИЗИКА ГАРМОНИИ

Разве есть
хоть один, не хотящий возвыситься
равновесие то,
где кладовая мысли
 кровно связана
с чувств золотыми запасами
 всесекундно
по закону сообщающихся сосудов?

СКОРОПОСТИЖНЫЕ ДИНОЗАВРЫ

Скоропостижные динозавры
были медлительны, плавны,
были величественны, славны.
Золотым их правилом было,
головной установкой слыло:
никогда не поворачивать головы
быстрее, чем висит золотое светило.

И когда динозавры,
эти господа-гиганты замедленного действия,
скоропостижно вымерли,
то оказалось,
что их смерть
чисто динозаврическая –
длилась она
50 тысяч лет.

И тогда появилась на свет
суета сует.

* * *

Люблю, когда песня
плюхается плашмя
на неприступные стены,
и стены стоят.
И осколки песни
с лёгким смешком
прыгают через
игольное ушко.

И устраивают затем перегуды
на органных трубах
капиллярных сосудов.

ДВА НЕБА

Поместив точку зрения
на дно мирового океана,
вы всех, кто плывёт над нею
с ластами и аквалангом,
снизу вы их увидите
рыбьего неба жителями.

И так же в дали зодиаковой,
в плывущих созвездий дюжинах
видим мы Рыб и Рака –
со дна океана воздушного.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ЧАСТИЦЫ

Живут секунду в степени ...надцать.
Друг в дружку любят перевоплощаться.
Умирают, завещая голую энергию,
и – видать, не в порядке нервы –
вечно мечутся, вечно движутся.

Вот на каких кирпичиках
мирозданье зиждется.

ТОПОЛЬ

Хоть кол – голым гол –
ему теши,
но гонит и гонит,
как хиппи,
отростища.

Ещё один,
одержимый неудержимостью,
гонщик.

ПОДРАЖАНИЮ ДОСТОЙНО

Есть зависть во мне к тополинам
кольям, что, вбитые в землю,
приветствуя всен визиты,
зелёные флаги взвивают.

МАСШТАБЫ

У матушки Земли
сейсмический живот.
А у существ –
в корзине рёбер –
цыплёчатый комок.

КРАСОТА

Архитектура Софи Лорен.
Татуировка перфолент.
Размеры.
Соразмерности.
Гармония ералаша.

ЕЩЁ И УЖЕ

«Ещё» – яйцо (таков сюжет),
лежит в «уже» оно пыжом.
Вот снесено оно уже.
И вот уже скользит ужом.

* * *

Нечто вползающее, нечто влетающее,
которое мы принимаем за
мурашек и мошек, козявок изящных
и возмущаемся, –

они сегодня мешают, конечно
(попробуй отмыть лобовое стекло!),
стекло, как бульдозер, по воздуху чешет
и крылья им рвёт, и взмывает легко.

А ведь они не букашки, не мошки,
одной из них даже «божьей души»
имя дано...
Ты, доехав до мойки,
отмоешься ль сам – решить поспеши.

ЗВУКИ

Звуки – дети предметов.
Убегают от родителей.
Проходят сквозь игольное ушко.
Плюхаются.
Возвращаются.
Дети – повсюду дети.

«НО ИГРАТЬ НА МНЕ НЕЛЬЗЯ!...»

Пусть не орган.
Пусть не из труб – из струн
есть человек.
Отзывчив строй струн этих.
И волны звуков с четырёх сторон
пружинят их.
Они звучат в ответ им.

Вы помните, как Гамлет предлагал
считать его любимым из инструментов?..

В ЗООПАРКЕ

Розовощёкий неразлучник
в пернатом царстве где-то есть.
Назвали ж люди! Будто лучше
ему всех птиц живётся здесь.

А он сидит за частой сеткой,
и с той он неразлучен тут,
что рядом с ним, за смежной стенкой,
и *райской вдовушкой* зовут.

ГЕНЕЗИС БОЛОТА

Как много личин
у сомнительного слова «или»!

У интеллигентных мужчин
этим «быть *или* не быть?»
мозг заилен.

ОПРАВДАНИЕ ГАЛИЛЕЯ

Папа римский, впервые после
осуждения Галилея в 1633 году,
признал неправоту Ватикана.

Из газет 1979 г.

Три с половиной века
наместники Бога,
сменяя один другого
на земной карусели,
три с половиной века
всеобщие католики
на ней катались
и лишь тогда догадались,
что она — вращается.

Откровение свыше им было?
Или дядям голову закружило?

ВИНЬЕТКА

Я раскрыл старинную книгу,
в которой грядки букв
окружены виноградной лозой
завитушных линий.
Щёки мечтательных амурчиков.
Округлость ягод и ягодиц.

Вдруг ко мне подошло
живое человеческое дитя,
самостоятельнейший, сам на земле стоятельнейший
и полноправнейший, полный правды, яслёнок,
живая аллегория радости.
Как на трон, уселось мне на колени
и тоже стало смотреть.

ВОДОПЛАВАЮЩИЕ

Медузы – волн бедные узницы.

То ли дело плотки –
плывут в животе у щуки,
как на подводной лодке.

* * *

Смотрю на разных два движенья,
одних – в небесных кораблях,
чьи невесомые паренья
возвысились над лётom птах,
и тех – без просыха от хмеля,
века ползущих на бровях –
упрёком, горем, оскорбленьем –
и думаю:
 земля моя,
ты им, как братьям, равно стелешь
ковры из трав, свои луга,
как мать родная, всех приемлешь,
но им не равно дорога.

НОВАЯ ВЕРА

Как отменили ненужное «ять» –
так возвышается ныне сиять

издалека не «невеста Христа» –
купол силосный. Он без креста.

Голый, как... В общем, стоит он тут,
как возрождённый фаллический культ.

Новая вера – в бург и в гурт.
В плод и в приплод. Вера в твёрдый грунт.

Бог и богатство – корень один,
он – корнеплод буряка и бульбин...

Но так же закруглена и гола
высь телескопная. Их купола.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ

Сотни вер изучив, к ним добавить ещё
я б хотел ту одну, что в себе я прочёл:
*«Не знаю, воскресну каким я червём,
но умру – человеком».*

Вот плачу о чём.

ПРОЗРАЧНЕЕ СЛЁЗ

Нельзя безнаказанно и долго
быть монопольным владельцем восторга –

вот такое однажды, прозрачнее слёз,
ощущенье во мне родилось.

И сказал я любимой об этом.
И услышал слова ответа:

– По мне, нет ничего лучше,
чем стать жертвой счастливого случая!

ЗАПАХИ

Запахи состоят из молекул,
взбудораженных, как мошкара.
Странствуют бесцветными роями.

И у каждого запашёнка –
маленький ключик
от собственной однокомнатной
нюхательной молекулы,
расположенной в носу обоняющем.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Насчёт золота – это преувеличение,
даже если золото бывает листовым.
Нет, осени листья –
пятнисты.
Их запятнали
солнечные зайцы.
Летом это не было видно,
но сегодня – всем очевидно.

ВОРОБЬИНАЯ ИСТИНА

О чём чирикает слишком
ничтожное насекомое Воробьишко,
воровский поскок, серый сюртучишко?

О том чирикает, замухрышный,
что братец родной его, вишь ли,
живёт себе припеваючи,
не ест никогда мякины,
а любит сплошные розы,
а те от него просто осоловели,
и поэты поют их любовям гимны,
им завидует сам Гименей,

и что вообще брат его Соловей –
из семьи воробьиных.

ГИПОТЕЗА О ВСЕЛЕННОЙ

Спрашиваете, почему
(после стычек и драк каких?)
врассыпную – галактики?
Чем им вместе неугоду?

А я так полагаю,
что после разных там сингулярностей
и других временных коммунальных неудобств
вселенная наконец добилась
улучшения жилищных условий.

Погодите, дойдёт до того,
что каждая звезда
потребуется себе отдельную
изолированную галактику.
Вот тогда-то вы ахнете!

ЕЩЁ ГИПОТЕЗА О ВСЕЛЕННОЙ

Звёзды расширяющейся Вселенной –
это, собственно, те же ракеты.
Летят при помощи света.
Он свисает с них,
словно пламенный привет
из пылящего низа
судорожно дрожащей машины,
наострившейся в выси.

И мы видим не сами звёзды,
а хвостов их шерстистые искры.

* * *

Эй, неотразимый,
подойди к зеркалу,
этой напудренной стекляшке,
предмету плоскому и поверхностному,
и ты увидишь,
каков ты на самом деле.

* * *

Лучше один раз увидеть,
чем сто раз услышать...
То сказал очевидец!

Но судить не велите строго
на глядящего в оба ока,
опустившего оба века.

Может быть, он нашего века
ушеслышец!

МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Каждый миг
тысячи тысяч лучей,
из которых соткано моё изображение,
тысячу тысяч изображений
каждый миг
жадно впитываются —

всем, что меня окружает.

ЗАГАР

Вот приближается к нам лето.
К нему мы тоже каждой клеткой
навстречу тянемся устало.

Сближение это — сдвиг немалый.
Оно смещает в нас те спектры,
где ванна ультрафиолета
морей любых синее столь,
что перед ней бледна их соль.
Суть доплеровского эффекта
тогда становится заметна.

Но, очернённые пигментом,
мы возразим на клевету,
что с этим летом мы в ладу —
как головешки, сыты светом.

ДЕРЕВЬЯ

В час рассветный
встают на цыпочки.

Заскорузлой кожей –
навстречу юному светилу.

То замрут изваяньем,
то – веткоплесканья.

МОЛЕКУЛА ДНК

Был сверхсекретным кодовый замок –
тот, что вмонтирован и в мозг, и в мозжечок,
и в сердце, и в печёнку, и в зрачок...

Но подобрать отмычку к нему смог
грабитель тайн природы Фрэнсис Крик.

ЧЕРЕПАШИЙ БОГ

Сижу, читаю.
Вдруг на мой шлѣпанец
заползает Тара –
небольшая домашняя черепаха,
животное на редкость хладнокровное
и исключительно фантастическое,
нечто вроде портативного динозавра.

Мой шлѣпанец
ей кажется скорей всего святым,
ибо он вечно тёпл
и иногда шевелит перстом божьим,
есть в нём и нечто всемогущее...

Точно так же галки и воробьи
верят в огородное чучело.

СВИНЬЯ

Свинья – это биомашина,
нос – розеткою, хвост – пружинка.
Перечавкает тонну сыря
(хоть сырого, а хоть варёного) –
и пожалуйста вам, друзья,
всё, что очень полезно влюблённым.

СВЕТОВОЙ ГОД

Время, равное расстоянию,
и лученок, который летит,
прорвав юбку родившей туманности,
с неба прыг – и в зрачке сидит.

ЗАСТОЛЬНЫЙ ДУЭТ

Уместно там соединять
стаккато и бельканто,
где губы красные летят
к прекрасному стаканто!

ПОСЛЕДНИЙ СТУК

Кому принадлежит последний стук
живого сердца, что остановилось?
И внемет ли ему далёкий слух
звезды – той самой, под которой вдруг
оно впервые некогда забилося?

Нет, глух тот слух. Ведь звуков вещество,
окутав нас, к звезде не оторвётся.
Колеблясь, оно воздухом зовётся –
той атмосферою, в которой нам всего
естественней пока ещё живётся
и дышится пока ещё легко...

Тот стук, последний, в ней лишь отзовётся.

ВОЗДУШНЫЙ СТОЛБ

Все мы столпники.
Только наш столп
касается не стоп,
а повис с небес.
И каждый
и – несёт свой крест,
и – несёт свой столб.

СОВПАЛИ

Однажды, когда по нашим телам
прокатилась волна любви,
мы подумали одновременно:
хорошо б умереть нам одновременно.

О СОСТОЯНИЯХ

Если есть состояние –
оно приличное.

Если нет состояния –
оно жалкое.

Почему оно жалкое?
Потому что его влачат.

СЕКРЕТ ВЗАИМНОСТИ

Жёны – это исчадия ада,
вместилища мерзостей, чёртвов сосуд.
Неуд им этот влепил когда-то
собою удовлетворявшийся уд.

Мы, равенство славя, решили мудро:
вмещаешь иное – дай и другим.
Муж и жена – сообщающиеся сосуды,
а что сообщают – оставим им.

* * *

Влажность одной слезы горькой
относительно мирового океана
горя и скорби –
чаши несметной –
какой стрелкой ни измеряй,
а равняется ста процентам.

РИГА

В Домском играет орган.
Музыке сотни лет.
Некто, звать Иоганн,
зафуговал концерт.

Тот, кто играет там,
труб не считает, нет –
сколькоступенчат храм,
силится дать ответ.

В стрельчатых сгибах рам
звуки дрожат, как свет.
Здесь демонстрируют нам
готику гула ракет.

СИНОНИМЫ

- «*Ошеломить*» – по шлему оглушить...
- Не «оглушить», а «*озвенеть*», пожалуй...
- Но чтоб ошеломить, *врасплохнуть* надо ведь...
- Наверное, сказать ты хочешь «*овнезапить*»?..

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Пусть не покажется вам странным, что сужу
в конечном счёте точно так же, как и шашель, –
хоть раз но видим, но одно скажу:
любое дерево прекрасней Эрмитажа.

ШАХМАТНЫЙ СОН

Белые и чёрные
сначала послушно выполняли
мою волю
и волю моего противника,
подчиняясь строгому правилу
«взялся — ходи»,
а потом, смотрю,
не успели мы взяться,
они сами стали сражаться,
взяли и пошли.
Мы им не были больше нужны.

НЕЧТО ВРОДЕ ШУТКИ

- Позвоните завтра, в это же время.
- Не смогу.

- Почему? Вы будете заняты чем-то?
- Занят? Вряд ли. Не потому.

- Тогда что же? Вас не будет, быть может?
- У вас вид какой-то нездешний...

- Быть — надеюсь. И время будет.
- Но, увы, оно будет не «это же».

ШАХТЫ

Шахты — чёрные дыры Земли.
В мраке угольном залегли.

В тяжести антрацита —
света сжатые концентраты.

Много судеб вобрали они.
И не отпускают
моё сердце.

РАЗМЕР МИРА

Везде дали.
Везде небо.
Везде погода.

* * *

Раньше так: немного подружат
недруг с недругом, друг – с другом.
Вдруг найдёт – колошматят, утюжат
(получай, мол, друг, по заслугам!)
и дубасят, метелят, мордуют...
А потом заключат мировую.

Заклучат ли когда мировую –
очередную –
в клетку
и замуруют?

ПРОСТРАНСТВО

Престранно оно.
Напихано
запыхавшимися
молекулами —
всегда молодыми,
влюблёнными
в локоть соседа.

РАННЕЕ УТРО

Хочет кто или не хочет,
наступает просветленье
жаркой черномясой ночи,
бывшей бешеной
и сочной.

И на траве блестят не росы —
её серебряные слёзы.

ПТИЦЫ

Летят голоса.
Они обёрнуты в обертоны.

Остаются перья.
Они обёрнуты в тишину.

* * *

Имеют возможность созвучья петься,
рифмы – звенеть, стыковаться – орбиты, –
потому,
что первому сердцу
на Земле, его стуку
ответ был:
«Войдите!»

THE

«Кукареку!» – прокричала гласная,
и задвигался белый свет,
в том числе щиплящее и несогласное,
длиннннннннннннншпппшппшппшппшЕЕЕ,
которое переварить
может лишь змЕЕЕд.

ШАГИ К МИРУ

*«Закончился очередной раунд
предварительных переговоров
по поводу предстоящих переговоров
относительно будущих переговоров...» —*

соревнование это длится так долго потому, что не понять, кто кого переговорил, а число раундов не ограничено оттого, что это же не мордобойный бокс и здесь не могут быть оскорблены гуманные чувства зрителей.

ЧЁРНЫЙ КОФЕ

Из всех ворожб верь больше ты
гаданию на кофейной гуще,
разглядывай своё грядущее,
лишь видя горные хребты
в коричневом узоре складок,
что выпали на дно в осадок
из океана дымной мглы,
своё решение прежде взвесив
в её настое мрачном, тесном,
и здесь ту тяжесть обрели,
что позже в твердь войдёт скалы.

ГОВОРIT ХИППИ

«Раз дали льготы нам на свет родиться,
вольготно дайте нам пожить, повеселиться.
Что не бомбили нас – в том нашей нет вины.
Мы – ветераны будущей войны!...»

ТВЁРДЫЙ КУРС

Вещью в себе
я назвал бы грош
(копейка по нашим временам) –
не боится реформ,
не разменивается по мелочам.

МАРСИАНСКИЙ ПРОГРЕСС

«Стрелять» – стрелу пускать,
а «Пли!» – давай пали
фитиль, что вдет в мушкет.
Летят, летят, летят:
а) пули – стрелы вращающиеся
... оперение – завихрения...
б) самолёты – стрелы пикирующие
... геометрия изменяется...
в) ракеты – стрелы самонаводящиеся
... исчезают оперения и гео...

ЛУНА

Была – луна.
А теперь – валун.
Образование точно не установлено,
но неотёсанность такова,
что не имеет представления даже
о лишениях лишайников.

ЛУНОЛИКАЯ

Та Луна, что обильно снабжает нас
приливами и отливами,
качая Земли колыбельку,
ловит зеркальцем солнечных зайцев
и наводит на грешные мысли,
и наводит небесные глянца
на взгляды,
та Луна отличается – не от мира сего! –
ярким непостоянством.

МУЗЫКА СФЕР

Эта полночь почти как на Чёрном море,
когда в воды его входят юных двое.

Омывая пространство волной звуковой,
льётся музыка сфер. Ритуал вековой.

На волне этой лодкой качается месяц,
и лучи, точно вёсла упавшие, светят.

Рядом звёзд светляки проплывают, мерцают,
погружаясь и снова из мглы проступая.

Хоть лопатой греби – их не станет меньше.
Ночь густа и черна и, конечно, кромешна.

Бесконечная мгла! Красота и величие.
Растворяться, плыви. Будь и сам безграничным.

КУМИРЫ

Какого б вы Бога ни делали –
Deo ex machina
или Бога из «Машины времени», –
вы машинально рады
привязать свои вольные взгляды
к правильнойшей (на ваш взгляд!)
системе координат.

ДРЕВНИЕ МУДРЕЦЫ

Какая польза нам от древних мудрецов?
А польза та от мраморных их лбов,
что если стукнуть друг о дружку монументы,
то искры высыпят – и нам добавят света.

От искренней искристости его
тогда хотя бы на мгновенье станет
на настоящего неясном полустанке,
как в светлом будущем, светло.

КУКУШКА

Обезработчена вещунья.
Компьютерства шаг всё наглей.
И только то осталось ей,
что, май оставив и детей
подбросив, кочевать летально
в иные дали.

* * *

Мисс Вселенная захотела однажды
осмыслить себя,
посмотреть на себя со стороны,
а зеркальца не было.
Тогда она
выбрала звёздный час
и сотворила человечество –
то самое, которое, как говорят,
само собой разумеется.

* * *

Как, казалось бы, просто:
на пшене – этикетка «rgoso»,
да и «Рига» – по-русски звучит.

Но один тёмнокрасный Домский
излучает столько вопросов –
разговорник их не вместит.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Я верю в такую нелепость:
«ребёнок» – от слова «ребус»,
а «ребус» – большой ребёнок
(«ус» – чтоб отличать от девчонок).

НЕСКОЛЬКО ПРИВЫЧНЫХ МЕТАФОР

Река жизни.
Русло устремлений.
Берега возможностей.
Волны времени.
Пена повседневности.
Глубина непознанного.
И рыболовные крючки вопросов.

ИКОНО-КАРТО-ГРАФИЧЕСКОЕ

Миссисипи с Миссури,
Обь с Иртышом –
свои крови сомкнули
и текут нагишом.

А ещё в сибирях расейских
я б отметил –
с учётом «взыграний младенца»
и впадания Бога в детство –
Ангару с Енисеем.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Он искал своё счастье,
истоптал сотню подошв
и в конце концов нашёл,
что оно прошло мимо.

ТОЧНЫЙ ПРИБОР

Отвес слёз
измеряет
в судьбе перекося.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ БУКВОЕДАМ

Тот, кто будет много читать,
станет буквами какать.
Ой, как «Ж» начнёт там цеплять
всеми своими лапами!

МАЙ

Величайший из меценатов
живописных картин,
слов пернато-крылатых.

ЛЕТО

Когда нас удивляет лето,
тогда вдруг по его бокам
становятся две буквы К.
И помидорные атлеты
стремятся от напора К-лето-К
отбиться круглым животом,
как красным кожаным щитом.

НАСЕКОМЫЕ

Стопроцентная нечисть,
приговорённая к жизни,
как к высшей мере наказания,
промахнувшимся Богом.

ПРОТОСОЛНЦЕ

Камни, рыбы, цветы,
губы, ливни, краса
мира, где я и ты
пялим на всё глаза, —

всё в глубине звезды
было давным-давно
жарко зачато и
в корчах недр рождено,

чрево это — одно,
одна у сущего мать...
Эх, научить бы всё
до одного считать!

МУЗЫКА

Один — бах! — мимо.
Другой — Бах — в сердце.
Да здравствует первое «мимо»!
Виват поражённое сердце!

...Тот, первый, потому, может, мимо,
что не встретилось сердце.

НОСТАЛЬГИЯ

Яблоко от яблони катится не дальше тени.
Луною катится земной прилив.
Приливы нежности. Ветвь всемирного тяготения.
Богородица Умиление. И как яблоко — нимб.

МИРОВОЙ ОКЕАН

Откуда имя Океан?
Не от Оки ль, реки широкой?
Пожалуй, нет. И лучше нам
другое слово взять из мокрых,
масштаб блюда тот, где Земля —
миров космическое Око.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Млечный он ночью,
а днём – простоквашный.
Жевали, жуют и будут жевать,
но всё равно – ненасытно.

НЕЙТРИНО

Проходимец вселенских масштабов,
неуловимейший до сих пор,
погоды же,
на цепь электрическую посадит
тебя Интергалактикпол.

РАССКАЗ ТУРИСТА

Ездили по Суздалям и Свеням¹,
получили массу впечатлений.
Помню, перед Ярым Оком Спаса
съел сначала бутерброд я с маслом,
а потом достал батон колбасный
и батон простой – пшеничный, ясно,
потом помню отварное мясо,
семь котлет, курёнка, термос кваса...
Ну, ещё, конечно, были сласти –
потчевал себя всем, чем запаса.
Да, чуть было фрукты не забыл я,
было витаминов изобилие...

Одним словом, впечатлений масса,
тянет масса килограммов на сто.
Что за Свень?
Ну, Свень – от слова свиньи...

¹ *Свень* – местечко под Брянском, в котором находился Свенский монастырь, в прошлом очень известный, в частности тем, что его посетил Пётр I и влюбился там в одну монашку. Раньше это место называлось Свинью, по имени протекающей здесь узкой и очень извилистой речушки, русло которой будто прорыто свиньями (так объясняет происхождение названия легенда). Впоследствии, с основанием монастыря, для благозвучия название несколько изменили.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Всякая первая любовь –
вспышка сверхновой.

Перед светом её
расступается межзвёздность,
А сгустки тьмы, помрачнев,
укрываются в чёрных дырах.

ПЯТНА НА СОЛНЦЕ

Есть пятна Солнца на Земле,
их имя – солнечные зайцы.
Но – «и на Солнце пятна есть».
То не посланцы ль
Мадагаскара и Филей –
земные зайцы?

ОКЕАН

Вот уж сколько веков
цистернами облаков
повышенного тоннажа
перевозят на сушу.
Но никак не осушат.
Неисчерпаем, как атом.

* * *

Воробьиная лётная серость
расширилась на оседлость.
А оседлость подвешена к звёздам
за ничто, а точнее, за воздух.

ПТЕРОДАКТИЛЬ

Первый,
кто положил на лопатки грех –
груз несдержанных крыльев,
наиболее сверхтяжёлый груз.

ОСАДОЧНЫЕ ПОРОДЫ

Однажды на Земле
выпали обильные осадки.
Произошло это в детстве раннем,
когда Земля была океаном.

И так как под океаном
не бывает дождей,
осадки были камнями.
И шли они толщу дней.

ПОДРАЖАНИЕ ДИВУ

Самолёт так стремится походить на птицу,
что следовало бы говорить «полетать на птицу».

А когда поднимается в небо —
прячет в пузо круглое шасси,
оно так не похоже на ноги,
на — как веточки — хрупкие лапки.

ОГРАБЛЕНИЕ ГРАБЛЯМИ

Я не против субботников
и не против благоустройств,
но, работая мётлами,
выметая заботливо
то нетленность пакетов,
то килькину кость,
выгребая из трав и тропок
горы склянок, окурков, пробок,
мы для далёких грядущих
кисточек, кропотливо метущих,
и для просеивающих решёт
оказываем не лучшую из забот —

*мы добровольно сами
с музыкой духовой
ограбляем граблями*

НАШ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ.

ШКОЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ

Земля перед Солнцем –
что коноплянка перед тыквой.
Та же сплюснутость и обкатанность
и на зелёном коричневатость,
дым плывущих материков –
перед
ясным осознанием достоинств
и внутренней полнотой
пуза, полного ими.

Полнота необманчива, живородяща.
Полное соответствие
теории панспермии.

УКАЗЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ

Дабы мужам иметь
везенье в рыбоуженье,
повелеваю возвесть
очистные сооруженья
в:
а. Чёрной Грязи
б. районе Тушина
в. Владимире-на-Клязьме
г. Писареве-на-Пушкина.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ

У меня – Отечество,
у монахов – отчужденство,
а у Миниха – нет отчества.
В приумножение славы российской
на кошт казённый зачислить
всякого, воспринявшего истинно:
латинянина – православие,
православного – инакомыслие.

ЗОДЧЕСКИЙ

На Невской перспективе
и протчих линиях
дома курчавить на манер барокко,
как то в европейских краях.

Ослушников же строптивых
за срамство «а-ля коробка»
нещадно бить батогами
и в оных селить стенах,
сих скаред, –
коль котелок их не варит.

М И Н И А Т Ю Р Ы

* * *

Как хороши за мной
ветры, благим насыщенные:
«Ещё – состав основной,
ещё – направлений тысячи!»

* * *

Когда глаза открывала,
в них находил я тотчас
западное и восточное полушария
и глыбы материков.

* * *

Наши песенки ещё не очень спеты!
Убедиться можно в том воочью.
Глядя в уши, иглотерапевты
видят в них все наши многоточья.

* * *

Бывает невесомо тело –
когда душа в нём отлетела.
И, ограничен ли в гранит
иль в бронзу вечную отлит,
но прах, как пух, с Землёй летит.

* * *

Старых песен волшебное слово,
где зовётся возлюбленная:
и «*кручинушка*», и «*зазноба*»,
и она же «*отрада*» моя.

* * *

Пришёл в собор,
пришёл в восторг.
Пришёл к чему?
Пришёл в себя.

* * *

Когда, когда, когда
вы радостны и радужны –
вы отщепенцы разума,
сердца, сердца, сердца.

* * *

Наждак Земли горяч.
Вращение прижав,
Марс точит меч-булат.
Искр метеорный скач.

* * *

Энергия сердца святая
от прочих разнится тем,
что тратам её отвечает
стократный запас затем.

* * *

Сквозь времени непокой,
чьи тики всё так искажают,
я б двигался по прямой –
Земли кривизна мешает.

* * *

Настанет час – стекольщик
достанет свой алмаз
и застеклит мне очи,
и холодом обдаст.

НАДПИСИ

... НА ВЕТРЕ

Я дую, дую, дую
туда, где меня нету,
но, видимо, впустую:
везде я есть на свете.

... НА УСТАХ КРАСАВИЦЫ

Написано помадой так
на этом сладком месте:
«Как много крови на устах!»
А также кровь в подтексте.

... ЕЩЁ НА ВЕТРЕ

Если верить твоей молве,
был везде ты, всё видел на свете.
Всё равно у тебя в голове –
ветер.

... НА СНАХ

Свойство то прекрасно у вас,
что не в телеке вы, а в темени.
Всё возможно проспать подчас,
но нельзя проспать сновидений.

... НА СОЛНЦЕ

Активности год?
Пути не с огнём.
Ишь, покатило лавой!
А то за проделки тебя мы возьмём
и в угол Вселенной поставим!

... НА ВОДЕ

Если ты водопой,
то, пожалуйста, пой.
Пой журчащей водой,
пока я тебя пей.

... НА МЫЛЬНОМ ПУЗЫРЕ

Пусть думают, что ты пустяк
и сотворён забавы ради.
«Как дивен мир – и хрупок как!» –
вот на тебе что написать бы.

... НА ПЧЕЛЕ

Мы желаем тебе, пчела,
чтоб была ты сплошная хвала,
чтобы всё в тебе было жВалом
и чтоб «В»-буква не выпадала.

... НА СОЛНЕЧНОМ ЗАЙЦЕ

Пока ещё на свете есть
и ты и я, опасно
нам нишкнуть.
Прыгай, куролесь
и мне в глаза бросайся!

... НА КОМАРЕ

Прожить всего сутки на свете чтоб,
мог и совсем не есть бы.
За длинный свой нос награждаешься
– хлоп! –
орденом Мокрого Места.

... НА ТЕПЛОВОЗЕ

Не тем чудесен тепловоз,
что вас он вовремя привёз,
а тем, что тёпл в любой мороз
и что тепла в нём – целый воз.

... НА ЗМЕЕ

Замри, змея, пока пишу,
и не тяни рогатку жала,
ведь кто ты – ясно и ежу,
а ёж на змей не пишет жалоб.

... НА ЕЖЕ

Это тот, чьи лапки нежны,
всегда голы, чисты и смешны.
Но кому-то нужны небылицы
про ежовые рукавицы.

НЕПРИЛИЧНЫЕ НАДПИСИ

ЛЕНИН

Какая глыба!
Архилоб!
Неисчерпаемый на вид.
...На мозг взглянули в микроскоп –
он сер.
И известью забит.

СТАЛИН

Он был действительно стальным.
Казалось, нержавейка.
Я монумент отнёс в утиль
и заимел копейку.

НАПОЛЕОН

Пинок. Другой. И заскрипел,
вращаясь, мир. Вокруг тебя.
Вращался мир. И вот теперь
ты – ось могильного червя.

ГИТЛЕР

Благодарно ему человечество
за то, что потомков нету,
за то, что Еву любить было нечем,
за то, что был импотентом.

НЕРОН

Убил горячо любимую мать,
и врач, осмотрев её тщательно,
нашёл: эту смерть надо так понимать –
порочное было зачатие.

ШВЕЙК

Идиотизм бесстрашный твой
заветное постиг:
как быть в наш век самим собой
и задницу блюсти.

ОСТАП БЕНДЕР

Парады его в мой стих
не прут.
Но достойна поклона
улыбка, что смог нести
он после и до «миллиона».

НАДПИСЬ НА ЛАРЦЕ МОЛОДОЖЁНАМ

Не держит пусть над вами плена
сапфиров клад и жемчугов.
Пусть станут общими измены –
ларь их навеки скрыть готов.

АЛЬПИНИСТ

Паук ненасытный, слюнки текут,
нить из себя выпускает,
цепляться за плоскость умеет жуть,
сорвавшись, не кает...

АДАМ И ЕВА

Единственные, в ком
не сомневаемся ни на йоту,
что не носили рогов.
Ну так они ж не животные!

ВРАЧ Н.

Лечил ухо-горло-нос,
был спец по части отверстий.
Рекордно же удалось
лечить от девичьей чести.

ДОН ЖУАН

(НАДПИСЬ НА ПАМЯТНИКЕ)

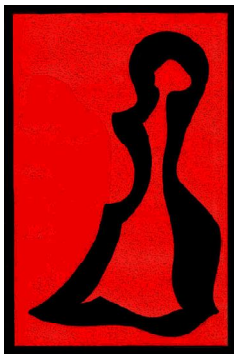
Он был частично неустойчив,
частично стоек. Часто очень
он устоять не мог – и вот
он весь стоит, и весь он твёрд.

КРАСОТКА

Не прячь ты свой мгновенный взгляд –
с меня, мол, парни, взятки гладки.
Ведь твой цветущий нагло зад
давно уж не играет в прятки.

ЕЩЁ КРАСОТКА

Порой глаза (о, их лазурь!)
жерлам убийственным подобны.
Но жутче пара амбразур,
припрятанных в сугробе ж...

РАЗГОВОР С БАБУШКОЙ

– Я уже старенькая, не могу... –
говорила бабушка про свои дела.
Развязала внучка алый бантик губ:
– А когда новенькая была, могла?

ЗИМНИЙ ЭПИЗОД

Гололёд тем не лучше, что гол среди дня.
Мы ступаем по голому льду.
– Папа, ближе иди
и держись за меня,
а то упаду!

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Счастливо наблюдая стрелок ход
и возбуждением томясь отрадным,
вдруг в полдень выдала такое вот:
– Уже Седьмое с половиной Марта!

СЛУЧАЙ ВО ДВОРЕ

Мальчик у дома ко мне шагнул:
– Дядя, времени сколько?
– Времени – час, – я ответил ему.
– Час... А два скоро?

ДИТЯ ВЕКА

Едем полями – мимо
ржи, летящей неудержимо.
– Дочь, что такое нива?
– Нива? Такая машина...

ГОРЕ ЛУКОВОЕ

С луком дела у нас слёзные,
не нравится девочке лук.
– Настя, в нём столько пользы!
– Ты мне больше не друг!..

СВЕРХДОГАДЛИВОСТЬ

Раз вареньем из роз лепестков
угощаю и жду умиления.
– Дяденька, вы сварили его
из пакетов полиэтиленовых?

ВОЗМУЩЕНИЕ

Раз случилось такое: сок был очень хорош.
Но осталось – на дне. Но горит апельсиново.
Наливаю гостям. Дочь: «Куда ты льёшь?
Ведь сок... не резиновый!»

ВОВРЕМЯ СКАЗАНО

– Давай вставай! Воспрянь! Подъём!
Не то мы вас сейчас побьём!.. –
так я будил.

Ответ был тут:

– Лежачих, папочка, не бьют!

ПЕРЕСТАРАЛАСЬ

Настя дневник наблюдений ведёт.
– Папа, какая сегодня погода?
– 4 тепла. Дрожь по коже идёт.
– Тепло записала. А сколько холода?

ДВА ОТВЕТА

На вопрос мой обычный самый:
«Висит груша – нельзя не скушать», –
так ответила мама: «Лампочка»,
так ответила дочка: «Груша».

НАДО УТОЧНИТЬ

– Яблоко от яблони не далёко катится, –
излагаю мудрости ей неукротимо.
Был вопрос букахи уточненьем разницы:
– А далёко ль катится груша от грушини?

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

– Насть, мороженое подогрела бы –
гланды вдруг разозлишь, паче чаянья!
– Вот всегда ты так... Я ещё не доела,
а уже – твои замечания!

О ВРЕДЕ КУРЕНИЯ

– Капля никотину лошадь убивает, –
говорила бабка двум гривастым дурням.
И спросила внучка, недоумевая:
– А разве лошади курят?

СПИ С БОГОМ

– Ну, спи с богом, – я ей сказал.
Отвечала с упрямством немалым:
– Лучше сам бы ты с Богом спал,
а я – с мамой!

КАК МЫ ЛЕЧИМСЯ

Ребёнок терпел и терпел,
ни слёз, ни росинки лишней,
но есть ведь всему предел:
– Выключи, папа, горчичник!..

ВОЗРАСТ ПРЕДКОВ

Я машину чинил. С танком вдруг подошёл
ко мне зритель малолитражный
и – в беседе о папе: «Уже пожилой.
Двадцать пять. На день больше даже».

ЕЁ ВЕЧНОСТЬ

Заявила в моментик некий:
– Ты навеки мне больше не друг!..
Я засек, сколько длятся «навски»,
оказалось – 9 минут.

ЗОНТИК

Папа склонился над дочкой больной,
сидит озабоченно, держит газету.
– Папа, ну что ты, как зонт, надо мной,
дождя ведь в комнате нету!

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Средь денька необычно льготного
мне вопросец был вроде подарка:
– А у птичек-самок сегодня
тоже 8 Марта?

ПРЕУСПЕЛА

После первой четверти прибежала дочь
зарумяненной больше обычного
и на взгляд отцовский (как и что?):
– Папа! Меня выбрали в отличницы!

КОГДА МЫСЛЬ НЕ ДРЕМЛЕТ

Есть у Насти привычка – проснувшись, лежать.
– Не пора ли вспорхнуть, мое пёрышко славное?
– Папа, дай мне подумать, с какой ноги встать –
с левой или с правой?

САМА С СОБОЙ

УТРОМ

– Что ж ты, птичка моя, не встаёшь,
петь пора, да и ждёт кормушка...
– Меня держит и встать не даёт
моя шёлковая подушка!

– Па, я в шашки семнадцать раз
победила тебя – ты ни разу!
– Но когда? Ведь я не играл!
– Пока ты с работы опаздывал!

КОГДА МАМА ДЕЖУРИТ

ПРИМЕТА

На столе у Насти хлев невероятный
оттого, что Настя друг природы ведь:
в час, когда Настасья наведёт порядок,
сдохнет моментально где-нибудь медведь.

Насте в школу – Настя мрачнеет:
кто косу заплетёт красавице?
– А ты что же, сама не умеешь?
– Я умею, да не получается...

ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО

Блюдец. Ложка. Клубника лесная.
Натюрморт из удачных самых.
– Что ж ты хмуришься?
– Я не знаю,
как нарисовать запах...

ВОПРОС ДАРВИНУ

Говорим об Африке, племенах таинственных,
о лопате Лики, миллионах лет.
– А скажи мне, папа, когда появился
первый чёрный негр на белый свет?

НЕ ПРОВЕДЁШЬ

– Насть, не чисти картошку. Поставь в мундирах.

Хлопот ноль, и целей витамин!..

– Нет уж. Ждёшь, чтоб освободилась, –
чтоб занять чем-нибудь другим!..

СЛУЧАЙ С ВАЗОЙ

Если звон и осколки, то чья вина –
не ищите среди девочек милых:

– Па, ей-богу, она сама –
из рук выпала и разбилась...

ЛЮБИМОЕ БЛЮДО

Дайте Настеньке блин – она съест его

с мёдом, с маслом – со сливочным, с постным, –

со сметаной, с вареньем... Ну а ещё

с удовольствием!

СРАВНИЛА

С дарами природы и рынка
я сумки собрался нести,

и девочка проговорила:

– Ты, папа, похож на весы!..

ПРОВЕРКА ТЕТРАДЕЙ

Открывая тетрадь с любого конца,
заодно чудесам открываю счёт.

– Что ты ищешь? Учительница
все ошибки сама найдет!

ПРЕЛЕСТЬ ЧТЕНИЯ

– ...вот Андрий, сын Тараса,
кудри видит... Тарас его хватъ!

– Папа, папочка! Не рассказывай!
Не интересно будет читать!

ПОПРАВКА

– Как давно не был я холостым!..

– Как давно?

– Как свёл с мамой жребий.

– А до этого?

– Был я им!

– Значит, был... А жалеешь – «не был».

ЗАМЕЧАНИЕ

Едут двое мальчиков. Один замер. Он
онемел от зрелища дядей необычных.
А другой, постарше, вдруг на весь вагон:
– Не смотри на негров! Это неприлично!

ВЫСОКИЙ ОТЗЫВ

Чему только учат в школе!
Пришла. Суп налил я девчонке.
– Ну как, угощеньем довольна?
– Супина, – ответила, – чёткий.

НАСТИНА ПРОСЬБА

Мне пришло письмо из братского Брно,
мне прислал его один братский друг.
– Ой, конвертик какой! Па, прошу одно:
можно, эту марку я себе подарю?

СЕБЯ ОБХИТРИЛА

Я у дочери хитрость встретил:
она очень не любит спать,
но стремится заснуть побыстрее –
чтоб как можно быстрее встать.

ПОМЕШАЛИ

Упрекала мать малыша:
– Твоим хныкам не видно конца!
И ответил малыш: – Не мешай,
если хнычется – надо выхныкаться!

УРОК ПРАВОПИСАНИЯ

– Объясни мне слово «корова» –
почему здесь «о» не одно?
– Потому, что в слове «ворона»,
как два ока, тоже два «о»!

ПРЕДПОЧТЕНИЕ

Однажды жигуль наш зарылся по пузо
в грязи смоленские, бывшие снега.
Настя вздохнула: – Лучше б уж музыкой
я занималась, чем так ехать!

ПРИСНИЛСЯ КОНЬ

Мне однажды приснился конь.
Дочь сказала: «Конь не приснился.
Может ржать и брыкаться он,
а приснить –
сам его ты приснил себе!»

ЯСНОВИДЕНИЕ

Когда, заржав, жеребец
взметнулся на круп кобылий,
был девочкин взгляд образец:
– Лошадки, видать, цирковые!..

ЗНАКОМАЯ МЕЛОДИЯ

Прошли километров несколько.
Отучил от плечей её вроде,
но запела певичка песенку:
– А ноги не ходят...
А ноги не ходят...

О БОЛОТЕ

Говорим о прелести мест,
где лягушки в водах полутонут.
– Папа, как это им не надоест –
всю жизнь утопать в бульоне!

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ

Мама больна. Маме очень плохо.
– Ты умрёшь?
– Нет, ну что ты, умру не сейчас...
Стала возле подушки. Вздохнула глубоко:
– Я умру тогда десять раз!

МЕТОД И РЕЗУЛЬТАТ

Любит девочка эта познать
что есть что – дайте в руки только.
Крутит, вертит, играет – глядь:
состоит оно... из осколков.

ОБЪЯСНЕНИЕ

В Пятовске¹, у бабушки, как в сирени пряталась, –
после лета красного был рассказ душевный.
И вопрос был Катин: «А где этот Пятовск?»
И ответ был Настин: «Пятовск? В деревне».

¹ *Пятовск* - село в Стародубье на Брянщине, родина автора.

ПОЖАЛЕЛ

Мальчик Серёжа такими словами
выразил к маме любовь свою:

– Мама! Не плачь! Когда вырасту, мама,
я на тебе женюсь!

ЕЁ ПЕРНАТЫЕ

Шёл разговор о птицах.

Был ответ на вопросы мои:

– Снегири? Это... красные синицы.

– А синицы?

– ...зелёные воробыи!

КАК НАСТЯ ЕХАЛА

– До Вязьмы нас вёз паровоз

обычный, каких большое количество.

В Вязьме взяли перецепили – и дальше повёз

паровоз электрический!

ГОВОРИМ О МИКРОБАХ

– При глубоком дыхании, факт,
отдают они Богу душу...

– Интересная смерть. Но как
их заставить дышать глубже?

НАСТИНО ПОУЧЕНИЕ

– Ты мыл руки перед едой? –

раз спросила Настя Серёжу.

Тот: «Зачем?» А она со всей прямоотой:

– Чтобы не испачкать ложку!

ГУБА НЕ ДУРА

Я сказал ей: «Жена – половина,
мною лично любимая очень.

А ты больше кого полюбила?»

– А какая половина больше?

ОЧЕНЬ ПРОСТО

– Вот даны дуб и ель. Иль сосна.

Каким образом их различить ты?

– Так у них же разный состав:

ель из игл состоит, дуб – из листьев!

ВЫХОД НАЙДЕН

Бабушка с внучкой в гости спешат.
Вот дом и подъезд. Но – «Лифт не работает».
Двадцатый этаж. Хоть вертайся назад.
– Ба, ну и что, ведь ступеньки работают!

КУХОННАЯ ИСТОРИЯ

Мы очень любим яйца всмятку.
Но получилась передержка.
– Сварил ты яйца всухомятку.
Сам ешь-ка!

ЕЁ «НЕОТЛОЖКА»

– Ох, и сон мне приснился! Плыла я, плыла
и, где берег, забыла. Куда мне плыть?
Вдруг идея: я трубку сняла
и решила тебе позвонить.

ЗИМОЙ И ЛЕТОМ

Нет раздетее девочки этой!
– Потеплее оденься, слышишь!
– Нет, не слышу пока. Пока лето,
сам иди становись на лыжи!..

ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА, В ЧЕТВЕРГ

Ливень был. Чёрным соком дождя
потолок мой набух неслышанно.
Но утешила дядю дитя:
– Ничего, па. До свадьбы высохнет.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Дед надевает галифе.
Но есть в прославленном роду
кому спросить: «Ты офигел?
зачем ты, дед, штаны надул?»

КЕМ БУДЕШЬ?

Настя мечту заветную самую
как-то явила в момент прелестный:
– Я, когда вырасту, выйду замуж
и стану невестой!

НАСТИНА ЗАГАДКА

«Сладкий, но не микроб», –
мне загадку придумала девочка.
– Столб, – сказал я от делать нечего.
– Да не столб, а сахар-песок!

ПЕРСПЕКТИВА

Говорю ей: «Достигнем уровня –
в каждом доме будет метро!»
Согласилась. Потом, подумав:
– Только мы вот... не доживём!

Рис. Анастасии Шерстюк

ВРЕМЕНА ГОДА

ПОЭМА ЭТЮДОВ

1. ЛЕТО

Пока

сады любили и качали
пузатых деток на густых руках,
играли рыбы, зрели помидоры,
как жареные луны на зубах,
вникали лошади ноздрями и нутрами
в курчавость дыма и в крылатый лай;

пока

кошачьи язычки хлестали
могучую тягучесть молока,
кастет цеховой, грохот китобойный
лупил полулюдей, полубогов,
давились рельсы каторжным составом,
в проглот летели уханье и свист;

пока

елозилась русалка с чародеем,
дубящим был для чешуи износ,
в пыли галдели непонятные цыгане,
лечила цыпки жаркая моча,
травились смогом горы монументов,
мельчая, сыпался неистовый гранит;

пока

потели масляными пятнами
консервы в цирках оловянных стен,
плыл и дрожал за собственное место
в чужой тарелке бедный холодец,
просили лапками убитые лягушки
обвала неподвижным облакам, —

всё это разукрашенное время,
всё это карнавальнейшее время

висел Он над землёю в центре света,
висел Он невесомо, поднебесно,

замедленно, тихонько, постепенно
всходил загар зарёй на мои веки,

топор пожарный, красный, обугренный
был занесён над лозунгом «НЕ СМЕТЬ!».

2. БАБЬЕ ЛЕТО

По красной бруснике – ветер,
по загоревшей – ветер,
по яголке спелой – ветер,
по самому соку – ветер,
с гитарою и с похмеля,
с приветом и с фонарями,
прозрачно, победоносно
скользит нараспашку – ветер.

Вращая хвостами речку,
подводные рыбы тонут.
Тонут, плеща, эскадрильи
в седьмом посиневшем небе.

Прохладные ящерицы
в почве скользят и тонут.
Тонут пожары в рощах,
туманы в прощальных росах.

В медовых ячейках ночи,
воск проглотивши, тонут
яблоки, звёзды, пчёлы,
смородина и опёнки.
Кряквы набрякших листьев
плывут и на землю тонут.

Неся за пазухой август,
тонут шмели в полёте.
Тонут фонтаны в слёзах.
В дымке виденья тонут.

Тонут хрустальные скрипки
в аплодисментах лета...

О, холмогорские груди
неотражённых женщин!
Ваша бутонность с блеском
в платья скользит и тонет.
Скользят ваши белые плечи
белым, пушистым, чистым
и тополиным – снегом,
и ястребиным – смехом,
и паутиной – в небе –
ваши бездомные груди!

Бегите, бегите, крысы,
летите, летите рысью,
пусть в ливнях еще многотонней
скользит мой корабль – и тонет!

3. ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

О, изумрудные панели
пузатых майских поцелуев!

Сквозняк ликует. Жадно смалит
щетину розовых куплетов.
Сквозняк линчует ударенья.
И мы – тиски гусиной кожи.

Панели наголо пустеют.

Песчаный дым дрожит и пепел,
впиваясь в гривы всех солистов.
Висят глаза на нитях баров.
Уходят все. Опустошают.

Не пьются лишь только раки,
что на тарелках пламенеют.

«О, солнце! Ты воспрянь, как было,
исполни пламенное соло,
поддай парку, плесни-ка пеклом
и заголись – но как рябина!..»

Но солнце чешется, зевает,
протезный рот прикрыт ладонью.
Цветёт пощёчина расцвету,
ромашке детских сновидений.

Лежат в конвертах и в кюветах
мои искусанные губы,
мои запёкшиеся губы,
цветов зарезанные губы...

О, роз распушенность в июле!

4. ЗИМА

Когда приходят конвоиры
с мандатом вечной мерзлоты,
линяет голос канарейки,
худеют губы и цветы.

А недозревшие телята
в тепло и темень тычут темя
и просят: «Мама! Не роди!
Ну, подожди! Ну, погоди!..»

Гортанный мой, прошедший лес!
Ронять – не петь. Не схоронить
покровом белым твои раны,

твои скелеты хороши
нутру дымящихся кремаций,

и будут лоси в свой черёд
глотать гашиш осин и плакать.

А мне вино раздует вены,
я выйду в тундру, выйду пьяным.
Наперерез полярной ночи.
Замрут опоры бубенца.

Четыре тонкие копыта
найдут окно в острогах снега,
большие ссыльные глаза.

Глаза расскажут, как немного
устали или задремали,
как их чуть-чуть запорошило,
и будут медленно молчать.

5. РОЖДЕСТВО

Не увядайте, звёзды.

В спиральные мглы галактик,
как пчёлы, вонзайтесь, звёзды.
Только не тратьте, звёзды,
крылышек лепестковых.
Только не жальте, звёзды!

В клумбы всевышних мраков
светом корней врастайте,
чёрную магию пейте,
но лепестков крылатых
вниз не роняйте, звёзды.
Не увядайте, звёзды!

По чёрной дыре дороги,
выбрав куда и чей,
неудержимо шпарит
лучший из лучей.

Его лихих иголок
напёрсток неотложен.
Я в череп их запрячу
и на тропе подкожной.

Налю-ка я шампанского,
Медведица, дай ковш!
Хочу коснуться по миру
мозолями подошв.

И возглаголить новое,
заветное, такое,
что сбудется, что приидет
частицей и волною.

И встретить перекрёсток,
обнять, как бы распять...

О, звёзды, звёзды, звёзды,
как просто благо дать!

6. МАСЛЕНИЦА

Хоронили Снегурочку,
а она хохотала.
Видно, рехнулась девка
или перебрала.

Сороконожки-полозья
ползали по сугробам,
а она хохотала
страшной красой лица.

И срывала обёртки
с непотребного тела,
платья или берёсту,
кожи палящий зуд.

И бросала наотмашь
серьги, браслеты, кольца,
бусы и диадему.
Вновь сумасшедший смех.

Косы её метались –
два ручейка пожарищ –

в свете полупрозрачном
оледеневших звёзд.

И впивались атласно,
и вплетались шелково
в сбруи звенящих песен –
чёрные ленты кос!

И стояли смиренно,
величаво соборы,
и стояли морозы,
кушая эскимо.

Снегири-крохоборы
опаляли поляну,
стая красных бандитов
чистила серебро.

А над всем этим миром
возвышались графины.
Как горящие луны,
проносились блины.

Под подошвами смеха
снег был тих и подавлен,
почерневший, набухший
и осунувшийся.

7. ВЕСНА

Надоело рыбам твёрдое небо,
лучше расплатиться кровяным тельцом.
Неужели девица их купель забыла,
не взметнёт стихию плётками вьюнов?

Началось с застоя, с замысла, с настроя.
Утром тлел утробный пробный полувзвук.
Постепенно слитно заматались икры,
трамбовать поехало, шугануло вдруг.

Взвыло, заревело, разорвало тело,
лопнули огромно барабаны льда.
Молодость осколков насыщала пену.
О, строфа заплыва катастрофная!

Рушилось, крушилось, пелось, не кручинясь,
сталкивалось, плыло, в хор воды вело.
И мотало чьи-то нити путеводные
на водоворотное, на веретено.

Трубы водосточно рокотали гимны,
выпивтив разбухшую нижнюю губу.
Ликовал жабёныш: он теперь бежалыш,
он теперь отчалыш, залило нору.

Вешались портянки на шею верёвкам.
Байковые жесты. Хлопанья, как флаг.
И навоз, подкравшись, щекотался в ноздри,
прячась невидимкой в собственных парах.

Молодуха грудью наливала сына,
а молокосос конечностью был бес.
Ветер бил в светил летающих тарелки
и в башку вселялся мельниц и повес.

Распечатывались бандероли почек,
клея ухажёров нежным язычком.
Им навстречу чинно, чувствуя добычу,
самовары пели в животах жуков.

Извивался мусор в судороге дыма.
Черви, не поверив дождевым глазам,
исходя из праха, прорывали шахты.
Рыхло и нескладно булькала земля.

8. МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Пожар мой клевер раздувает.
Гектар нектаром изнурён.
Кипитшипящими шмелями
мохнатый воздуха узор.

Махрой по уши новобранно
сирень влипает в синий дым.
И мошкара кутит роями,
рои – как тосты молодым.

И пестики, своих тычинок,
обняв, уводят по суку,
и рассыпаются пылью,
войдя в азарт цветочных губ.

Настоян вечер на ромашках,
иван-да-марья да луна.
И впитывает золотую
росу щавеля кислота.

И паутинок микросолнца.
А над окном, приделав нить,
паук, как маятник замерший,
устал заметно мельтешить.

Багряный ветер еле дышит,
любя обильную траву,
в её подолы сыплет, мечет
багряный бисер, как икру.

Корою лапотную млея,
цветенье вскинув на висок,
немеют липы и немеет
их оплодотворённый сок.

И бродит в грушах заваруха,
и плавит губы чувство сот.
И сладкой дрожью по ладоням
стекает с неба чистый мёд.

1964

НИ ПУХА!

ПОЭМА ПРОЩАНИЯ

...

Мы живём внезапно.

Никто не достигает горизонта настолько, чтобы почувствовать его пройденным. И это не зависит от вашей скоропостижности.

Беру взаймы у времени сегодня, завтра оно мне может не дать.

Отдаляю руки и хватаю гриву горизонта – пока этот скакун пасётся.

...

Как рождался – перед дверью
я стоял в одной рубахе
и нисколько не стучался,
но она мне отворилась.

Как хорошая хозяйка,
улыбнулась и кивнула,
лёгким веером взмахнула
застеклённого подولا.

Как хорошая хозяйка,
она гостю предложила
нараспашку свои тайны,
бесподобные поныне.

Шла зима, вся в белой шубке,
как хлебцы, хрустели насты,
и в глазах её метельных
вырастали две цыганки.

Эти бабочки цветные
на извилинах ладоней
за мизерную оплату
только судьбы предлагали.

Удивлением безмерным
я был молод и охвачен.
А снега вокруг летали
из бумаги голубыми.

Помню лето. Исчисленье
мерой выбрало барокко,
и июльский бальный ветер
не одну клубничку трогал.

Помидоры и черешня
от напора пор и клеток
краснорожей круглой кожей
отбивались, как щитами.

Пчёлы лётные губами
к разным макам примыкали,
а когда их отнимали,
то, ужаясь, умирали.

Гарцевали над лугами
заливные кобылицы.
Развевались, как хоругви,
гривы, осени касаясь.

Осень, осень! На подносе
украшения в виде снеди.
Кочаны, челны и чаны
потеряли равновесье.

Ёжик осени катался
в чрезвычайной позолоте.
Шелухою на свиданьях
все лучи его звенели.

Осень в золоте купалась...
Не нашлось на свете мочи,
чьи бы зубы молодые
не кромсали её бёдер!..

А ещё на свете были
лебединые озёра.
Рассыпались дней стаккато.
Как сонаты, плыли ночи.

Дни и ночи, дни и ночи!
То потухнут, то погаснут.
Их маяк круглее суток.
Как сонаты – лунны ночи!

Кто их музыкой питался,
тот не раз качнулся пленно
лампой – ампулою света
и сомнамбулою тени.

Я, зажмурясь, озирался
и терял себя в догадках.
Птицы ребусов ныряли,
как под крышу, под ресницы.

Санки разного калибра
по снегам белков скользили.
На летящем блюде взгляда
не растаять вихрю пыли.

Шли дожди в воде по пояс,
но Земля не уставала
перед зеркалом Селены
мерять бусы винограда.

Ах, Земля не уставала,
морозей и сжимаясь,
мчаться к цели, мчаться к маю,
февралёк оставив лютым.

И, конечно же, бывало,
ей и ноздри щекотали
в шахтах пневмомолотками –
но она в ответ чихала.

Её груди дорожили
самоцелью поцелуев,
что качались над Эльбрусом,
как ковчеги, кучевые.

Когда сроки, словно соки,
кратер снизу поджимали,
её женственная сила
левой месячных бродила.

Потому что невозможно,
если стёкла запотеют,
не коснуться их платочком,
писк нервёнка утоляя.

Но уж раз коснулись мая,
расскажу о нём, как было.
Гениальность мая в клюве
первой ласточки висела.

Май развесил акварели
по полянам и по клёнам.
Из художников он выбрал
наиболее зелёных.

И лишь выставка открылась,
всякий сброд туда нахлынул.
Вездесущие букашки
объедали чьи-то крылья.

Но всевидяще, как боги,
и в кепчонках, сбитых шало,
мир скворечников дозорных
одноглазо возвышался.

И вот в этом самом месте,
как и все, кто жили сами,
наколотся я впервые
на мой личный гвоздь программы.

Одним мигом я, как током,
поражён был пораженьем
той стрелы, что пела в теле
первым в жизни опереньем.

Полюбил иль просто сглазил –
но была она спросонья
не в излишествах нейлонных,
а, смеясь, в моих ладонях.

Ну, а если покрывалом
был туман и замечала –
злилась кожей, будто раной,
и ладони обжигала.

Эта чудная тычинка
овладела лучшей тайной –
тайной обладанья мною
в крахе самообладаний.

Превзошёл тогда себя я.
О, приподнятость на ложе!
О, сегодня только память
на ходули вспрыгнуть может...

Вот иду и вижу снова –
сколько вас, недовоспетых!
Об одной сказать – но этим
вас, пожалуй, не уменьшить.

Я узнал на этом рынке
прейскурант души и тела.
Тело требовало тратить
то, что есть – себя и только.

А душа – иное дело.
Здесь я думаю примерно
так, что чем она дырявей,
тем, конечно, кружевнее.

Хоть сказал поэт однажды
про прекрасные порывы,
что «души»... но всё же вряд ли
призывал он нас душить их.

Я в любви не торговался.
Я признал одну расценку:
где ценнее, там бесценней,
значит, ноль цена всем ценам.

Вот треплюсь по ветру кожей,
той, которой трепет водит...
Что слова? Слова ничтожны
и темны для ослеплённых.

Их толочь легко, как воду.
Юность! То я не забуду,
что ты венчана улыбкой,
а улыбка неподсудна.

Жизнь моя, ведь, правда, похоть
приз не главный отхватила?
Тем, кто думает иначе,
ты не многое вдобила.

На твоих ногах рессорных
шейк расшатывал законы.
На плечах ручные птицы
вили гнёзда – не погоны.

Это время, это время,
смена лет, белья и крови!
Сколько раз рубаха счастья
была стирана – не знаю.

Обручение ночами
как приходит, так проходит.
Животы в ремнях, как бочки,
держат обручи иные.

Кончен сад. Мои побеги,
изловчась, от пней бежали.
В этом саде, в белом цвете
я свое отпартизанил.

Но клянусь глухой крапивой
и осколками стаканов,
что цветочков куш срывая,
не обидел даже мухи.

А другие... что другие?
Если живо людоедство,
то я с ним здесь не застряну,
это лифт другой поэмы.

Руки чешутся, не терпят,
по отточенной лопате.

Если б только мне вручили,
я б себя перелопатил.

Потому что зёрна хмеля,
чем пудовой их – замками,
тем бредовее – ростками –
жарко самовозгорают.

Но сегодня не подпрыгнуть...
Снег волос пришёл и выпал.
Лишь вино снабжает вены
ветром юности упругим.

Под конвоем эскулапов
я кочую, я чеканно
снова к двери приближаюсь
и готовлю чаевые.

Здравствуй, выход! Дверь, сим-симка!
Что ты ротик свой раскрыла?
Тебе странно, что твой мальчик
вытряс суточные крылья?

Здесь всё, милая, как надо.
Разве это неприлично,
если я не отказался
перепробовать всё лично?

Ну, пока! Держите лапу.
Вот на чай моя поэма.
Зря не поминайте лихом.
Будет трудно – напишите.

Хотя, стоп. Насчёт писанья
я мал-мал давал осечку.
Вы пишите в том бессилье,
когда лёгкость вас осилит.

Что вы там пролепетали,
голова моя два уха?
Пусть земля мне пухом будет?
Ни тебе пера – ни пуха!

Ни пуха!..

1964

СОДЕРЖАНИЕ

3 ТОПОНИМИКА ДЕТСТВА

- 3 ТОПОНИМИКА ДЕТСТВА. Триптих
- 10 Стихи о диких странах
- 15 Баллада о гусянине
- 16 «Икон у нас не было. Были – у дядки...»
- 17 «Отец вернулся в сорок пятом...»
- 18 ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА. Поэма благодаренья
- 24 Тетраптих Марии
- 26 Тасе
- 28 «Дом, в котором рождён я, не дом...»
- 29 «Гул идёт. Дрожат земля и стебли...»
- 29 «Два слова – «летний» и «сёлетний»...»
- 30 «Вам захотелось в марте взглянуть...»
- 31 «Мне сегодня приснился сон...»
- 31 Заметка на полях антологии «Поэзия крестьянских праздников»
- 32 Святая Русь
- 33 «Всегда имеется родник...»
- 33 Любовные треугольники наши
- 34 Так нарастали наши залпы
- 35 «Среди цветов, цветов, цветов...»
- 35 Эпизод из Великой Отечественной
- 36 Воспоминание о розах
- 39 Пласты моей юности

41 ГОНДВАН

- 41 «В схватке за жизнь полноправно свиреп...»
- 42 «Хоругви, полотнища, флаги...»
- 43 «Была Гондвана, нет Гондваны...»
- 44 Рогатая баллада
- 45 Европа и Азия
- 46 Разыскания в области верицы, или Сказ об изгнании ильменскими словами гостей незваных
- 47 «Слово о полку...» и «Задонщина»
- 47 В перекурах между войнами
- 48 Баллада-виденье
- 49 «Возлюбил я Христа, да Иуда расцвёл...»
- 50 Христос и вакханки
- 51 «Говорят, что Содом и Гоморру...»
- 52 В Тараканове
- 53 Слова с незащищённой кожей газовой
- 54 «Гудят, шипят, свистят, режут...»
- 55 Совет орлу
- 55 Бионика
- 56 «Столбы застолбили все страны...»
- 57 Среди медузных густок звёзд
- 57 «Дева первая – Ева, Эвочка...»
- 58 Циолковский
- 59 Физики
- 60 И были осколки похожи...
- 61 Разговор ЭВМ, год две тысячи энный
- 62 «Распагаться по сочнозелёному...»
- 63 Милорадович в Гродно
- 64 АИСТ. Поэма средневековая

69 НЕ ЖГИ ПЕРЕПИСКУ

- 69 «Лампа, бесстыжая из-под абажура...»
- 70 Ёж и фея
- 71 Зима, костёр, сказка
- 71 «Конца я боюсь – не того спектакля...»

- 72 «Жила-была женщина...»
- 72 Ты, я и снег
- 74 Свадебное послание
- 75 Не жги переписку
- 76 Воспоминание о музыкальном свойстве явления
- 78 Далекое
- 79 Средняя Азия
- 80 Субтропическая фантазия
- 81 Ещё один полонез...
- 82 Письмо на Чёрное море, после дорожно-транспортного происшествия
- 84 ЗАПИСКИ ЕЙ
- «Наверно, это ерунда...»
- «Анна – манна. Так неожиданно...»
- «Лето лето к нам. Лето отстало...»
- 85 Вечернее
- 86 Стихи о прекрасной женщине
- 90 Ты из слова «цветы»

91 КИСТЕПЁРЫЕ

- 91 Соловей
- 92 Воспоминание о вставшем человеке скульптора Д.Ф.Цаплина
- 94 Стихи о смерти Роберто Обрегана Моралеса
- 96 Встреча с П.Г.Антокольским
- 98 ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
- ХУДОЖНИКУ Г.М.КРАСИЛЬНИКОВУ
- Иронический портрет Г.М.Красильникова
- Послание Г.М.Красильникову на Новый, 1977-й год
- «Художник рисует Блока...»
- Кистепёры
- 104 П.Л.Проскурину
- 105 Одна фонограмма
- 106 Высоцкому
- 107 Графому
- 108 Поэту
- 109 Послание племяннику, нечаянное и нестрогое
- 110 К новым переводам «Слова о полку Игореве»
- 111 Руки Пушкина
- 111 «Пушкин! Пушки! Пыри! Ура!...»
- 111 «Маяковский Владимир Владимирович...»
- 112 Грузинский поэт
- 112 Классика
- 112 Праздники
- 112 Книги
- 113 Есть такая игра
- 113 Поэт и муза
- 113 «В океане поэзии столько островов...»
- 113 «Стихи – это души...»
- 114 «Всё, в меловый период что...»
- 115 Баллада о пользе рыбобуенья
- 116 «Мир заполнился шум-машинами...»

117 НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

- 117 «Это виденье – снова и снова!...»
- 118 Быль про февраль
- 119 «Как листки календаря...»

120 Когда выйдешь идти
 121 Детские рисунки на асфальте
 122 Детская луна
 122 Детские вопросы
 123 Заметка на обложке путеводителя
 124 Костры дискуссий
 124 «Ухо человека – знак вопроса...»
 125 Случайная связь
 126 «Из *доставать* люблю одно...»
 127 «Не пишите писем в Никуда...»
 128 «Войду ли в волну голубую...»
 129 Иронический взгляд в будущее
 130 «Когда носами псы на улице...»
 131 Скворец
 132 Однажды я был испанцем...
 133 Цыган
 134 В.С., подарившему мне на прощание патрон
 134 Примета времени
 136 Очень красивые портреты
 137 «Когда очередные съезды...»
 138 Случай в метро
 139 Тамерлан
 140 Археологическая железка
 142 Я.А.Спундз, сыну старых большевиков
 143 Человек
 144 СХОДНЯ. Зародыш поэмы
 147 Горная пастораль
 148 Вишнёвая косточка
 148 Сентябрьский офорт
 149 «Весной, после оледенения...»

151 НАДПИСЬ НА ВЕТРЕ

151 «Живые» цветы
 151 Зри в корень
 151 Зарубинецкая керамика
 151 Глаза ушедших
 151 Воистину убрис
 152 Причина причин
 152 Деревья («Деревья обрублены...»)
 152 Старинная тарелка
 153 Кибернетика
 153 Пара
 153 Комментарий через столетие
 154 Батумская сюита
 154 Суздаль
 154 «Кто основал город Киев?...»
 154 Твёрдая валюта
 155 Где кончается город
 155 Происхождение сказок
 155 Сумерки
 155 Вечер
 156 Учёный муж
 156 На примере животных
 156 «Без связей не проживёшь...»
 157 Мужчина и женщина
 157 «У рубля – покупательная способность...»
 157 Летнее время
 157 Неолит
 158 Почти как в предании
 158 Сказочное начало
 158 Первооснова
 159 Лебеди и змеи
 159 Яблоня цветёт
 159 Притча о себе
 160 «Когда космонавты выходят в открытое пространство...»

160 Парадокс
 160 Невыдуманная фантазмагория
 160 Коктейль
 160 Дело двоих
 161 Формула на сегодня
 161 Генным инженерам
 161 Великое переселение народов
 162 Приборы науки
 162 Счастливая жизнь
 163 Памятка
 163 Снежный человек
 163 Старость
 163 Барокко
 164 Батуми
 164 Зоопарк
 164 Бог науки
 165 Бегство кариатид
 165 Деловой совет
 165 Об обычно незамечаемом
 166 Пожелание зеваче
 166 Определение ГЭС
 166 Вперёдсмотрящие
 166 Исключение из правил
 166 Тропа
 167 Эталоны
 167 Физика гармонии
 167 Скоропостижные динозавры
 168 «Люблю, когда песня...»
 168 Два неба
 168 Элементарные частицы
 169 Тополь
 169 Подражанию достойно
 169 Масштабы
 169 Красота
 169 Ещё и уже
 170 «Нечто вползающее, нечто влетающее...»
 170 Звуки
 170 «Но играть на мне нельзя!...»
 171 В зоопарке
 171 Генезис болота
 171 Оправдание Галилея
 172 Виньетка
 172 Водоплавающие
 172 «Смотрю на разных два движения...»
 173 Новая вера
 173 О переселении душ
 173 Прозрачнее слёз
 174 Запахи
 174 Золотая осень
 174 Воробьиная истина
 175 Гипотеза о Вселенной
 175 Ещё гипотеза о Вселенной
 175 «Эй, неотразимый...»
 176 «Лучше один раз увидеть...»
 176 Моментальная фотография
 176 Загар
 177 Деревья («В час рассветный...»)
 177 Молекула ДНК
 177 Черепаший бог
 178 Свинья
 178 Световой год
 178 Застольный дуэт
 178 Последний стук
 179 Воздушный столб
 179 Совпали
 179 О состояниях
 179 Секрет взаимности

- 180 «Влажность одной слезы горькой...»
 180 Рига
 180 Синонимы
 180 Искусство и жизнь
 181 Шахматный сон
 181 Нечто вроде шутки
 181 Шахты
 182 Размер мира
 182 «Раньше так: немного подружат...»
 182 Пространство
 182 Раннее утро
 183 Птицы
 183 «Имеют возможность созвучья петься...»
 183 ЕЕЕ
 183 Шаги к миру
 184 Чёрный кофе
 184 Говорит хиппи
 184 Твёрдый курс
 184 Марсианский прогресс
 185 Луна
 185 Лунолика
 185 Музыка сфер
 186 Кумиры
 186 Древние мудрецы
 186 Кукушка
 186 «Мисс Вселенная захотела однажды...»
 187 «Как, казалось бы, просто...»
 187 Отцы и дети
 187 Несколько привычных метафор
 187 Иконо-карто-графическое
 188 Поиски и находки
 188 Точный прибор
 188 Предостережение буквоедам
 188 Май
 188 Лето
 188 Насекомые
 189 Протосолнце
 189 Музыка
 189 Ностальгия
 189 Мировой океан
 190 Млечный путь
 190 Нейтрино
 190 Рассказ туриста
 191 Первая любовь
 191 Пятна на Солнце
 191 Океан
 191 «Воробьяная лётная серость...»
 191 Птеродактиль
 192 Осадочные породы
 192 Подражание диву
 192 Ограбление граблями
 193 Школьное сравнение
- 193 УКАЗЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
 Экологический
 Идеологический
 Зодческий
- 194 МИНИАТЮРЫ
 «Как хороши за мной...»
 «Когда глаза открывала...»
 «Наши песенки ещё не очень спеты!...»
 «Бывает невесомо тело...»
 «Старых песен волшебное слово...»
 «Пришёл в собор...»
 «Когда, когда, когда...»
 «Наждак Земли горячая...»
 «Энергия сердца святая...»
 «Сквозь времени непокой...»
 «Настанет час – стекольщик...»
- 195 НАДПИСИ
 ... на ветре
 ... на устах красавицы
 ... ещё на ветре
 ... на снах
 ... на солнце
 ... на воде
 ... на мыльном пузыре
 ... на пчеле
 ... на солнечном зайце
 ... на комаре
 ... на тепловозе
 ... на змее
 ... на еже
- 197 НЕПРИЛИЧНЫЕ НАДПИСИ
 Ленин
 Сталин
 Наполеон
 Гитлер
 Нерон
 Швейк
 Остап Бендер
 Надпись на ларце молодожёнам
 Альпинист
 Адам и Ева
 Врач Н.
 Дон Жуан
 Красотка
 Ещё красотка
- 199 АЛЫЙ БАНТИК ГУБ
- 209 ИЗ «МОЛОДЫХ СТИХОВ»
 209 ВРЕМЕНА ГОДА. Поэма этюдов
 218 НИ ПУХА! Поэма прощания

Александр Александрович Шерстюк
 НАДПИСЬ НА ВЕТРЕ

Подписано к печати 22.06.1998 г. Бумага офсетная. Гарнитура Newton 7.
 Тираж 2000 экз. Заказ №137. Типография «ЗелО», 103527 Москва, а/я 22
 Лицензия ЛР №062112, выдана 26.01.1993 г.